КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ LXXXIX.

1905 г.

МАЙ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1905.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 12 апрѣля 1905 г.

ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНАЯ УКРАИНА.

I.

Такимъ именемъ я называю нѣкоторую часть южно-уссурійскаго края въ Приморской области, заселенную по преимуществу выходцами изъ Малороссіи, коренной лѣво- и право-бережной Украины, переселенцами Черниговской, Полтавской, Кіевской, Волынской и Подольской губерній.

Какъ образовалась дальне-восточная Украина, т. е. почему и кто поселился здѣсь впервые, кто и почему положилъ ей здѣсь начало—я не знаю и, думаю, никто этого не знаетъ въ точности.

Время основанія ея, сравнительно недавнее, — лѣтъ сорокъ съ небольшимъ,—совпадаетъ вообще съ началомъ русской вольной колонизаціи края и, надо думать, обусловлено моментомъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, т. е. именно тѣмъ моментомъ, когда крестьянинъ не рискуя быть пойманнымъ въ качествѣ бѣглаго отъ помѣщика, получилъ возможность двинуться съ мѣста.

Земельная тѣснота сразу дала себя почувствовать особенно сильно именно на Украинѣ, гдѣ населеніе было сравнительно густо и гдѣ помѣщикъ, принужденный освободить своего крѣпостного, не выказалъ щедрости въ надѣленіи его землей.

Получившій относительную свободу передвиженія такой земельно-угнетенный отправился искать мѣста, гдѣ-бы можно было

осѣсть и вести сколько нибудь сносное человѣческое существованіе. Естественно, что онъ двинулся на востокъ, представлявшій, если такъ можно выразиться, locum minoris resistenciae, хотя-бы въ силу одного своего простора. Проходя по равнинѣ Европейской Россіи, такой искатель мѣста гдѣ лучше, всюду видѣлъ положеніе, во многихъ отношеніяхъ сходное съ тѣмъ, которое онъ самъ покинулъ; всюду освобожденный крѣпостной устанавливалъ свои отношенія къ бывшему своему владѣльцу, разверстывался съ нимъ въ земельныхъ дѣлахъ, и потому Европейская Россія для такого искателя ничего соблазнительнаго представить не могла.

За Ураломъ, въ Сибири, украинецъ ищущій уголка гдѣ лучше встрѣтилъ большой земельный просторъ, но сибирская дремучая тайга, сибирская холодная, безконечная зима, вообще своеобразная суровая природа Сибири не пришлась по сердцу свободному искателю, если не счастья, то хоть гдѣ лучше, и онъ двинулся дальше и, пройдя всю Сибирь отъ Урала до Великаго океана, остановился на Уссури.

И климатъ, и почва, и лѣсъ, лиственный, а не хвойный, какъ сибирская тайга, и синева неба, и короткая, сравнительно мягкая зима, рѣзко отличаясь отъ сибирскихъ, отдаленно напоминали ему родную Украину; и онъ остановился здѣсь, осѣлъ и положилъ основаніе новой родинѣ.

Такимъ мнѣ представляется процессъ, предшествовавшій основанію дальне-восточной Украины.

Послѣдующій понятенъ и болѣе или менѣе извѣстенъ.

Прельщенный природой Южно-Уссурійскаго края, первый переселенецъ попробовалъ осѣсть и заняться своимъ исконнымъ дѣломъ хлибороба, вспахалъ и засѣялъ пашню. И она его не обманула, давъ роскошный урожай. Мѣсто гдѣ лучше было найдено—и онъ осѣлъ.

Тамъ, на далекой, родной Украинѣ у него остались близкіе родственники, добрые сосѣди и хорошіе знакомые, съ которыми онъ поспѣшилъ подѣлиться своимъ счастьемъ, своей радостью, и кадръ заселенія Южно-Уссурійскаго края, ядро новой дальне-восточной Украины образовалось легко и скоро. Къ пер-

вому засельщику потянулись родные, сосѣди, знакомые, которые свободно селились одинъ подлѣ другого, образуя хуторъ, поселокъ, деревню...

Оффиціальныя изслѣдованія заселенія Южно-Уссурійскаго края считаютъ началомъ его шестидесятые годы минувшаго столѣтія и дѣлятъ время заселенія края на 3 періода: 1-й отъ 1861 по 1883-й годъ, когда переселеніе совершалось черезъ Сибирь, сухимъ путемъ, 2-й съ 1883-го по 1900-й годъ, когда переселенцы направлялись изъ Одессы во Владивостокъ моремъ, и 3-й— до 1903 года, когда переселенцы слѣдовали по сибирской желѣзной дорогѣ, и дальше частью по Амуру до Хабаровска или, кромѣ сибирской, еще и по Китайской Восточной.

Кромѣ способовъ передвиженія, эти періоды различаются еще одинъ отъ другого и численностью ежегодно переселявшихся. Такъ, въ первый періодъ въ среднемъ число ежегодно поселявшихся въ южно-уссурійскомъ краѣ выражается цифрой 150 душъ, причемъ крайности колебанія выражаются 879 душ. въ 1869 году и 13 душ. въ 1873 году. Во второмъ періодѣ число переселяющихся достигаетъ въ среднемъ 2500 душъ, а въ третьемъ опредѣяется 10000.

Такая разница въ числѣ переселявшихся въ разные періоды обусловливается тѣмъ, что въ первый переселеніе происходило, такъ сказать, естественнымъ путемъ, безъ какихъ либо стороннихъ соображеній и вызывалось съ одной стороны перманентнымъ земельнымъ утѣсненіемъ на родинѣ, а съ другой, какъ я сказалъ уже, сообщеніями раньше переселившихся о благопріятныхъ условіяхъ поселенія на новыхъ мѣстахъ.

Слѣдующій періодъ, имѣя съ одной стороны туже непрекращающуюся причину земельнаго утѣсненія, привнесъ въ переселеніе политическіе мотивы—усиленіе русской колонизаціи на востокѣ въ виду осуществленія маньчжурской затѣи, окна на востокъ, незамерзающаго порта въ Тихомъ океанѣ и т. п., что, по терминологіи болтуновъ-апологетовъ затѣи, называлось «исторической миссіей Россіи». Темный и нищій русскій мужикъ долженъ

былъ внести свѣтъ и культуру въ среду считавшихся у затѣйщиковъ дикими и полудикими сосѣдей—китайцевъ, корейцевъ и японцевъ.

Третій періодъ съ интенсивированнымъ переселеніемъ, мнѣ кажется, обусловливался полупредвидѣніемъ, туманнымъ, инстинктивнымъ предчувствіемъ того, что происходитъ нынѣ въ Маньчжуріи и чему предполагалось противостоять сгущеніемъ населенія, долженствовавшаго представить изъ себя русскій оплотъ. Предполагалось даже съ этой цѣлью колонизовать «арендуемую» полосу вдоль желѣзной дороги въ Маньчжуріи.

II.

Центромъ дальне-восточной Украины нужно считать уѣздный городъ Приморской области Никольскъ-Уссурійскій, какъ потому, что онъ является самымъ давнимъ пунктомъ украинской и вообще русской колонизаціи края, такъ и потому, что онъ дѣйствительно является центральнымъ пунктомъ, отъ котораго заселеніе распространяется какъ-бы по радіусамъ, при чемъ длина такого радіуса равняется приблизительно 100 верстамъ. Такимъ образомъ, исходя изъ этого, площадь дальне-восточной Украины можетъ быть опредѣлена въ 120000 квадр. верстъ.

Никольскъ-Уссурійскій всего лишь лѣтъ восемь какъ переименованъ въ городъ изъ села Никольскаго и до сихъ поръ носитъ явные и типичные слѣды своего происхожденія даже по внѣшности.

Это большое малорусское село, первоначально расположившееся вдоль праваго берега рѣчки Раковки и Супутинки, впадающихъ въ р. Суйфунъ, оканчивающуюся въ Амурскомъ заливѣ.

Главная и самая старая улица—Николаевская, названная такъ въ память посѣщенія Никольска Государемъ, до сихъ поръ представляетъ изъ себя обыкновенный деревенскій видъ, въ данномъ случаѣ малорусско-деревенскій: вдоль всей улицы, по обѣимъ сторонамъ, вытянулись бѣлыя мазанки, мѣстами и теперь еще крытыя соломой.

Покато спускаясь съ одной стороны къ рѣчкѣ, окаймленной тальникомъ и вербами, расположились огороды, иногда съ рядами деревьевъ, напоминающими вишневые садочки. Въ концѣ города, при сліяніи Раковки съ Супутинкой, какъ часто и на Украинѣ коренной, устроенъ «ставокъ», подлѣ котораго живописно пріютился «млынокъ», такъ что получалась бы вполнѣ та картина, которой старый дидъ въ одной пѣснѣ смущаетъ молоду дивчину—«и ставокъ, и млынокъ, и вишневенькій садокъ», если-бы этотъ послѣдній былъ на лицо. Но съ акклиматизаціей фруктовыхъ деревьевъ въ краѣ дѣло подвигается довольно таки туго, хотя и небезуспѣшно. Кое-кому изъ любителей удается уже получать яблоки мѣстнаго произращенія, а дикая слива, дающая мелкіе и кислые плоды, указываетъ на возможность въ будущемъ имѣть и доподлинные вишневые садочки. Какъ на причину, мѣшающую выращивать плодовыя деревья изъ саженцовъ, привозимыхъ изъ Россіи, экспериментаторы садоводы указываютъ на исключительную мѣстную климатическую особенность. Въ концѣ января и въ февралѣ солнце уже настолько сильно грѣетъ, что освѣщенные его лучами предметы нагрѣваются до температуры чуть не +10° въ то время, какъ находящіеся внѣ сферы воздѣйствія солнечныхъ лучей сохраняютъ температуру —10 и даже —15. Такимъ образомъ, въ то время, когда на сторонѣ дерева, обращенной къ солнцу, соки оттаиваютъ и начинаютъ даже двигаться вверхъ, на остающейся въ тѣни они замерзши. Въ результатѣ такого положенія оказывается то, что дерево даетъ трещины и, разумѣется, погибаетъ; мѣстныя породы деревъ, очевидно, приспособились къ такой разницѣ въ температурѣ и прекрасно ее переносятъ безъ всякаго вреда для себя.

Главные порядки или улицы пересѣкаются совсѣмъ узенькими, чисто деревенскими переулками, въ которые выходятъ, главнымъ образомъ, задніе фасады различныхъ построекъ.

Какъ и въ деревнѣ, въ городѣ Никольскѣ-Уссурійскомъ поверхность улицъ осталась въ дѣвственной неприкосновенности, вслѣдствіе чего лѣтомъ, въ сухую погоду, на нихъ стоятъ тучи пыли, а въ ненастье—море грязи, вязкой, липкой и глубокой, положи-

тельно непроѣздной. Весной, когда растаетъ снѣгъ, никуда, разумѣется, не сгребаемый и не свозимый съ улицъ, нерѣдки случаи, что пара лошадей не въ состояніи вытащить экипажъ, если кто нибудь въ немъ сидитъ. И, что-бы сдвинуться съ мѣста, не только извозчикъ, но и злополучный сѣдокъ принуждены вылѣзать въ самую грязь, что-бы облегчить лошадямъ ихъ задачу.

Единственнымъ отличіемъ улицъ г. Никольска-Уссурійскаго отъ деревенскихъ является, можетъ быть, то, что на одной изъ нихъ, все той-же главной, Николаевской, находится чортова дюжина, ровно 13, городскихъ фонарей, да на многихъ эмбріоны тротуаровъ—деревянные, досчатые мостки, какіе встрѣчаются во многихъ захолустныхъ углахъ обширной Россійской имперіи. Но здѣсь эти «тротуары» имѣютъ нѣсколько оригинальную форму; двѣ доски, изъ которыхъ они состоятъ, не положены вплотную одна къ другой, а между ними оставленъ промежутокъ, равный ширинѣ одной доски. Старожилы объясняютъ эту оригинальность тѣмъ, что первый заставившій строить тротуары начальникъ округи, какъ тогда ихъ называли, или уѣзда былъ хромой—одна нога у него была короче другой—и по ровному мѣсту ему было неудобно ходить; вотъ онъ и придумалъ такіе тротуары, на которыхъ его колченогость становилась менѣе замѣтной. Хотя хромой начальникъ давно пересталъ быть начальникомъ, признательные никольцы продолжаютъ строить свои тротуары по колченогой системѣ. Вообще, можно думать, что никольцы народъ признательный и очень любятъ свое начальство, или что начальство у нихъ было всегда очень хорошее. По крайней мѣрѣ, за исключеніемъ упомянутой уже Николаевской и еще одной Хабаровской улицъ, всѣ остальныя носятъ названія отъ фамилій какихъ либо дальнихъ или ближнихъ мѣстныхъ начальниковъ; даже фамилія хромого начальника округи увѣковѣчена въ названіи одной, чуть-ли не самой грязной и топкой, улицы.

Бывали, положимъ, случаи, когда для оставленія по себѣ прочной памяти въ населеніи нѣкоторые прибѣгали къ искусственнымъ мѣрамъ, но это было не въ самомъ городѣ Никольскѣ, а въ селеніяхъ, находящихся въ вѣдѣніи подчиненныхъ главному

никольскому начальству лицъ, причемъ и въ этихъ случаяхъ проглядывала особенная оригинальность, заслуживающая, мнѣ думается, нѣкотораго упоминанія.

Не имѣя возможности увѣковѣчить свою фамилію въ названіи улицы, одинъ становой приставъ, въ участкѣ котораго было нѣсколько корейскихъ деревень, изобрѣлъ слѣдующее. Онъ оповѣстилъ «подвластныхъ» ему корейцевъ, что существуетъ законъ, повелѣвающій населенію хорошо знать въ лицо своего ближайшаго начальника. Для лучшаго осуществленія этого «закона» приставъ распорядился, чтобы каждый домохозяинъ имѣлъ въ своей фанзѣ его фотографическій портретъ, который можно было пріобрѣтать въ его канцеляріи при уплатѣ 3 рублей за экземпляръ. Такое осуществленіе закона, говорятъ, дало изобрѣтательному становому около 3000 рублей «безгрѣшнаго дохода», и портретъ этого ближайшаго начальника до сихъ поръ можно видѣть въ корейскихъ фанзахъ.

Судя по приведенному примѣру, можно думать, что и названіе улицъ фамиліями начальниковъ не столько вызвано признательностью населенія и добродѣтелями этихъ начальниковъ, сколько такими-же «законами», въ изобрѣтеніи которыхъ мѣстныя полицейскія и неполицейскія власти проявляли не разъ весьма много предпріимчивости, въ особенности, когда дѣло шло объ увѣковѣченіи начальническихъ фамилій. Послѣдняя склонность перешагнула даже за черту города Никольска и проявилась весьма ярко въ желѣзнодорожномъ вѣдомствѣ. Уже въ 1903 году, совершенно неожиданно для всѣхъ, и безъ всякой видимой причины и надобности, желѣзнодорожная станція «Никольскъ», къ которой съ обѣихъ сторонъ подходятъ городскія земли, была переименована въ Кетрицево, произведенное отъ совершенно неизвѣстнаго слова. Всѣ недоумѣвали, стараясь объяснить какъ нибудь такое странное переименованіе, но ничего не могли придумать, пока не узнали, что гдѣ-то, въ правленіи желѣзныхъ дорогъ, имѣется чиновникъ, кажется въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, по фамиліи Кетрицъ. Желѣзнодорожные инженеры, чтобы доставить его превосходительству удовольствіе, сдѣлали то, о

чемъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій просилъ Хлестакова—доложить, что на свѣтѣ существуетъ такой-то Петръ Ивановичъ, чтобы только знали это. Но съ извѣстностью Кетрица-Бобчинскаго въ Никольскѣ выходили иногда довольно непріятные анекдоты: ѣдущіе по желѣзной дорогѣ въ Никольскъ пассажиры не разъ проѣзжали мимо станціи и однажды даже экстренная оффиціальная бумага, адресованная коменданту станціи Никольскъ, которая, конечно, была названа Кетрицево, пропутешествовала сперва въ Москву и спустя мѣсяцъ попала къ адресату съ надписью, что генерала Кетрицева ни въ Москвѣ, ни въ окрестностяхъ не оказалось. Во время пріѣзда въ маѣ мѣсяцѣ 1903 г. въ г. Никольскъ генерала Куропаткина, которому разсказали объ «инцидентѣ» съ бумагой, разыскивавшей въ Москвѣ генерала Кетрица, населеніе Никольска хлопотало о возвращеніи станціи ея прежняго названія. Говорили, что ген. Куропаткинъ будто просилъ объ этомъ князя Хилкова и тотъ обѣщалъ исполнить эту просьбу. но, когда въ апрѣлѣ 1904 года я уѣзжалъ изъ Никольска, станція все еще называлась Кетрицево.

III.

Въ русскомъ населеніи южно-уссурійскаго края, не считая козаковъ, переселенныхъ съ Урала и Дона, а также частью изъ-за Байкала, малороссы настолько преобладаютъ, что деревенскихъ обывателей городской, такъ называемый интеллигентный, называетъ не иначе, какъ «хохлами». И дѣйствительно, среди полтавцевъ, черниговцевъ, кіевскихъ, волынскихъ и др. украинцевъ засельщики изъ великорусскихъ губерній совершенно теряются, являясь какъ-бы вкрапленными въ основной малорусскій элементъ, къ которому тѣсно примыкаютъ, сливаясь съ нимъ, бѣлоруссы изъ могилевской губерніи, въ особенности изъ той части ея, которая граничитъ съ черниговской.

Первые пришельцы въ Уссурійскій край, рѣшившіе осѣсть здѣсь, пользовались безграничнымъ земельнымъ просторомъ и, кромѣ образованія деревенскихъ поселковъ въ опредѣленномъ

пунктѣ. вызываемаго присущей каждому человѣку потребностью въ обществѣ себѣ подобныхъ, проявили еще склонность къ образованію заимокъ, отдѣльныхъ хуторовъ, землей по окружности которыхъ пользовались отдѣльныя семьи. Такимъ образомъ, рядомъ съ болѣе или менѣе многодворными селами здѣсь возникли и одинокія усадьбы, въ которыхъ живутъ обыкновенно въ періодъ полевыхъ работъ или рыбной ловли.

Возникновеніе хуторовъ имѣло мѣсто во время, такъ сказать, вольнаго заселенія края, когда ни у кого не родилось еще мысли о томъ, что высшее предопредѣленіе возложило на Россію какую-то особенную историческую миссію на азіатскомъ востокѣ, когда никто еще не почувствовалъ безудержной потребности въ незамерзающихъ портахъ на побережьи Тихаго океана, словомъ тогда, когда къ заселенію пустыннаго края еще не примѣшивались высшія соображенія внѣшней, иностранной политики, т. е. до начала 90-хъ годовъ минувшаго столѣтія. Въ это время переселеніе въ Сибирь вообще и въ Приморскую область въ частности стимулировалось только земельнымъ утѣсненіемъ на родинѣ, которое и гнало людей за многія сотни и тысячи верстъ въ невѣдомую даль искать не счастья, конечно, а только хлѣба. Предоставленный самому себѣ переселенецъ, окрещенный сибирякомъ старожиломъ названіемъ «самоходъ», брелъ по грунтовымъ дорогамъ съ своей семьей и жалкимъ скарбомъ, въ которомъ не малую роль играла родная землица, взятая, можетъ быть, съ дорогихъ могилъ предковъ и везомая въ отдѣльномъ ящичкѣ на телѣжонкѣ, а подчасъ и на ручной тачкѣ. Въ этотъ періодъ онъ брелъ на обумъ, питаясь христовымъ именемъ, вызывая лишь состраданіе у частныхъ лицъ, образовывавшихъ по городамъ Сибири общества вспомоществованія переселенцамъ; петербургскія канцеляріи, какъ извѣстно, и существующія только затѣмъ, чтобы проявлять попечительную заботливость о нечиновномъ россійскомъ обывателѣ, игнорировали въ это время бредущаго по Сибири переселенца, и онъ устраивался, какъ могъ и какъ хотѣлъ.

Съ начала 80-хъ годовъ переселеніе начинаетъ обращать на себя благосклонное вниманіе петербургскихъ департаментовъ, которые немедленно приступаютъ къ его упорядоченію, къ его регламентаціи и первымъ дѣломъ, разумѣется, образуютъ новыя управленія съ новыми штатами, конечно, обезпечиваемыми соотвѣтствующими окладами. Въ Сибири образуются переселенческіе комитеты съ отдѣльными при нихъ переселенческими, какъ-бы междувѣдомственными, чиновниками, а затѣмъ организуется отдѣльное переселенческое управленіе съ центральнымъ органомъ въ Петербургѣ и его многочисленными въ бюрократическомъ подраздѣленіи развѣтвленіями по Сибири. Стихійному переселенію начинаютъ придавать опредѣленную физіономію, принимая, съ одной стороны, во вниманіе помѣщичьи экономіи, которымъ нужны дешевыя рабочія руки, а съ другой—изобрѣтая историческую миссію для Россіи на Дальнемъ Востокѣ.

Въ помощь департаментамъ тотчасъ-же выступила извѣстнаго сорта «чего изволите» печать и «услужающіе» ученые, которые горячо начали поддерживать канцелярскія затѣи въ переселенческомъ дѣлѣ, и подъ вліяніемъ возникшихъ тамъ задачъ—искусственной поддержки отживающаго института и подготовительныхъ работъ къ осуществленію произвольно фантастической миссіи—стихійное явленіе было регламентировано въ видѣ особенныхъ правовыхъ нормъ.

Право переселиться получили лишь тѣ изъ желающихъ, которые могли на семью представить чиновнику переселенческаго управленія 600 руб. денегъ, какъ реальный фондъ, потребный на хозяйственное домообзаводство на новомъ мѣстѣ, и имѣли возможность, хоть скудно, оплатить свой проѣздъ туда.

Этимъ путемъ достигалось то, что малоимущіе должны были оставаться на родинѣ и для поддержанія своего существованія, разумѣется, предлагать свой трудъ въ экономіи.

А затѣмъ, такъ какъ имѣлась въ виду «историческая миссія», то получившихъ право на переселеніе направляли моремъ изъ Одессы туда, гдѣ осуществленіе этой миссіи должно было

получить конкретное, практическое осуществленіе, т. е. въ Приморскую область, наиболѣе близкую къ аренѣ миссіонной дѣятельности.

Исходя изъ такихъ-же фантастическихъ, какъ и самая миссія, соображеній, руководители дальне-восточнаго дѣла опредѣлили размѣръ земельнаго участка, потребнаго переселяемымъ миссіонерамъ, въ 100 десятинъ па семью.

Какой экономическій, политическій или соціальный принципъ былъ положенъ въ основу опредѣленія земельнаго надѣла размѣромъ 100 десятинъ, остается, строго говоря, неизвѣстнымъ, какъ и многое, исходящее изъ нѣдръ департаментскихъ канцелярій, покрывающихъ, какъ извѣстно, свою подготовительную дѣятельность, необходимой для ихъ благополучнаго существованія тайной.

IV.

Несмотря на всѣ хитроумныя измышленія, основанныя даже на выводахъ и заключеніяхъ «услужающей» науки, предусмотрѣвшія удовлетвореніе двухъ ничего общаго не имѣющихъ между собою задачъ, какъ поддержка экономій и «историческая» миссія, жизнь, дѣйствительная жизнь, пошла по тому направленію и тѣми путями, какіе ей были необходимы. Вновь изобрѣтеннымъ правомъ на переселеніе сумѣли воспользоваться до извѣстной степени и тѣ элементы деревни, которые предназначались, очевидно, для поддержки крупнаго сельско-хозяйственнаго производства на мѣстѣ, не обладавшіе шестисотрублевымъ цензомъ.

Номинальный глава переселяющейся семьи, представляющій переселенческому чиновнику въ видѣ 600 р. сертификатъ своей правоспособности, или собиралъ эти 600 рублей отъ маломощныхъ членовъ своей номинальной семьи въ складчину, или приписывалъ къ этой своей семьѣ совершенно не имѣющихъ ничего для домообзаводства на новомъ мѣстѣ, а лишь могущихъ, съ грѣхомъ пополамъ оплатить свой проѣздъ по льготному переселенческому тарифу.

Разрушая, такимъ образомъ, стройное зданіе канцелярской архитектуры правилъ переселенія, такія импровизованныя семьи и на новомъ мѣстѣ вызывали разныя нестроенія. Дѣло въ томъ, что семьи, внесшія 600 р. обезпеченія, по прибытіи на мѣсто своей новой осѣдлости, кромѣ этихъ денегъ, имѣли еще право получать отъ казны ссуду рублей въ 250, и вотъ изъ-за этой ссуды нерѣдко возникали пререканія между членами такой импровизованной семьи, такъ какъ фиктивные члены ея, переселяясь, имѣли нерѣдко въ виду основывать свои хозяйства при помощи лишь этой ссуды, выдаваемой, конечно, только главѣ семьи. Другимъ поводомъ неудовлетворительнаго выполненія исторической миссіи являлись впослѣдствіи споры на почвѣ земельныхъ отношеній между членами такой семьи. Получившій во владѣніе сто десятинъ глава семьи проявлялъ тенденцію распоряжаться ими по своему усмотрѣнію, игнорируя интересы приписавшихся, фиктивныхъ членовъ ея, которые протестовали противъ этого, обращаясь нерѣдко за разрѣшеніемъ своихъ споровъ къ представителямъ администраціи, которыми до 1901 года были всемогущіе земскіе засѣдатели, именовавшіеся въ Приморской области приставами и лишь въ этомъ году съ введеніемъ въ краѣ института крестьянскихъ начальниковъ получившіе къ прежнему названію прибавку «становые».

Если эти земельныя недоразумѣнія не принимали особенно острыхъ формъ, то этому косвенной причиной были постройки желѣзныхъ дорогъ—сперва Уссурійской, а затѣмъ Китайской Восточной, на которыхъ маломощные находили себѣ заработки, устраиваясь на нихъ въ качествѣ низшихъ служащихъ. Само собой разумѣется, что служба на желѣзныхъ дорогахъ не урегулировала окончательно земельныхъ отношеній, а лишь ослабляла до нѣкоторой степени рѣзкость недоразумѣній, слѣды которыхъ остались въ видѣ неравномѣрности надѣльныхъ участковъ у домохозяевъ одного и того-же селенія. Въ особенности замѣтно и чувствительно эта неравномѣрность сказалась у никольцевъ, часть земли которыхъ отрѣзана была для преобразованнаго въ городъ Никольскъ-Уссурійскій села. Послѣдствіемъ ея явилось стремле-

ніе малоземельныхъ къ передѣлу, котораго они не могли никакъ добиться въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, несмотря на свое численное превосходство, удовлетворяющее требованіямъ закона объ условіяхъ, при которыхъ передѣлъ можетъ осуществиться.

Въ данномъ случаѣ меньшинству, владѣющему большими участками, много помогло преобразованіе села въ городъ и прирѣзка къ послѣднему крестьянскихъ земель. Меньшинство это принципіально выражало свое полное согласіе на передѣлъ, но указывало на его несвоевременность, пока не будетъ окончательно вырѣшенъ вопросъ о неправильномъ будто-бы отводѣ городу части земель, числившихся въ сельской межѣ. По этому поводу обществомъ крестьянъ возбуждено было ходатайство о возстановленіи своихъ правъ на часть отрѣзанной у него земли, подана была куда-то жалоба на неправильныя дѣйствія въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыхъ представителей администраціи, но отъ этого дѣло не подвинулось ни на шагъ и все осталось по прежнему.

Съ 1901 года стодесятинный надѣлъ на семью въ виду какихъ-то соображеній былъ замѣненъ 15-ю десятинами на мужскую душу, но, помимо чисто теоретическихъ соображеній, основанныхъ на логическихъ данныхъ, насколько мнѣ извѣстно, и практически эта «реформа» не повела ни къ чему въ смыслѣ болѣе справедливаго распредѣленія земельныхъ угодій между домохозяевами любого селенія. Слѣдствіемъ такого положенія вещей явилось то, что семья, случайно, конечно, обладающая большимъ числомъ мужскихъ душъ, получила больше земли, чѣмъ та, у которой перевѣсъ оказывался на сторонѣ женщинъ, хотя потребности у той и другой могли быть одинаковыя. «Своими средствіями», разумѣется, и въ такихъ случаяхъ до нѣкоторой степени достигается компенсація путемъ аренды малоземельнымъ у многоземельнаго нужной первому земли, но принципъ, положенный въ основу пятнадцатидесятинной нормы, строго говоря, не выдерживаетъ критики, пожалуй, даже еще болѣе, нежели опредѣлившій норму стодесятинную на семью.

V.

Земельный просторъ и, главнымъ образомъ, стодесятинный надѣлъ породилъ одно, на мой взглядъ, весьма нежелательное явленіе соціально-экономическаго характера.

Даже при условіи существованія дѣйствительной, а не фиктивной семьи, имѣвшей возможность внести чиновнику переселенческаго управленія передъ переселеніемъ 600 р., свободно оплатить свой переѣздъ, немедленно по прибытіи на новое мѣсто построить хату, обзавестись живымъ и мертвымъ инвентаремъ и сразу-же своими собственными силами приступить къ хозяйствованію, немыслимы обработка и использованіе всѣхъ ста десятинъ. Остающійся участокъ земли безъ его эксплоатаціи могъ бы при такихъ условіяхъ служить для семьи запаснымъ земельнымъ фондомъ, къ надлежащему использованію котораго можно приступить лишь въ болѣе или менѣе близкомъ или отдаленномъ будущемъ; я разумѣю использованіе его собственными силами семьи, безъ найма работника или работниковъ за опредѣленное вознагражденіе. До наступленія такого момента участокъ такого запасного фонда долженъ былъ бы, какъ говорится, лежать втунѣ, если-бы, несмотря на видимый просторъ, не было нуждающихся въ землѣ для приложенія къ ней своего труда. Такими нуждающимися на дальне-восточной Украинѣ являются пришлые китайцы и корейцы, которыхъ съ родины гонитъ нужда и земельное утѣсненіе; и вотъ ему-то осѣвшій или даже нерѣдко только еще осѣдающій на новомъ мѣстѣ и сдаётъ въ аренду оказавшійся временно лишнимъ запасный фондъ.

Условія аренды бываютъ двоякаго рода —земля сдается арендатору за половину урожая или же за опредѣленную плату съ десятины; въ послѣднемъ случаѣ арендная плата въ среднемъ опредѣляется 10 рублями въ годъ. И то, и другое, разумѣется, оказывается чрезвычайно выгоднымъ владѣльцу земли, и онъ на этомъ основываетъ свое благосостояніе. Если для другихъ маломощныхъ эта операція въ первое время служитъ поддержкой для

устройства *своего* хозяйства, то для нуждающихся въ ней съ самаго начала и для маломощныхъ послѣ укрѣпленія въ хозяйственномъ отношеніи она служитъ источникомъ «первоначальнаго накопленія».

Испытавъ на себѣ самихъ гдѣ нибудь въ Полтавщинѣ или на Волыни сладость испольной аренды у помѣщика и прекрасно понимая выгоды, извлекавшіяся изъ нея землевладѣльцемъ, колонизаторы входятъ на новомъ мѣстѣ во вкусъ своего новаго положенія и, не стѣсняясь, пользуются имъ, тѣмъ болѣе, что «манза» или «ирбо»—такъ называетъ населеніе китайцевъ и корейцевъ—по общепринятому воззрѣнію не считается за настоящаго человѣка, а разсматривается за существо, чуть-ли не для того только и созданное, чтобы его эксплоатировать. Никто темнаго деревенскаго человѣка и не думаетъ въ этомъ разубѣждать, и онъ почти на каждомъ шагу видитъ подтвержденіе своему представленію. Только лѣнивый, кажись, не норовитъ обойти, надуть и обидѣть «желтолицаго брата», какъ трогательно именовали въ многочисленныхъ адресахъ Восточному институту китайцевъ, японцевъ и корейцевъ различныя депутаціи, явившіяся почтить торжество открытія этого единственнаго въ краѣ высшаго учебнаго заведенія. Только въ формѣ этой эксплоатаціи пока конкретно и выражалась историческая миссія, сочиненная въ петербургскихъ департаментахъ и горячо поддержанная ретивыми газетчиками нововременскаго толка.

«Желтолицый братъ», прошедшій «огнь, воду и мѣдныя трубы» всевозможной эксплоатаціи на родинѣ, побившій всемірный рекордъ приспособляемости къ любымъ мыслимымъ и, пожалуй, даже невообразимымъ условіямъ существованія, повидимому, доволенъ своимъ положеніемъ и аккуратно выплачиваетъ аренду деньгами или натурою «историческому миссіонеру»-землевладѣльцу. Въ иное время новый панъ или пидпанокъ лишь благодаря такой арендѣ способенъ поддержать свое существованіе, такъ какъ климатическія условія, какъ говорятъ, туманы, способствуютъ тому, что подчасъ хлѣбъ родится «пьяный», т. е. негодный въ пищу ни людямъ, ни скоту. Зерно «пьянаго» хлѣба

не только горько на вкусъ, но употребленіе его въ пищу сопровождается, кромѣ того, крайне непріятными, болѣзненными послѣдствіями—головокруженіемъ и рвотою. Обусловливается это особеннаго рода микроскопическимъ паразитнымъ грибкомъ, свойства котораго, кажется, до настоящаго времени не изучены должнымъ образомъ.

Бываютъ годы, когда сплошь весь урожай поражается этимъ грибкомъ и населеніе могло-бы оставаться вовсе безъ хлѣба, если-бы ему не доставлялъ его арендаторъ, эмпирически достигшій того, что засѣваемый имъ хлѣбъ не поддается дѣйствію вреднаго паразита. Такое благополучіе, повидимому, достигается съ одной стороны способомъ обработки почвы и посѣва, отличающимся отъ традиціоннаго русскаго вывезеннаго съ родины, отчасти, думается мнѣ, и отличіемъ породъ злаковъ, которые засѣваются одними и другими.

Однимъ изъ условій для избѣжанія «пьянаго» хлѣба является рядовой посѣвъ, практикуемый земледѣльцами китайцами и корейцами, у которыхъ, въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ бывшій министръ финансовъ Витте, забывая очевидно объ «исторической миссіи» русскаго населенія, рекомендуетъ поучиться способамъ земледѣльческой культуры.

Помнится, по этому поводу газеты довольно страстно заговорили было чуть-ли не объ обидности такой рекомендаціи, исходя изъ того, что «желтолицый братъ» по культурѣ вообще *долженъ* стоять гораздо ниже насъ, но въ сущности чортъ оказывался не такимъ страшнымъ, какъ его малевали, и принципъ земледѣльческой культуры этого брата населеніемъ былъ должнымъ образомъ оцѣненъ и въ преобразованномъ видѣ въ значительной мѣрѣ усвоенъ. Я имѣю въ виду отказъ отъ дѣдовскаго плуга и ему сопутствующихъ орудій и постепенный переходъ къ усовершенствованнымъ земледѣльческимъ орудіямъ, одно существованіе нѣсколькихъ складовъ которыхъ въ Владивостокѣ и Никольскѣ-Уссурійскомъ указываетъ на существующій на нихъ спросъ. И дѣйствительно, не говоря уже объ американскихъ плугахъ, совершенно вытѣснившихъ привезенные изъ благодатной

Украины, въ каждомъ почти дворѣ имѣется вѣялка, нерѣдкость жатвенная машина и въ каждомъ почти мало-мальски устроившемся прочно селеніи можно встрѣтить и молотилку; рядовыя сѣялки, экстирпаторы и окучники нерѣдкость на дальневосточной Украинѣ.

При условіи сдачи части земель подъ культуру злаковъ въ аренду и при обработкѣ другой ея части самолично подъ ту-же культуру населеніе, конечно, производитъ хлѣбъ въ количествѣ не только потребномъ въ качествѣ основного пищевого матеріала для себя, но и съ излишкомъ, который имѣлъ до послѣдняго времени хорошій сбытъ. Излишекъ произведеннаго хлѣба уходилъ для потребленія городского населенія, на винокуренный и пивоваренный заводы, но главнымъ потребителемъ его являлись войска, со времени возникновенія маньчжурской затѣи сконцентрировывавшіяся въ краѣ. Въ видахъ поощренія земледѣльческаго промысла было даже издано распоряженіе о пріобрѣтеніи мѣстнаго хлѣба интендантствомъ непосредственно отъ производителей. Несмотря на нѣкоторыя шероховатости въ процессѣ сдачи и пріемки хлѣба интендантству отъ производителей, такой порядокъ, несомнѣнно, способствовалъ развитію и усовершенствованію производства хлѣба, но это длилось лишь до тѣхъ поръ, пока маньчжурская затѣя не перешла въ стадію мечтаній о маньчжурской губерніи, производительность которой понадобилось поощрять всячески и во всѣхъ направленіяхъ. Маньчжурскій хлѣбъ сталъ появляться на рынкахъ Приамурья и началъ успѣшно конкурировать съ мѣстнымъ своею дешевизной, требовавшей пониженія рыночной цѣны послѣдняго болѣе чѣмъ на 50%. По словамъ, напр., благовѣщенскихъ мукомоловъ, представители которыхъ участвовали, въ качествѣ свѣдущихъ людей, на IV Хабаровскомъ съѣздѣ въ 1903 году, мѣстному земледѣльцу производство пуда хлѣба самому обходилось въ 97 коп., тогда какъ привезенный изъ Маньчжуріи пріобрѣтался ими по 58 коп. за пудъ.

VI.

При такихъ условіяхъ земледѣліе, разумѣется, въ широкихъ размѣрахъ, какъ промыселъ, дающій средства къ существованію вообще, а не только хлѣбъ для пищи, становится невыгоднымъ, и въ населеніи замѣчается новая тенденція—промѣнять лугъ и поле на прилавокъ, и плугъ съ косою—на аршинъ и вѣсы.

Помимо невыгодности занятія земледѣліемъ, въ такой тенденціи, на мой взглядъ, были еще два фактора, это—аренда земли китайцами и корейцами, дававшая, примѣрно, нормально устроившейся семьѣ до 500 рублей безъ всякой затраты съ ея стороны труда, и обиліе въ водахъ края разнаго рода рыбы, главнымъ образомъ, лососевой породы—горбуши и кэты, находившей повсюду прекрасный и выгодный сбытъ.

Подъ вліяніемъ этихъ трехъ факторовъ, такъ сказать, внутренняго воздѣйствія, а также видимаго и чуть не осязаемаго процвѣтанія мѣстной торговли, праздновавшей свой медовый мѣсяцъ за счетъ народныхъ средствъ, многомилліоннымъ потокомъ устремившихся въ оккупированную сосѣднюю Маньчжурію по линіи строившейся Китайской Восточной дороги, гдѣ они многими тысячами осѣдали по карманамъ всякихъ строителей, исконный хліборобъ, увлеченный общей жаждой наживы, превращался въ торговаго человѣка, временнаго и постояннаго такой-то гильдіи купца. И вотъ, къ тремъ китамъ приамурской торговли—фирмамъ «Кунстъ и Альберсъ», «Чуринъ и К°» и «Пташниковъ»—присоединяются новые, несомнѣнно, украинскаго происхожденія. Но подобно деревенскому парню, взятому въ «москали» и потому считающему себя почему то выше сѣрой деревенщины, и стыдящемуся, по глупости, своего родного языка, основатели недолговѣчныхъ торговыхъ фирмъ спѣшатъ скрыть свое происхожденіе, отречься отъ своей національности, если не перемѣнить, то хоть исказить свои фамиліи, въ результатѣ чего на магазинныхъ вывѣскахъ Павлюкъ, напр., преобразовывается въ Павлюкова, Рябошапка или Рябоконь—въ Рябошапкина или Рябоконева и

т. п. Глядя на эти смѣшныя претенціозныя метаморфозы Гриця Павлюка и Остапа Рябоконя въ Григорія и Евстафія Павлюковыхъ и Рябоконевыхъ, крупными буквами на вывѣскахъ оповѣщавшихъ нѣкоторымъ образомъ urbi et orbi о своемъ маленькомъ ренегатствѣ, я всегда припоминалъ слышанный мною еще въ юности анекдотъ о двухъ деревенскихъ парняхъ съ Украины, взятыхъ въ солдаты и тамъ, устыдившись родной рѣчи, ведшихъ на *чистомъ* великорусскомъ языкѣ слѣдующій діалогъ: «Пойдемъ, бря, на базёръ осельедку покуплять»! «Пойдемо»!..

Наблюдаемый здѣсь переходъ отъ поля къ торговому прилавку, освобожденіе хлибороба изъ-подъ «власти земли» происходитъ не медленнымъ накопленіемъ первоначальнаго торговаго фонда путемъ практики въ той-же торговой профессіи, начиная съ самаго маленькаго масштаба, а какъ-то вдругъ, сразу. Вчерашній еще, можно сказать, сѣрый мужичокъ превращается вдругъ въ обладателя крупнаго магазина на бойкой торговой улицѣ. Такое рѣзкое и быстрое превращеніе обусловливается, повидимому, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ области мелочного торга, гдѣ подчасъ годовой оборотъ купца выражается въ суммѣ какихъ нибудь нѣсколькихъ десятковъ рублей, есть ни для кого не побѣдимый конкурентъ—китаецъ, манза, какъ его зовутъ русскіе.

Сколотивъ буквально по грошу, отказывая себѣ во всемъ, въ чемъ только мыслимо себѣ отказать, десятка два-три рублей, такой манза подбираетъ себѣ еще нѣсколько такихъ-же компаньоновъ, арендуетъ у города или частнаго владѣльца земельнаго участка клочокъ земли въ 3—4 квадратныхъ сажени, одной стороной выходящій на улицу, строитъ на немъ досчатый балаганъ, раздѣляемый иногда досчатой-же перегородкой, за которой сооружаетъ нары для постели, закупаетъ на остальное «товаръ» и начинаетъ торговлю. Если такая торговля даетъ ему въ день двугривенный барыша, онъ вполнѣ счастливъ и благоденствуетъ, потому что изъ наторгованныхъ двадцати копеекъ онъ истратитъ на свои потребности пятачокъ, а оставшійся пятіалтынный, въ качествѣ дивиденда, дѣлится между компаньонами для образованія оборотнаго капитала въ видахъ расширенія торговли.

Нерѣдко случается, что, когда такой «купеза» довелъ свой оборотный капиталъ до полусотни рублей, въ одинъ прекрасный вечеръ къ нему въ «магазинъ» заявляются два-три его единоплеменника и требуютъ этотъ капиталъ для себя, причемъ, для большей убѣдительности своего требованія, одинъ изъ нихъ покажетъ револьверъ, а другой ножъ или топоръ.

Злополучный «купеза» въ такихъ случаяхъ безпрекословно выполняетъ требованіе пришедшихъ къ нему земляковъ, третій изъ которыхъ послѣ этого связываетъ его по рукамъ и ногамъ принесенной веревкой и оставляетъ за прилавкомъ или на нарахъ за перегородкой, и пришельцы удаляются. Лишь спустя часъ—другой, а иногда и больше, когда случайно зашедшій въ «магазинъ» покупатель развяжетъ «купезу», или когда ему самому удастся развязаться, ограбленный начинаетъ протестовать, т. е. кричитъ и заявляетъ для очистки совѣсти полиціи о случившемся. На языкѣ полицейскихъ протоколовъ такіе случаи называются «нападеніемъ хунхузовъ», хотя въ дѣйствительности ограбившіе купца ничего общаго съ истинными хунхузами, этими запорожцами Маньчжуріи, не имѣютъ. Это—такіе-же, можетъ быть, бывшіе «купезы», какъ и ограбленный ими, проигравшіеся въ какомъ нибудь притонѣ въ банковку до послѣдняго чоха и рѣшившіе раздобыть еще денегъ для игры, въ тщетной надеждѣ, что счастье повернется къ нимъ своимъ благосклоннымъ лицомъ, и они опять со «дна» вынырнутъ на поверхность.

Такіе «хунхузы» остаются обыкновенно неразысканными полиціей, а ограбленный можетъ быть и узнаетъ ихъ въ лицо на улицѣ, но признавать ихъ боится, ожидая за такое свое дѣяніе жестокой мести.

Побившій всемірный рекордъ приспособляемости ограбленный «купеза» приспособляется къ новымъ условіямъ и вновь начинаетъ процессъ накопленія по грошику, суживая кругъ своихъ потребностей еще болѣе, и продолжаетъ свою слезы-торговлю.

При такихъ условіяхъ мелочного торга, полагаю, конкурировать съ манзой врядъ-ли кто пожелаетъ и менѣе всего, разумѣется, переселенецъ малороссъ, освободившійся изъ жестокой

школы земельнаго утѣсненія и зависимости отъ сосѣдней помѣщичьей экономіи на стодесятинный просторъ новой, дальне-восточной Украины. Если-же здѣсь онъ иногда освобождается все таки изъ подъ власти земли, въ общемъ щедро вознаграждающей его труды, то дѣлаетъ это въ тѣхъ случаяхъ, когда перспектива торговаго процента манитъ его соблазнами быстраго обогащенія.

VII.

Необезпеченность сбыта излишковъ хлѣба и относительная невыгодность его производства, обусловленная дешевымъ маньчжурскимъ продуктомъ, ввозимымъ въ край по искусственно, до убыточности, пониженнымъ желѣзнодорожнымъ тарифамъ, вызвали въ населеніи, кромѣ проявленія склонности къ торговлѣ, усиленіе, напр., свиноводства, составлявшаго чисто домашнее для собственнаго потребленія занятіе, принимающее характеръ промышленнаго производства съ тенденціей къ крупному масштабу. На этомъ поприщѣ дѣятельности населенію пока нечего опасаться маньчжурской конкуренціи, потому что, хотя маньчжурская свинья и котируется на рынкахъ по цѣнѣ ниже дальне-восточно-украинской, но и по своимъ качествамъ она стоитъ гораздо ниже послѣдней.

Обиліе луговъ въ краѣ способствуетъ разведенію скота въ сельскомъ хозяйствѣ, причемъ, благодаря частной инициативѣ, замѣчается стремленіе къ разведенію лучшихъ породъ, напр., симентальской породы рогатаго скота и улучшенной породы лошадей; въ послѣднемъ случаѣ значительную роль играетъ конскій заводъ, принадлежащій нѣкоему г. Янковскому, еще въ концѣ 60-хъ или началѣ 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія получившему въ частную собственность островъ Путятинъ, расположенный вблизи Владивостока.

Вмѣстѣ съ родной землицей изъ Украины колонизаторъ южно-уссурійскаго края привезъ съ собой и пчелу, которая, благодаря обилію растительности, легко приспособилась къ мѣстнымъ

условіямъ и размножилась до такой степени, что въ Никольскѣ-Уссурійскомъ возникъ даже частный свѣчной заводъ, перерабатывающій воскъ мѣстныхъ пчелъ въ церковныя свѣчи.

Другой продуктъ пчеловодства—медъ получаетъ повсемѣстное распространеніе какъ въ естественномъ видѣ, продаваясь на базарахъ по цѣнѣ сахара, такъ и въ переработанномъ—въ качествѣ напитка, и частью идетъ въ зарождающееся пряничное производство.

Сравнительная мягкость климата и обиліе травъ естественно вызвали мысль о полнѣйшей возможности разведенія въ краѣ овецъ, попытки чего мѣстами уже дѣлаются и не безуспѣшно, что можно замѣтить хотя-бы уже по тому, что въ послѣдніе годы на базарахъ появилась въ продажѣ баранина, года три тому назадъ еще совершенно отсутствовавшая.

Матеріальному благосостоянію населенія, помимо благопріятныхъ условій для земледѣлія, въ значительной степени способствуетъ изобиліе въ краѣ дичи и рыбы, вызывающее къ жизни охоту и рыболовство въ качествѣ занятія съ промышленнымъ характеромъ.

Изъ крупной дичи нужно отмѣтить прежде всего дикаго кабана, въ извѣстные періоды появляющагося въ изобиліи на рынкахъ Владивостока и Никольска-Уссурійскаго, гдѣ онъ продается по вполнѣ доступной цѣнѣ, а затѣмъ козулю, дикую козу, мясо которой составляетъ также не послѣдній предметъ торга. Изъ мелкой дичи, появляющейся на базарахъ, можно указать на зайца, а, главнымъ образомъ, большое распространеніе имѣютъ представители пернатыхъ, изъ которыхъ первое мѣсто по обилію нужно отвести фазану, въ иное время продающемуся замѣчательно дешево: пара фазановъ—самецъ и самка—иногда продается по 30 к. Затѣмъ, конечно, идутъ во время весенняго и осенняго перелетовъ дикіе гуси и утки, а также въ опредѣленное время тетерева, глухари, рябчики.

Городскому обывателю все это приходится пріобрѣтать изъ вторыхъ рукъ, отъ перекупщиковъ китайцевъ, положительно за-

хватившихъ въ свои руки эту торговлю и ведущихъ ее, несмотря на всякія обязательныя постановленія городскихъ думъ, весьма успѣшно и безпрепятственно.

Хотя охота въ жизни сельскаго населенія и играетъ весьма значительную роль, но она все-же является лишь подсобнымъ промысломъ въ деревнѣ, гдѣ основой благосостоянія служитъ земледѣліе. Не то съ рыболовствомъ, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, которыя близки къ озерамъ или сколько нибудь крупнымъ рѣкамъ и рѣчкамъ, впадающимъ непосредственно въ море. Здѣсь рыбная ловля оттѣсняетъ земледѣліе на второй планъ, дѣлая *его* подсобнымъ промысломъ, несмотря на встрѣчающіяся даже въ этомъ направленіи препятствія. Въ краѣ извѣстны, между прочимъ, случаи, когда одинъ изъ крупныхъ представителей администраціи, очевидно крѣпко усвоившій себѣ положеніе, что земледѣліе повсюду на Руси служитъ основнымъ промысломъ сельскаго населенія, требовалъ у жителей такихъ естественно рыболовныхъ мѣстностей усиленной обработки поля, угрожая, въ случаѣ неповиновенія своему желанію и указанію, переселить ихъ на новыя мѣста, несмотря на то, что они на выбранныхъ ими хорошо и прочно устроились и пользовались очевиднымъ экономическимъ благосостояніемъ.

Несмотря на начальственныя угрозы, населеніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это ему было удобнѣе и выгоднѣе, посвящаетъ много вниманія, времени и труда рыболовству, которое, въ силу исключительно благопріятныхъ условій, щедро вознаграждаетъ его за это.

Обиліе рыбными богатствами морей, омывающихъ нашу восточную окраину, можно, безъ риска впасть въ преувеличеніе, назвать баснословнымъ, сказочнымъ.

Ранней весной, едва рѣки и рѣчки очистятся отъ льда, начинается рыбная ловля, сперва, главнымъ образомъ, для собственнаго потребленія, причемъ ловится по преимуществу мелкая рыбешка—корюшка, прямо вычерпываемая изъ воды небольшой сѣткой, натянутой на четыреугольную раму, прикрѣпленную къ длинному, гибкому шесту. Вслѣдъ за корюшкой идетъ навага

или вахня, какъ ее тамъ называютъ, которую ловятъ тоже для собственнаго потребленія, и, пожалуй, сельдь, довольно плохого качества, ухудшаемая еще незнакомствомъ съ надлежащимъ способомъ засола.

Но это—рыба, такъ сказать, между прочимъ, являющаяся предметомъ промысла только у манзъ и корейцевъ, обитающихъ въ городахъ или въ подгородныхъ селеніяхъ, и сбываемая на рынкахъ въ свѣжемъ, несоленомъ видѣ. Иногда только въ деревняхъ, расположенныхъ близъ морского побережья, находятся отдѣльныя лица, которыя пытаются производить засолъ сельди для сбыта на рынокъ, но ихъ въ разсчетъ принимать нельзя, такъ какъ подобныя явленія имѣютъ лишь характеръ спорадическій. Предметомъ промысла, оттѣсняющаго даже земледѣліе на второй планъ, для цѣлыхъ мѣстностей служитъ появляющаяся въ опредѣленные періоды въ неисчислимомъ количествѣ вдоль сѣверной части тихо-океанскаго побережья лососевой породы рыба горбуша и кэта—родъ семги. Во время весенняго и осенняго хода она набивается во всѣ попадающіяся ей на пути рѣки и рѣчки иногда въ такомъ количествѣ, что буквально можетъ быть ловима голыми руками. Ловится она неводами и сѣтями, причемъ, для большей успѣшности лова, населеніе перегораживаетъ вбиваемыми въ дно кольями все русло рѣки или рѣчки, оставляя лишь небольшія ворота для прохода рыбы въ подставленные тамъ для нея невода и сѣти. Хотя устройство такихъ «заѣздокъ» и предусмотрѣно разными правилами, изданными управленіемъ государственными имуществами, правилами, предусматривающими и размѣры самыхъ заѣздокъ, и размѣры неводовъ, и размѣры сѣтевыхъ и неводныхъ ячеекъ, и время постановки заѣздокъ и неводовъ, и т. п. охранительныя мѣры, выработанныя въ хабаровскихъ канцеляріяхъ, но онѣ сплошь и рядомъ нарушаются сообразно съ тѣми обстоятельствами, которыя всевѣдущими канцеляріями, пекущимися, какъ извѣстно, о должномъ порядкѣ для благосостоянія народа, остаются непредусмотрѣнными.

Изъ за этихъ заѣздокъ подчасъ возникаютъ даже споры межу селеніями, лежащими выше и ниже по теченію рѣкъ, когда

недостаточно обильный ходъ рыбы деревнями, лежащими выше, объясняется незаконнымъ перегораживаніемъ русла рѣки жителями деревень, расположенныхъ ниже по теченію этихъ рѣкъ.

Вотъ эта-то рыба—горбуша и кэта, въ особенности послѣдняя, вылавливается ежегодно въ сотнѣ тысячъ пудовъ, засаливается въ бочки и сбывается на рынокъ, давая промышленнику хорошія средства къ жизни, при помощи которыхъ онъ удовлетворяетъ всѣ свои потребности.

Чтобы въ общемъ покончить съ источниками благосостоянія населенія дальне-восточной Украины, я не могу не упомянуть еще о принесенной съ далекой родины культурѣ подсолнечника. Проѣзжая по желѣзной дорогѣ, вблизи которой расположены деревни, повсюду видишь плантаціи этого растенія, сѣмена котораго находятъ сбытъ на нѣсколькихъ маслобойныхъ заводахъ, перерабатывающихъ, кромѣ подсолнечника, также и коноплю, дающую здѣсь хорошій урожай. Тѣ-же сѣмена подсолнечника, какъ и тамъ на основной, коренной Украинѣ, составляютъ обычное деревенское лакомство, истребленіемъ котораго, вмѣстѣ съ сѣменами тыквы, занимается по преимуществу молодежь, въ особенности по праздничнымъ днямъ. Къ вечеру въ такіе дни подлѣ каждой хаты земля сплошь покрыта серебристою шелухой этихъ сѣмечекъ, которыя положительно предпочитаются кедровому орѣху, какъ извѣстно, по всей Сибири играющему въ деревенскомъ обиходѣ ту-же роль, что и сѣмечки въ Малороссіи.

Затронувъ «вопросъ» о сѣмечкахъ, между прочимъ, тыквенныхъ, нельзя пройти молчаніемъ и того овоща, изъ котораго они добываются—тыквы. Тыква растетъ здѣсь прекрасно и составляетъ, конечно, принадлежность каждаго деревенскаго огорода, какъ и огурцы, а также и «кавуны», и дыня. Условія для культуры ягодныхъ кустарниковъ оказываются здѣсь тоже весьма благопріятными, и смородину, красную и черную, малину и крыжовникъ мѣстнаго произращенія можно уже встрѣтить даже въ продажѣ на рынкахъ.

VIII.

Уже на основаніи тѣхъ данныхъ общаго характера, которыя приведены у меня выше, можно составить себѣ нѣкоторое представленіе о матеріальномъ благосостояніи населенія дальневосточной Украины, а частныя, конкретныя—только подтверждаютъ это представленіе. Въ селахъ и деревняхъ, уже прочно устроившихся, т. е. непредставляющихъ поселковъ свѣже прибывшихъ переселенцевъ, матеріальное благосостояніе сказывается въ весьма ясныхъ и опредѣленныхъ признакахъ, прежде, всего въ характерѣ избъ и другихъ хозяйственныхъ построекъ.

Тѣхъ вросшихъ въ землю жалкихъ мазанокъ, крытыхъ гнилой соломой, съ крошечными подслѣповатыми оконцами, едва пропускающими свѣтъ внутрь человѣческаго жилья, по своему убранству не рѣзко отличающагося отъ хлѣва, съ землянымъ поломъ, вы почти не встрѣтите. Если попадаются изрѣдка и такія, то лишь какъ исключеніе, какъ уцѣлѣвшія отъ первыхъ годовъ послѣ переселенія, когда новоприбывшіе поскорѣе торопились соорудить какое нибудь помѣщеніе, гдѣ бы можно было укрыться отъ осенней непогоды и зимней стужи. Въ общемъ, хотя избы, по традиціи, и обмазаны глиной и выбѣлены известкой, но построены изъ хорошаго лѣса, высокія, съ створчатыми окнами, по шести стеколъ въ рамѣ, крытыя не гнилой и растрепанной соломой, а свѣжей и ровной, вытѣсняемой постепенно оцинкованнымъ волнистымъ желѣзомъ, какъ матеріаломъ въ пожарномъ отношеніи безопаснымъ, такъ и не требующимъ въ теченіи многихъ и многихъ лѣтъ никакого ремонта. Обыкновенно изба дѣлится на двѣ половины—черную и чистую,—при чемъ во второй половинѣ обстановка норовитъ принять городской, культурный характеръ: одновременно съ широкими, нерѣдко выкрашенными масляной краской лавками въ чистой половинѣ попадаются и стулья, иногда вѣнскіе, комодъ, съ небольшимъ зеркаломъ надъ нимъ; кое гдѣ буфетъ и даже платяной шкафъ, а не то у перегородки, иногда раздѣляющей чистую половину на двѣ части, можно замѣтить и

стареньую кушетку; деревянные крашеные диваны, тѣ ужъ совсѣмъ нерѣдкость, также, какъ и желѣзныя кровати, получающія, благодаря своей относительной дешевизнѣ, широкое распространеніе.

Кромѣ этихъ частныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о матеріальномъ благосостояніи населенія дальне-восточной Украины, наглядным общимъ признакомъ могутъ служить базары въ какой-нибудь предпраздничный лѣтній или весенній день, напоминающіе, съ одной стороны, въ сильной степени деревенскія ярмарки въ коренной Малороссіи, но съ другой—рѣзко отличающіеся отъ нихъ отсутствіемъ одного чрезвычайно, мнѣ кажется, характернаго аксессуара послѣднихъ.

Базаръ въ торговый день, напр., въ Никольскѣ-Уссурійскомъ весьма напоминаетъ какое-нибудь мѣстечко на Украинѣ; та же масса круторогихъ воловъ, лѣниво пережевывающихъ жвачку подлѣ возовъ, наполненныхъ мѣшками муки, крупы, сала, свиныхъ тушъ, разной домашней птицы, колбасой деревенскаго приготовленія и т. п.; тѣ-же чоловикы и парубкы въ свиткахъ зъ видлогамы и безъ нихъ, тѣ-же бабы и дивчата съ намистамы на шеяхъ, а послѣднія съ пучками лентъ въ косахъ, въ запаскахъ и плахтахъ, продающія и масло, и сметану, и творогъ, и крашенки, и медъ...

Повсюду слышится веселый, бойкій, оживленный малорусскій говоръ, и въ жаркій лѣтній день легко можно подумать, что находишься гдѣ-нибудь въ Миргородѣ, Рѣшетиловкѣ или Сорочинцахъ временъ Гоголя. Но для полной иллюзіи не достаетъ одного, какъ я уже сказалъ, чрезвычайно характернаго аксессуара малорусскихъ базаровъ, отсутствіе котораго, по моему, безошибочно свидѣтельствуетъ о матеріальномъ довольствѣ населенія. Я имѣю въ виду нищихъ, въ особенности слѣпыхъ, хромыхъ безрукихъ и безногихъ, которыми до отличительнаго признака изобилуетъ благодатная Украина. Здѣсь на базарахъ нѣтъ нищихъ малорусской національности, какъ ихъ нѣтъ и вообще въ южно-уссурійскомъ краѣ, этой дальне-восточной Украинѣ, изъ среды общерускаго населенія. Нищенствуютъ здѣсь, главнымъ образомъ, калѣки китайцы и корейцы, изъ которыхъ послѣдніе проявляютъ

въ особенности склонность къ попрошайничеству. Попадаются просящими милостыню изрѣдка и русскіе, но это въ большинствѣ случаевъ вырвавшіеся на материкъ искать счастье и не нашедшіе его сахалинцы, да иногда случайные, застигнутые какимъ-нибудь бѣдствіемъ отдѣльные переселенцы. Но всѣ эти категоріи просящихъ не концентрируются на базарахъ, а ходятъ по дворамъ, и то въ весьма ограниченномъ числѣ, и не стоятъ по улицамъ; совсѣмъ не то, что въ Кіевѣ, напр., гдѣ черезъ каждые 10--20 шаговъ на любой улицѣ города встрѣтишь непремѣнно мужчину или женщину, протягивающихъ къ прохожимъ руку.

Такое отсутствіе или крайняя ограниченность нищихъ ясно свидѣтельствуетъ, что населеніе дѣйствительно не нуждается, будучи матеріально хорошо обставленнымъ, имѣя, въ случаѣ надобности, возможность всегда найти работу, обезпечивающую ему существованіе.

Такъ какъ воспитанная на родинѣ въ строгомъ режимѣ ограниченности пищевыхъ средствъ деревня и на дальній востокъ перенесла выработанную этимъ режимомъ теорію о «лишнихъ ртахъ», то съ осени, обыкновенно съ Покрова, на рынкѣ въ городахъ является предложеніе этихъ «ртовъ» въ видѣ молодыхъ дѣвушекъ и дѣвочекъ подростковъ, нанимающихся въ качествѣ домашней прислуги, недостатокъ которой здѣсь довольно ощутителенъ и функціи которой до послѣдняго времени съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ исполняли мальчики китайцы, извѣстные съ англійскаго «boy»—мальчикъ подъ именемъ боекъ; русскій человѣкъ, привыкшій Ивана называть Ванькой, передѣлалъ англійское «boy» въ русское «бойка».

Несмотря на то, что деревенскія Ганны, Горпыны и Оксаны по осени появляются въ качествѣ «лишнихъ ртовъ» на рынкѣ въ немаломъ числѣ и несмотря на сильную конкуренцію имъ со стороны голодныхъ ртовъ «боекъ», первая прислуга не теряетъ въ цѣнѣ и съ успѣхомъ вытѣсняетъ своихъ «желтолицыхъ братьевъ», которые впослѣдствіи нерѣдко прислуживаютъ своимъ конкуренткамъ вытѣснительницамъ.

Въ началѣ своей карьеры эти Горпыны и Оксаны покорно отдаютъ батькамъ, являющимся чуть не ежемѣсячно къ нимъ въ городъ, свои заработанныя деньги, но съ теченіемъ времени многія изъ нихъ эмансипируются отъ этой повинности и начинаютъ копить для себя, въ особенности, если имъ впереди предстоитъ перспектива въ городѣ же выйти замужъ.

А это случается весьма нерѣдко, такъ какъ недостатокъ женщинъ на далекой восточной окраинѣ весьма значителенъ.

Большинство изъ нихъ берутся въ замужество выходящими въ запасъ солдатами или матросами, пристраивающимися на должности приказчиковъ въ торговыхъ помѣщеніяхъ или писцовъ, конторщиковъ, кондукторовъ и т. п. на желѣзныхъ дорогахъ. Для иныхъ счастье улыбается шире и онѣ становятся чиновницами, барынями. Въ первыхъ случаяхъ онѣ не порываютъ съ деревней и не стѣсняются признавать своихъ родственниковъ, въ свиткахъ и плахтахъ являющихся иногда къ нимъ въ гости; въ послѣднихъ, —очевидно, подъ вліяніемъ своихъ «благородныхъ» или «высокоблагородныхъ» супруговъ, онѣ не любятъ вспоминать о своемъ «неблагородномъ» происхожденіи и родствѣ.

IX.

Еще однимъ, кромѣ приведенныхъ, доказательствомъ благопріятности условій для сельской колонизаціи южно-уссурійскаго края можетъ служить то обстоятельство, что, помимо крестьянъ, тенденцію осѣсть на землю издавна проявляли многіе изъ лицъ, не принадлежащихъ къ этому сословію, изъ коихъ нѣкоторые различными путями, напр., на правѣ давности, осуществляли свое стремленіе, завладѣвали небольшими сравнительно участками земли. Но это стремленіе въ особенности ясно и опредѣленно проявилось въ 1900—1901 году, когда правительствомъ было объявлено желаніе установить въ Сибири, а стало-быть и въ области дальне-восточной Украины частное землевладѣніе. Особенный аппетитъ въ этомъ отношеніи проявился среди такъ называе-

маго культурнаго класса, главнымъ образомъ, среди чиновничества, довольно хорошо уразумѣвшаго, гдѣ въ близкомъ будущемъ станутъ зимовать раки. Мнѣ лично приходилось бесѣдовать по этому вопросу съ многими, обращавшимися ко мнѣ за разъясненіями деталей правительственнаго распоряженія о частномъ землевладѣніи, причемъ иные вполнѣ опредѣленно излагали сущность своихъ вожделѣній, и ихъ мотивы. Стодесятинный крестьянскій надѣлъ и встрѣчающіяся формы его эксплоатаціи, о которыхъ я упомянулъ выше, опредѣляли сущность этой вдругъ возгорѣвшейся въ сердцахъ людей 20 го числа любви къ матушкѣ-кормилицѣ, сырой землѣ. Бродячій манза и кореецъ, ищущіе приложенія своихъ рукъ къ земледѣльческому труду, вызвали эти, несвойственныя мыслящимъ по входящимъ и исходящимъ за опредѣленными номерами отношеніямъ, предписаніямъ и предложеніямъ людямъ, нѣжныя чувства къ матушкѣ-кормилицѣ. Бесѣдовавшіе со мной нисколько не скрывали этого и не пытались вовсе облекать свои вожделѣнія въ красивые мотивы заботъ объ общественной пользѣ, общемѣ благѣ. Они разсуждали гораздо проще и на надѣленіе ихъ казенною землей безвозмездно или на особенно льготныхъ условіяхъ смотрѣли какъ на простой актъ справедливости со стороны правительства, въ сущности, по ихъ мнѣнію, даже обязаннаго вознаградить ихъ такимъ способомъ за ихъ вѣрную службу, и возможность неудовлетворенія ихъ желаній считали даже просто обидой. Какъ аргументъ въ пользу своихъ воззрѣній, они приводили тотъ фактъ, что нижніе воинскіе чины, служившіе въ краѣ, по выходѣ въ запасъ, имѣли право приписываться къ мѣстнымъ сельскимъ обществамъ и получать опредѣленный (15 дес.) земельный надѣлъ. Въ увлеченіи соблазнительными перспективами своего будущаго землевладѣнія всѣ совершенно забывали тѣ преимущества и привилегіи въ видѣ увеличенія окладовъ за пятилѣтнюю, десятилѣтнюю службу въ краѣ и льготы на выслугу пенсіи, сопряженныя съ этой службой, и видѣли только право солдатъ на землю, чего не имѣли они, вѣрные слуги, чиновники. А тутъ, какъ на грѣхъ, у нихъ передъ глазами были восхитительные примѣры нѣкоторыхъ уже устроив-

шихся захватчиковъ, умудрявшихся иногда извлекать баснословные доходы изъ земли, въ родѣ 500—700 р. съ десятины, занятой подъ культуру мака для приготовленія опіума... Но все это были, такъ сказать, единичныя вожделѣнія частнаго характера, гдѣ каждый суетился и вожделѣлъ за свой личный страхъ и рискъ, если можно такъ выразиться, вожделѣнія не обобщенныя, не связанныя никакимъ единствомъ.

Въ 1903 году нашелся, наконецъ, и объединитель общечиновничьихъ мечтаній, проявлявшихся доселѣ разрозненно. Проявился этотъ объединитель въ центрѣ дальне-восточной Украины, откуда, разумѣется, лучше всего было наблюдать мужичье благополучье, въ Никольскѣ-Уссурійскомъ въ лицѣ городского старосты, подполковника въ отставкѣ Калинина, который на IV Хабаровскомъ съѣздѣ, созванномъ бывшимъ Приамурскимъ генералъ-губернаторомъ Суботичемъ, выступилъ съ цѣлымъ докладомъ на мотивъ частнаго землевладѣнія въ южно-уссурійскомъ краѣ. Предполагаемыми и по докладу желательными землевладѣльцами, конечно, являлись чиновники и офицеры какъ отставные, такъ и находящіеся еще на дѣйствительной службѣ, но прослужившіе не менѣе 12 лѣтъ въ краѣ. Размѣръ частновладѣльческихъ участковъ предполагался отъ 300 до 3000 десятинъ, желательныхъ къ полученію, разумѣется, лучше всего даромъ или, въ крайнемъ случаѣ, за самую ничтожную уплату за нихъ, производимую на самыхъ льготныхъ условіяхъ съ многолѣтней разсрочкой, безъ какихъ-либо обязательныхъ требованій, напр., постройки извѣстныхъ усадебныхъ сооруженій, обработки опредѣленнаго числа десятинъ и т. п.

Въ частной бесѣдѣ съ авторомъ доклада и его сторонниками мнѣ пришлось по этому поводу выслушать наивно или цинично откровенныя разсужденія, гдѣ цѣль спекулированія пріобрѣтенной даромъ или почти даромъ землей прямо-таки и указывалась, причемъ, тоже прямо, заявлялось, что главное, что бы землевладѣлецъ, чиновникъ или офицеръ, могъ взять изъ этой операціи все, что можно, а въ концѣ концовъ земля все-таки найдетъ своего настоящаго хозяина, который и станетъ ее обрабатывать. Это

было въ частныхъ бесѣдахъ, въ докладѣ-же извлеченіе выгодъ изъ земли ея чиновнымъ владѣльцемъ ставилось совсѣмъ на послѣднемъ планѣ; о немъ чуть-чуть лишь упоминалось вскользь.

Основнымъ мотивомъ проекта была, конечно, забота о меньшомъ братѣ, какъ извѣстно, всегда нуждающемся если не въ непосредственной, такъ сказать, осязательной для себя опекѣ, то, во всякомъ случаѣ, въ непрестанной заботливости, безъ которой онъ положительно погибнетъ.

Исходя изъ этого положенія, авторъ проекта аргументировалъ такъ. Площадь земли, годная подъ заселеніе крестьянъ, уже вся опредѣлена и «если не занята, то намѣчена и нанесена на планъ». Остающіяся за выдѣленіемъ крестьянскихъ участковъ земли непригодны къ заселенію вслѣдствіе того, что въ большей части своей онѣ покрыты лѣсомъ, рубка и корчеваніе котораго для переселенца не по силамъ. Постройки желѣзныхъ дорогъ, на которыхъ вновь прибывающій переселенецъ находилъ себѣ до сихъ поръ средства, нужныя ему для первоначальнаго домообзаводства, кончаются, вслѣдствіе чего маломощные изъ прибывающихъ въ край принуждены будутъ значительное время бѣдствовать, тѣмъ болѣе, что другой источникъ благополучія—сбытъ производимаго хлѣба въ казну, въ интендантство, вслѣдствіе конкуренціи маньчжурскаго хлѣба, сокращается. Отсутствіе и неудовлетворительность существующихъ дорогъ мѣшаютъ излишекъ хлѣба подвозить къ желѣзной дорогѣ для вывоза его, положимъ, въ нуждающееся обыкновенно въ немъ Забайкалье и, такимъ образомъ, ставятъ крестьянина въ весьма и весьма затруднительное положеніе. Вотъ для того, чтобы вывести его изъ такого положенія, чтобы облегчить ему существованіе и возможность хозяйственно устроиться по прибытіи на мѣсто новаго переселенія, нужно всю оставшуюся отъ крестьянскихъ участковъ землю, въ количествѣ двухъ милліоновъ десятинъ, передать чиновникамъ и офицерамъ.

Эти благодѣтели, которымъ до извѣстной степени тоже понадобятся для ихъ виллъ и экономій дороги, прежде всего дадутъ вновь прибывающимъ переселенцамъ возможность заработать quelque chose при рубкѣ просѣкъ и устройствѣ этихъ дорогъ,

необходимыхъ имъ-же самимъ, а затѣмъ и въ работахъ въ качествѣ батраковъ по экономіямъ. Этимъ путемъ они избѣгнутъ той нужды, которую неизбѣжно будутъ терпѣть въ первое время по прибытіи въ край безъ стороннихъ заработковъ, и слѣдовательно, чиновничье-офицерскія имѣнія будутъ способствовать прямо и непосредственно матеріальному благосостоянію крестьянъ. Но этого мало. Вырубивъ и выкорчевавъ лѣса при помощи тѣхъ-же переселенцевъ, которые сами, безъ внушенія землевладѣльцевъ, не въ силахъ этого сдѣлать, чиновные господа разведутъ образцовыя крупныя хозяйства, глядя на которыя мужики станутъ поучаться усовершенствованной земледѣльческой культурѣ и тѣмъ самымъ, разумѣется, улучшать еще болѣе свое благосостояніе. Значеніе этого нагляднаго обученія, по словамъ автора проекта, такъ велико, что передъ нимъ теряютъ всякое значеніе различныя сельскохозяйственныя школы, что, въ свою очередь, принесетъ немаловажную пользу и казнѣ, такъ какъ ей не придется расходоваться на учрежденіе такихъ школъ, что, между прочимъ, имѣлось въ виду сдѣлать основаніемъ сельско-хозяйственнаго училища въ Никольскѣ-Уссурійскомъ.

Несмотря на всю «убѣдительность» аргументаціи подполковника въ отставкѣ, докладъ его не встрѣтилъ поддержки и сохранился лишь въ напечатанныхъ по распоряженію генералъ-губернатора Суботича трудахъ съѣзда, какъ одинъ изъ многихъ памятниковъ чиновничьей изобрѣтательности, когда дѣло идетъ объ увеличеніи какимъ нибудь путемъ присвоенныхъ по штату окладовъ.

X.

Въ заключеніе своего краткаго очерка дальне-восточной Украины, касающагося матеріальной стороны положенія поселившихся въ ней малороссовъ, полагаю нелишнимъ сказать два-три слова о положеніи населенія со стороны его духовной жизни и на первомъ планѣ, разумѣется, о положеніи здѣсь дѣла народнаго образованія.

Если природныя условія, т. е. климатъ, почва, обиліе земли, богатства моря и рѣкъ и растительность создаютъ то, что населеніе въ матеріальномъ отношеніи поставлено въ положеніе вполнѣ удовлетворительное въ данный моментъ, то, къ сожалѣнію, совершенно нельзя сказать того-же объ условіяхъ, которыя способствуютъ духовному развитію населенія, которыя дѣлали бы его способнымъ улучшать духовную сторону его жизни.

Дѣло народнаго образованія въ краѣ поставлено крайне неудовлетворительно вообще. а по отношенію къ деревнѣ въ особенности.

О какомъ-бы то ни было вліяніи открытаго въ 1899 году Восточнаго института, разумѣется, говорить нечего, такъ какъ и самое его существованіе и учрежденіе никакихъ, если такъ можно выразиться, краевыхъ интересовъ не преслѣдовало: «историческая миссія» была положена въ основу поставленныхъ передъ институтомъ цѣлей, осуществленіе которыхъ отчасти уже обнаружилось въ распространеніи въ обществѣ ложныхъ представленій о Японіи, какъ о странѣ, населенной полудикарями.

За институтомъ слѣдуетъ состоящая при немъ классическая гимназія, далѣе женская гимназія и мореходные классы для штурмановъ и шкиперовъ дальняго плаванія—учебныя заведенія, находящіяся внѣ сферы пользованія основного населенія дальне-восточной Украины, на долю котораго остается съ полдюжины министерскихъ народныхъ школъ, церковно-приходскія и такъ называемыя школы грамоты. О постановкѣ дѣла народнаго образованія въ школахъ послѣднихъ двухъ типовъ распространяться не буду, ибо оно ничѣмъ не отличается отъ такого-же повсюду въ Россіи, гдѣ какъ культурнымъ обществомъ, такъ и народной массой имъ уже сдѣлана надлежащая оцѣнка. Говоря безпристрастно, здѣсь, на дальневосточной Украинѣ, учебное дѣло въ первой изъ нихъ, т. е. въ школѣ церковно-приходской, пожалуй, бываетъ иногда нѣсколько лучше, нежели въ Европейской Россіи, такъ какъ ясно выраженныя тамъ цѣли «внутренней политики» проступаютъ здѣсь довольно слабо, за отсутствіемъ объекта, по отношенію къ которому веденіе этой

«политики» могло-бы казаться нужнымъ. Въ результатѣ такого положенія вещей въ иныхъ школахъ прямыя, учебно-педагогическія задачи берутъ верхъ надъ сторонними, политическими, и у воспитанниковъ этихъ школъ остаются нѣкоторые слѣды воздѣйствія школы въ видѣ грамотности. Къ сожалѣнію, это можно сказать только относительно нѣкоторыхъ школъ, такъ какъ въ общемъ составъ педагогическаго персонала далеко не стоитъ на надлежащей высотѣ; подборъ въ большинствѣ случаевъ, къ сожалѣнію, оказывается далеко не удачнымъ.

Министерскія школы, обставленныя опредѣленными программами, до послѣдняго времени находившіяся, строго говоря, въ вѣдѣніи полиціи, т. е. приставовъ, само собою разумѣется, въ смыслѣ распространенія просвѣщенія положительныхъ результатовъ дать не могли, и населеніе, освободившись отъ земельнаго утѣсненія, погнавшаго его съ родины за тысячи верстъ искать гдѣ лучше, въ отношеніи духовнаго развитія осталось попрежнему темнымъ и безпомощнымъ.

Война съ Японіей, хотя населеніе еще и пользуется льготой въ отношеніи отбыванія воинской повинности молодымъ поколѣніемъ, на экономическомъ положеніи дальне-восточной Украины отзывается весьма тягостно. Мобилизація, призвавшая на дѣйствительную службу запасныхъ солдатъ, какъ приписавшихся по выходѣ со службы къ мѣстнымъ сельскимъ обществамъ, такъ и прибывшихъ съ семьями изъ Европейской Россіи, въ качествѣ главъ семействъ или старшихъ членовъ ихъ, сильно пошатнула благосостояніе далеко еще не окрѣпшихъ хозяйствъ, оставшихся безъ главныхъ работниковъ и вслѣдствіе этого поневолѣ принужденныхъ сократить свои операціи. Военно-конная повинность усугубила, съ своей стороны, эти неблагопріятныя условія и результатомъ въ первую очередь явилось неизбѣжное уменьшеніе площади посѣвовъ, не могущее компенсироваться обработкою полей пришлыми китайцами и корейцами, на которыхъ невѣрность положенія и опасенія переноса военныхъ дѣйствій на территорію дальне-восточной Украины повліяли отпугивающимъ образомъ и

заставили ихъ ее покинуть и искать спасенія отъ неизбѣжно сопряженныхъ съ войною бѣдствій у себя на родинѣ.

То-же опасеніе японскаго вторженія на территорію южно-уссурійскаго края вызвало распоряженіе высшей администраціи объ образованіи своего рода милиціи, народныхъ дружинъ. Сперва для организаціи ихъ призывались всѣ *желающіе* мужчины, отъ 16-и до 50-тилѣтняго возраста, потомъ для крестьянъ вступленіе въ дружины было сдѣлано обязательнымъ для каждаго двора сперва по одному человѣку, а затѣмъ по два и, наконецъ, все мужское населеніе было обращено въ дружинниковъ, обученіе стрѣльбѣ, маршировкѣ, построеніямъ, ружейнымъ пріемамъ и полевой службѣ которыхъ возложено на спеціально назначенныхъ изъ запаса унтеръ-офицеровъ, начальниковъ сотенъ и т. д.

Обученіе всяческимъ воинскимъ артикуламъ уже само по себѣ на нѣкоторое время—по вокресеньямъ и праздникамъ—отвлекало работниковъ отъ хозяйства, но къ этому присоединился еще и усилилъ это отвлеченіе способъ организаціи сотенъ и дружинъ, образуемыхъ изъ мужского населенія, конечно, не одной какой нибудь деревни, а зачастую нѣсколькихъ. Само собою разумѣется, что въ одну сотню, напр., назначались люди близко расположенныхъ селеній, но нерѣдко оказывалось, что селенія, обозначенныя отстоящими одно отъ другого на 5—7 верстъ на картѣ, въ дѣйствительности отстояли на 50—70 верстъ, вслѣдствіе отсутствія непосредственно соединяющихъ ихъ дорогъ, и для того, что-бы дружинникамъ одной сотни собраться въ назначенномъ пунктѣ на ученіе, нѣкоторымъ приходилось добираться туда кружнымъ путемъ, сдѣлавъ не одинъ десятокъ верстъ пути пѣшкомъ, на лошади или по желѣзной дорогѣ. А на это требовалось время, отнимаемое и такъ у далеко не обезпеченнаго достаточнымъ числомъ работниковъ хозяйства, которое вслѣдствіе подобнаго положенія должно было приходить въ разстройство.

Въ такомъ состояніи къ лѣту прошлаго года я оставилъ дальне-восточную Украину, которая по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, по обилію и разнообразію природныхъ бо-

гатствъ, по энергіи и предпріимчивости населенія, прошедшаго тяжелую школу «домашняго» воспитанія и длинный путь до мѣста, ознакомившій его съ многимъ, чего оно никогда-бы не увидало при другихъ условіяхъ, представляетъ много несомнѣнныхъ данныхъ счастливаго будущаго по минованіи войны и измѣненіи къ лучшему политическихъ условій существованія, чего съ такимъ напряженіемъ жаждетъ нынѣ вся страна.

В. Илличъ-Свитычъ.

НА ВОКЗАЛИ.

(Нарысъ).

Сонечко ховалося за лисъ, що стиною стоявъ на краевыди, и землю обгортавъ тыхый майськый вечиръ. Повіявъ свиженькый витрець и заворушывъ срибно-зелени лысточкы молодыхъ осокоривъ та тополь. Въ кущахъ бузку спивавъ соловейко. По выложеній каминнямъ дорози, зъ города до вокзалу, торохтилы та брязчалы покаличени брычкы, запряжени такымы-жъ покаличенымы киньмы.

Передъ коштовнымъ будынкомъ вокзала поважно ходылы купци, розмовляючы про свои торгови справы. Бравый жандармъ брязчавъ шпорамы и наче мирявъ ступнямы стежку; крутячы вусы и насторожывшы вуха, винъ пронызувавъ своимы очима кожного, на кого падавъ ёго поглядъ. Молоденьки телеграхвысты и пидтелеграхвысты, зъ блескучымы кгудзыкамы и кокардамы, те-жъ бигалы тутъ, трохы не въ голосъ думаючы, що воны всихъ увагу звертають тилько на себе,—звисно: молоде-зелене! Не мало було тутъ людей, яки рады святого вечера выйшлы до вокзалу погуляты и ходылы по перрони, а други сыдилы биля своихъ клункивъ, дожыдаючы машыны.

Окремо, геть дали, на краи перрона сыдила купка людей, душъ на двадцять. Тутъ булы и стари й мали. Дидъ старый, що вже головы не мигъ здержаты—все нею крутывъ,—байдужно дывывся навкругы; баба стара та высока, ажъ похыла, сыдила биля велыкого клунка, не звертаючы зъ его очей; молодыця годувала малу дытыну та грымала на двохъ бильшенькыхъ хлопчыкивъ, що гралыся биля неи; дивчата та парубкы весело щебеталы, сміялыся.

Схылывшыся на ципокъ, стоявъ пидстаркуватый чоловикъ.

— А вы, бабусю, те-жъ на поселяне?—запытавъ винъ старои.

Баба видирвала очи видъ клунка и повернула голову до чоловика

— Та я ще вернуся сюды; я не на поселяне, а до сынивъ у гости. Одвидаю, якъ воны тамъ жывуть, а онукамъ повезу гостынцивъ.—И баба головою кывнула на клунокъ. А гостынцивъ, гостынцивъ у тимъ клунку!—кныши та паляныци и торба оришкивъ.

— А де-жъ сыны?

— Та на поселянахъ, такы-жъ. Рокивъ зъ пьять буде, якъ пишлы на Кубань, а я зъ меньшымъ сыномъ зосталася. А це— йидуть сусиды туды-жъ, и я зъ ными.

Дидъ потрясъ головою ще дужче и наче самъ до себе промовывъ:

— Йидуть!.. А чого воны йидуть? жыть-бы та жыть на одnимъ мисти, а то .. Роскишъ!..

— Роскишъ?..—озвалась молодыця, що годувала дытыну— бодай собака не диждала такои роскоши!..—И очи іи заблыщалы слизьмы. Слово «роскишъ» вразыло іи въ саме серце.

— А хиба—ни? Кажу-жъ що зъ роскоши!—вже сердыто мовывъ дидъ.—Я якъ бувъ колысь панськымъ...

— Вы своеи!—перебыла молодыця ричъ.—Панськи!.. Було колысь що панови робылы, такъ на панському й жылы, панське йилы, панъ и подушне платывъ, а теперъ?!.. Не роскишъ, а лыха годына мене жене зъ диткамы Богъ-зна куды!

— Дочко, дочко!.. На панському жылы, панське йилы!.. Чи дуже собака рада тому цепови, биля якого дають ій шматокъ хлиба?. Та... що тоби казать! Не зазнала ты панськои ласкы, панського хлиба!.. Охъ, воля, дочко, воля!..

— Воля! Що зъ такои воли? Правда—вильно зъ голоду вмерты... такъ и вмерты-жъ диткы не дадуть. Не дадуть, бо жаль йихъ. Не пидіймутся рукы сами на себе, а смерть не прыходыть!..

— А моимъ сынамъ тамъ дуже добре жыветсяǃ—каже баба—пышуть, що дуже добре!

— Вашымъ, баба, сынамъ и тутъ жылося добре—одмовыла ій молодыця.—Багатому скризь добре! Була въ ныхъ тутъ земля, було доволи всёго, то и тамъ не гирко жыть; а мы—якъ тутъ чужи робитныкы, якъ тутъ попыхачамы жыемо, то й тамъ такъ само будемо скытаться!..

— Ще гиршъ! Кажу вамъ, и казавъ, и тамъ скажу: ще гирше!

— Годи вже вамъ, тату!—озвався худенькый чоловичокъ рокивъ пидъ сорокъ, що въ цей часъ пидійшовъ до гурту.—Вже що буде, те й буде, а гиршъ не буде якъ йе!

— Побачышъ!.. Не разъ, сыну, згадаешъ мою сю ричъ, та...

И дидъ тяжко зитхнувъ и замовкъ. Хытаючы головою дывывся винъ на той бикъ, де ледве прымитно сынило ёго ридне село. Тамъ родывся винъ и вырисъ, и восьмого десятка вже диждавъ. Бувъ панськый винъ, дворовый, и на волю выйшовъ безъ ступня земли—надилу не далы, бо винъ «дворовый». Стару поховавъ рокивъ у пьять писля воли; диткы, яки булы, померлы и зостався тилько меньшый сынъ, и цей помагавъ ёму бытыся зъ лыхомъ, якъ рыба объ лидъ, покы стяглыся на кгрунтъ, та хату. А теперъ сынъ продавъ ту хату, зибравъ сотню зъ чымсь карбованцивъ и думае въ далекій сторони, на чужыни, заводыты нове хазяйство, жыть и розжыватыся!..

«Добре тамъ де насъ немае»! Прысливья це Трохымови не разъ спадало въ думку, не разъ и батько це ёму казавъ, а жинка грызла голову,—але-жъ уперто думавъ винъ: «не буде гиршъ, якъ йе»!

Жинка Трохымова довго не згожувалась кыдаты ту хату, що мазала вона й билыла, ту ничъ, де хлибъ вона пекла́, а хлибъ—заробленый за восьмый снипъ! До болю жаль було ій кожнои рослыны—деревыны на тому кгрунти, де ходылы іи ногы бильшъ десятка рокивъ, де порепани чорни рукы копалы й пололы грядкы. Та злыдни жаль перемоглы! Зго́дылась вона, колы іи Трохымъ почавъ потипаты, що на поселянахъ будуть воны маты свою коровку—свое молочко для дитокъ, свои овечкы—свою вовну для свиткы. Бильше вирыла вона Трохымови своему, нижъ свекрови, якый не згожувався зъ цымъ. «Хиба забулы вы прысливья: на однимъ мисти и каминь обростае»! Що-дня старый прысливья це казавъ,—алежъ коровка, овечкы та порося manылы геть туды, кудысь, въ невидомый далекый край, «на поселяне». А де ти «поселяне», вона не знала зовсимъ и знаты не хотила! Бажалося ій для дитокъ молока, котрого воны не малы тутъ. Бере вона зъ собою на завидъ свое багатство тутешне—одну однымъ квочку зъ маленькымы курчаткамы, и ій марытся вже що матыме вона доволи крашанокъ и буде йисты ихъ не тилько на святый Велыкдень, а може й коженъ день!.. И якъ не згодытся, не йихать?.. Покынула вона всихъ родычивъ у ридному сели, а йиде геть туды, де вильный степъ, де диткы на своему будуть пасты своихъ телятокъ та ягнятъ. А вона. О, Боже! якъ не йихаты!.. Вона тамъ буде жать своимъ серпомъ, на своій ныви, и не буде мазаты чужыхъ хлививъ та клунь за басарынокъ, за право зароблять въ чужому поли хлибъ за восьмый снипъ!.. И радисно!.. А серце все щемыть! Неначе злодій въ темну ничъ сумна та невесела думка тыхенько пидкрадается до нёго, схоплюе ёго, и тяжка печаль давыть душу бидолахы.

— Та хай вже буде якъ Богъ дасть! а вы, тату, облыште вже про це—каже Трохымъ—я здавъ усе, що можно, у багажъ,

а це мы визьмемо зъ собою,—и винъ показавъ на клункы зъ харчамы, та на клитку зъ квочкою. Пивъ-дня Трохымъ робывъ ту клитку. Це не жыдивська куча для курей, а справжня клитка. Сосновыхъ два кругы изъ сахарнои бочкы, кругомъ наверчени диркы, а въ ти диркы винъ лозынокъ понабывавъ густенько—и клитка. Робывъ Трохымъ що жинка скаже, годывъ ій, абы-бъ у поперекъ дорогы не стояла.

Сторожъ у дзвона вдарывъ, и пойиздъ, тяжко стогнучы, пидбигъ до самого вокзалу. На перрони вси заворушылысь. Тамъ зустричалысь та чоломкалысь, прощалысь, плакалы, сміялысь, гомонилы. Трохымъ ажъ пидтюпцемъ побигъ до кондуктора, щобъ запытать його, въ якый вагонъ сидать. Дизнавшысь, вернувся винъ до своихъ, схопывъ дитей за рукы и повивъ ихъ до того вагона, въ котримъ воны будуть йихаты. Диткы весело топотилы своимы босымы ноженятамы по гладенькому камени и цикаво, але и не безъ жаху, дывылыся и на чужыхъ людей и на машыну.

Трохымыха непевною ходою йшла за дитьмы. Вона трусылася. Не бачыла вона машыны, а тилько чула про неи, а теперъ ій прыйшлося йихаты въ незнану далечинь, и йихаты на цій машыни. Острахъ іи взявъ. Думкы заплуталыся въ голови. Та вже й не думала вона ничого, а тилько йшла, дывылася соби пидъ ногы, та дитокъ боронила, щобъ хто не настоптавъ.

Дидъ, Трохымивъ батько, тежъ ишовъ не весело. Винъ знавъ, що сонечко недовго буде грить його кисткы. Недовго вже топтатымуть стари безсыли ногы чужу, не ридну землю. Бажавъ винъ смерти. Нехай бы краще тутъ оця машына його вбыла, та поховалы-бъ же його на ридній сторони. Не хочется жывымъ покынуть того краю, де винъ родывся, вырисъ, де слизьмы-кровію вмывавсь за панщыны, де вже на воли, робывъ упьять чужу роботу! Тутъ молодисть його пройшла—часы невильнычого счастя. Тутъ, за весь довгый викъ, винъ звыкся зъ лыхомъ, и вже боявся навить и добра того, яке зазнаты може тамъ, куды веде його Трохымъ. Чужый тамъ край, чужіи люде! Чужа

земля, въ яку ёго стари кисткы вже незабаромъ поховають! Не закуе зозуля въ гаи биля кладовыща, не заспивае соловейко надъ могылою въ кущи калыны,—и на старыхъ очахъ заблыщалы слёзы.

Баба зигнувшыся несла свій клунокъ зъ гостынцямы онукамъ. Вона думала, що дуже будуть диткы ради побачыты дорогого гостя, якъ будуть прохаты іи не йихать назадъ, зостаться въ ныхъ, на поселянахъ, а вона скаже имъ: «ни, диткы, не зостануся! Де я родылася, то тамъ и вмру».

За нымы йшлы сусиды, котри выйшлы провожать Трохымову симью Дивчата й парубкы провожалы старшеньку Трохымову дочку, вже дивчыну, а чоловикы та жинкы — Трохыма та Трохымыху. Всимъ було якось ніяково: наче выпхалы воны зъ свого села одну родыну, щобъ просторише було жыть самимъ.

Вдарывъ другый дзвинокъ—почалы прощатыся. Вси плакалы. Одынъ тилько Трохымъ крепывся та крепывся. Не потуравъ винъ тымъ слёзамъ, яки здавылы вже ёго горлянку. Взявшы батька пидъ-плечи, увивъ ёго въ вагонъ, повернувся хутко и забравъ жинку зъ диткамы. Трохымыха плакала, якъ мала дытына. Диткы, почувшы такый плачъ, почалы квызнуты, сами не знаючы чого. Сусиды повносылы клункы.

— А клитка зъ квочкою!.. Давайте клитку сюды!—скрыкнувъ Трохымъ, выбигаючы зъ вагона, зосталась клитка—де сыдилы. Побигъ парубокъ, схопывъ, несе. Сполохана квочка, що вже дримала, поховавшы пидъ крыла своихъ дитокъ, почала квоктаты, курчата цявкалы. Схопывъ Трохымъ клитку, до вагона... ажъ лыхо! Клитка не влазыть у вагонъ. Невдача перша йе вже тутъ, а що ще буде тамъ?.. Лыха годына не дрима, а цупко держытся Трохымови за полу.

— Здай въ багажъ!—озвався хтось изъ гурту.

— Пропадуть!.. Курчата мали... ихъ годуваты треба. Може я, якъ небудь... зъ собою.—И Трохымъ повертавъ ту клитку на вси бокы, але-жъ вона не входыла въ дверци вагона. Кур-

чата пыщалы, а квочка злякано крычала. На перрони почалы сміятыся.

Вдарывъ третій дзвинокъ, паровыкъ завыщавъ—и пойиздъ рушывъ.

— Визьмы соби квочку, Семене—мовывъ Трохымъ до жинчыного брата; прощайте!...

Не вдержавъ слизъ Трохымъ и давъ имъ волю.

Сховався пойиздъ за горою, и тилько дымъ показувавъ, куды Трохымъ повизъ зъ собою злыдни.

М. Непыйвода.

Весилля въ с. Отакахъ.

(Этнографичный нарысъ).

Село Отакы [1]), Хотинського повиту, Бессарабськои губ., лежыть на правимъ боци Днистра, проты м. Жванця, видомого зъ исторіи по бытви Богдана Хмельныцького зъ полякамы. (Видъ того часу лышылыся руины Жванецькои фортецы и стародавній костёлъ польськый, обнесеный товстымъ муромъ зъ амбразурамы и бойныцямы до стриляння).

Отакы лежать на шосейнимъ шляху, що йде зъ Хотына черезъ Камьянець на Проскуровъ. Видъ Хотына до Жванця 3 верствы, а видъ Жванця до Камьянця — 18 верстовъ.

Мижъ Отакамы и Жванцемъ истнуе перевизъ на поронахъ. За дви верствы видъ Отакъ по тимъ боци Днистра роскынулось по-надъ Збручемъ и Днистромъ наше погранышне село Исаківци «зъ переходнымъ пунктомъ» въ Австрію и зъ таможнею. Протывъ Исаковець, по той бикъ Збруча роскынулось австрійське село Окипъ або Козачивка.

Отацьки селяны окримъ хлиборобства займаются ще рыбальствомъ и ходять зъ сплавамы, що прыходять сюды зъ Карпатъ,

---

[1]) Слово Отакы, якъ пояснывъ це мене д-ръ Осыпъ Маковей, походыть видъ турец. слова Отóкъ—царськый (султанськый) наметъ. Отакъ въ Бессарабіи е скилька.

вныз Днистромъ ажъ до Бендеръ и дали. Окримъ того купка спрытныхъ хлопцивъ Отацькихъ займается ще контрабандою [1]): возять зъ Австріи жыдамъ товары—шовкови хусткы, корали, капелюхы, а соби прыносять хлопци—дешеву австрійську горилку и спиртъ, чересы, чоботы, сардакы, а дивчатамъ—шовкови хусткы та черевыкы.

Рухшынська волость, до котрои належать и Отаки, вкупи зъ Клишкивською та Грозинською й почасти зъ Новоселыцькою волостямы, складають разомъ такъ звану россійську Буковыну. Наша Буковына межуе на заходи зъ австрійською Буковыною, на пивночи—зъ Галычыною и нашымъ Подиллямъ, а на пивдни ричкою Прутомъ зъ Румыніею. Селяны середнёи частыны нашои Буковыны дуже кохаются въ садахъ, котри дають буковынцямъ головный дохидъ,—воны ихъ годують и зодягають. У кожного селянына йе тутъ десятына або пивторы саду, котрый дае що-року 200—300 рублив доходу. Въ садахъ переважно ростуть бессарабськи угоркы, воны тутъ «ростуть, якъ зъ воды» и дуже добре родять, такъ що въ осены пудъ слывóкъ можна купыть за 15—20 коп. Окримъ слывокъ въ садахъ ростуть ще волоськи горихы, черешни, вышни, яблуни и грушы. Си сады по весни скуповуются жыдамы, котри сушать слывкы въ сушарняхъ-лóзныцяхъ, роблять зъ ныхъ чорнослывъ и розсылають скризь по Россіи, заробляючи трохы не рубъ на рубъ. Зъ станціи Новоселыця одправляется жыдамы сушеныхъ слывокъ бильшъ, якъ на 1.500.000 руб.—Хлиборобство въ жытти буковынця мае меньше значиння, якъ сады; переважно сіють кукурузу для власного вжытку; неврожай кукурузы може тутъ выклыкаты голодъ, бо селяны тутешни такъ звыклы до мамалыгы, що безъ неи ніякъ не можуть обійтысь.—Дали, селяны розводять ще дійныхъ овець, щобъ зъ ихнёго молока выробляты сыръ-брындзю, котру тутъ вси люблять йисты зъ мамалыгою. Зъ овечихъ смушкивъ шыють соби шапкы. Зъ домашнихъ промысливъ тутъ росповсюжени: ткацтво,

[1]) Контрабандысты звутся тутъ пачковозамы або пачкарямы.

кушнирство, бондарство и ганчарство. Ткуть жинкы: полотна, гóрбаткы (запаскы), кылымы, рушныкы,налáвныкы, верéты и груби сукна на сардакы (свиты).

Всёго въ нашій Буковыни поверхъ 90.000 людносты, переважно «руснáкивъ», — волохивъ (молдуванъ) тутъ не бильше 25 % [1]).

И мовою, и одежою, и лыцемъ наши буковынци дуже нагадують австрійськыхъ буковынцивъ-гуцуливъ, на це вказуе ще й те, що прызвыще «Гýцулъ» тутъ дуже росповсюджене. Мова «руснáкивъ» така сама, якою пысавъ Федьковычъ и теперъ пыше Стефаныкъ.

Одежа тутешнихъ жинокъ майже така, якъ и скризь на Вкраини, а у чоловикивъ—волоська зъ де-якымы видминамы. Одежа дивчатъ складается: 1) зъ сорочкы—мудро и багато вышытои заполоччю, лелиткáмы (блёсткамы) вовнянымы ныткамы, пацёркамы (бисеромъ), а у багатыхъ ще й срибломъ; 2) зъ спидныци або гóрбаткы зъ вовны, пидперезанои ризнобарвнымъ поясомъ,—крайкою або баюркáмы—вытканымъ зъ волúчкы (гаруса) и заполочи; 3) на шыи носять намысто звычайне або сальбы́, тобъ-то шыроке намысто зъ старыхъ срибныхъ грошей австрійськыхъ. Голову въ свято завьязують дивчата шовковою хусткою и пускають кинци по спыни. На плечи надивають лéйбыкъ—коротенькый биленькый кожушокъ безъ рукавивъ и безъ стана. Сей лейбыкъ звычайно бувае гарно и штучно поцяцькованый клаптыкамы сукна червоного, сапьяна и т. п. На ногахъ дивчата носять высоки черевыкы зъ высокымы коркамы и дуже грубымы пидошвамы.

Одежне убрання жинкы одризняется одъ дивочого тымъ, що жинкы завывають соби голову гарнымы билымы рушныкамы, на кинцяхъ рушныкивъ вытыкаются гарни взоры по жовтому полю,

---

[1]) Въ другыхъ околыцяхъ Хотынського повиту ихъ далеко бильше. Всёго въ повити 320.000 душъ, мижъ ными 55% «руснакивъ» и 45% волохивъ.

якъ колысь встарыну завывалы головы намиткамы. Зимою жинкы поверхъ билого кожуха надивають ще манту́, тобъ-то свытку зъ дармовисомъ на спыни.

Мужська одежа складается зъ довгои ажъ до колинъ полотняной сорочкы, котра николы не затыкается въ штаны, и зъ вузесенькыхъ полотняныхъ штанивъ. Пидперизуются чоловикы шырокымъ поясомъ шкирянымъ—че́ресомъ, а хлопци—шырокымъ поясомъ зъ воли́чкы (гаруса), на котрому выткани рижни взоры по червоному полю. Зъ-за череса выглядае калытка шкуратяна, а иноди и капшукъ зъ тютюномъ, люлькою и кре́сывомъ (кресаломъ). На голову чоловикы зимою и литомъ «закладають кучмы», тобъ-то высоки смушеви шапкы; хлопци литомъ замистъ шапкы носять вовняни капелюхы́ (брыли).

На ногахъ хлопци звычайно носять коротки чобиткы—имены́и, зпереду коротчи, а ззаду довши. У чоловикивъ чоботы высоки зъ кытыцямы, якъ у запорожцивъ на малюнкахъ. Шыю хлопци завьязують хусткою—*басмо́ю.* На плечи мущыны надивають литомъ лейбыкъ, а зимою короткый билый кожухъ, а зверху сарда́къ (коротка свыта, зпереду часто вышыта сынимы шнуркамы) або манта́—довгый сардакъ зъ дармовисомъ на спыни.

Бильша частына сёго весилля́, що тутъ друкуется, запысавъ мени молодый селянынъ Иванъ Годнюкъ, що не разъ бувавъ «старостомъ на весиллю́». Меньшу частыну весилля́ запысавъ я видъ молодого селянына Мыхайла Лыскуна. Обыдва воны «добре грамотни»: Мыхайло Лыскунъ скинчывъ повитову школу, а Ив. Годнюкъ земську народну школу.

ВЕСИЛЛЯ.

Весильни люде: *отець и мама* молодого и молодои; *панъ батько винчальный* и *пани матка винчальна*; двое *старостивъ*,— ти, що порядкують на весиллю́,—у молодого и у молодои; старосты́—люде жонати; *дружбы́*—парубкы, ихъ трое: у молодого двое, а у молодои одынъ; *дружкы́*—дивчата (у молодои); *свитывкы́*—дивчата (у молодого); *вуйкы́* (дядькы) и *титкы́*; *свахы́*— вси молодыци, и *сусиды*.

Въ недилю, за тыждень передъ весилля́мъ, отець и маты молодого и молодои идуть до́ брата чы до свата, чы до кого иншого зъ двома парамы калачивъ и пивъ-окомъ [1]) горивкы и просять того чоловика та жинку, щобъ булы за винчального батька та за винчальну матку. Якъ ти согласни, то роспывають ту горивку, а якъ ни, то идуть до кого-небудь иншого.

Въ четверъ и пьятныцю передъ весиля́мъ молодый бере пару калачивъ и шукае соби старосту, двохъ дружби́въ и двохъ свитыво́къ, а молода такъ само бере калачи и шукае соби двохъ дружокъ, одного дружбу и старосту.

Въ суботу зъ ранку якъ молодый, такъ и молода беруть соби—молодый дружби́въ, а молода дружкы́, и йдуть по селу до кождои хаты и просять на весилля́ такъ: одынъ дружба иде впередъ, за нымъ молодый, а ззаду тежъ дружбы, и старшый дружба просы(ть): «Просылы васъ пана молодого батько и маты и пани [2]) моло́дый, и я васъ про́сю, будьте ла́скави, потрудится трохы до насъ на весилля́». Потому просе молодый и ка́же: «Просылы васъ дядя [3]) и мама, и я васъ прошу потрудится до мене на весилля́». Якъ у молодого нема батька, то кажуть: «мама и братъ чи вуйко», а якъ нема мамы, то «батько и сестра чи титка», а якъ нема ни батька, ни матери, то кажуть «братъ

---

[1]) Пивъ-кварты, або ще кажуть „пивлитры" (литра).

[2]) Замисть панъ.

[3]) Батько.

и сестра», а якъ нема брата и сестры, то «вуйко и титка». Имъ хазяинъ видказуе: «Спасыби вамъ, дай вамъ, Боже, щастя и здоровля, абысты здорови веселылыся, а мы пидемъ». А якъ уже выходять зъ хаты, то кажуть: «Просымъ же Божои ласкы и вашои, потрудитсы».—Такъ само и молода зъ дружкамы прóся, бо воны ходять не вкупи, а окроме: молодый зъ дружбáмы на одни улыци, а молода зъ дружкамы на другій и де-небудь воны здыбаютсы [1]).

Якъ обійдуть все село, то прыходять до-дому, и отець каже до молодого и до дружби́въ: «А-ну, сыну, и вы, дружбы́, идить за пàни батькомъ та нехай прыйде тай будемо зачынаты весилля́». Дружбы́ пишлы тай ведуть пана батька, а батько входыть до хаты зъ калачамы и дае ти калачи отцеви та й каже: «Дай, Боже, вамъ добрый часъ, счаслыву годыну, въ добрый часъ зачаты та въ липшый скинчаты, щобъ Господь вамъ помигъ якъ найлучче».—Отъ отець каже: «Ну, пани батьку, сидайте за стилъ та выпьемо по порціи горивкы, а вы, дружбы́, идить за старостомъ та най прыйде та будемо зачынаты весилля́».—Дружбы выйшлы, а воны сидають та й пьють.—Отъ староста входыть до хаты та й дае калачи отцевы та й те говоре, що панъ батько говорывъ: «Дай, Боже, вамъ добрый часъ, счаслыву годыну»... Отъ отець каже: «Ну, старосто, сидайте и вы коло насъ та выпьемо по порціи горивкы». — Отъ вси весильни сидають та й пьють и велычаются [2]), а музыка грае, а воны выпылы вже добре и спивають:

---

[1]) Зустричаются.

[2]) Той, хто велычается, встае на ногы, бере въ праву руку хустку и прыймае сею рукою порцію горивкы. Тоди вси весильни плещуть въ долони и крычать: «ви́вать»! а той, хто велычается, прытанцёвуе на мисци, кланяется на вси стороны и пидносыть порцію въ гору, и прыгублюе, тоди зновъ плещуть въ долони, винъ прытанцёвуе и зновъ прыгублюе, ёму зновъ крычать «виватъ!» и такъ поволи выпывае всю порцію.

Квиткы мои зелененьки,
Лита мои молоденьки!
Заручылы мене молоденьку
На свекруху лыхеньку.
Я свекрухы не боюся,
Я свекруси поклонюся,
Свекруси зъ поклоночкомъ
Зъ чорнымъ шовкомъ сорочечку.

панъ батько, (пани матка) [1]) встае та каже: «Ану, старосто, благословить до винка та най свитывкы (дружкы) шыють виночокъ». Отъ вси втыхлы та вусталы на ногы. Староста: «Благословить за першымъ разомъ, за добрымъ часомъ; стало дытя передъ намы, якъ свича передъ образамы и просыть воно навпередъ Господа Бога благословенства и Суса Хрыста и Матиръ Божои и всихъ сьватыхъ, отца розо́ного [2]) и мамы розо́нои и батька винчального и маткы винчальнои и братывъ розоныхъ и се́стривъ розоныхъ и вуйки́въ розоныхъ и тито́къ розоныхъ и сусидъ блызькыхъ и далекыхъ, щобысте простылы и благословылы» (такъ проказують тры разы).—Якъ шыють винокъ (у молодои и у молодого), то вси спивають:

А зъ руточкы дви квиточкы
Благословлю сынку въ счаслыву годынку
И отець и маты своему дытяты
Своему дытяты виночокъ зачынаты.
Благословлю сынку въ счаслыву годынку
Дай же, Боже, счаслыву годыночку.

И вси втыхлы, хрыстятся тай кажуть: «Най Богъ благословыть! Отъ музыка грае, а дружкы (свитывкы) спивають»:

---

1) У суботу и недилю весилля́ однакове: яке у молодого, таке у молодои.

2) Тобъ-то рожденного, ридного.

Шыйся виночку гладко
Якъ червоное ябко (яблуко)
Якъ війдемъ межи люде
Сорому намъ не буде.
Якъ мы виночокъ шылы
Мидъ — горивочку пылы,
Якъ мы го дошывалы
По столу розлывалы.

Староста каже! «Дружбо, клады стилець насередъ хаты та будемо молодого (молоду) чесаты».—Дружба кладе стилець, а верхъ нёго подушку и молодый (молода) бере пару хлиба въ рукы тай сидае на стилець, а вси стають кругомь тай спивають:

«Подай матинко грыбинець
Росчесаты кучерыкы пидъ винець».

И вси чешуть по одынци (одынъ разъ проводять грыбинцемъ). Тай якъ росчесалы, такъ батько бере шапку—до шапкы прышытый виночокъ зъ правои стороны—и пидходе до молодого та закладае ёму на голову шапку [1]), а молодый (молода) встае та хрестытся на вси чотыры стороны, и музыка грае, а вси плещуть въ долони. Отъ староста каже: «Дружбы! внесить до хаты гильце та най дружкы (свитывкы) беруть зиллячко та ввывають гильце».— Отъ дружба вносе гильце та дае дружкамъ (свитывкамъ). И вси втыхлы, а староста: «Благословить за першымъ разомъ, за добрымъ часомъ. Стало дытя передъ намы..., що бысте простылы и бла-

---

[1]) Въ доми молодои пани-матка бере виночокъ у рукы и закладае молодій на голову. и дали все йде такъ само.

Виночокъ роблять такъ: беруть стёнжку и обвывають нею кругомъ головы и ввывають кругомъ головы и на-охрестъ (навхрестъ), выходыть такъ якъ бы шапочка.—По другыхъ селахъ въ винокъ молодій вшывають павы (павыни пера), а кримъ того вшывають мидни кружкы—такъ нибы золоти монеты.

гословылы и гильце ввылы». Уси хрыстятся тай кажуть: «Най Богъ благословыть!» а дружкы (свитывкы) увывають гильце тай спивають:

Счаслывый молодый
У Бога стоялы ангелы въ порогахъ
Тай насъ, дружечокъ, просылы
Щобы му (ему) гильце увилы.
Якъ мы гильце ввывалы
Мидъ-горивочку пывалы;
Якъ мы го довывалы
По столу розлывалы.

—

У неділю рано море сы розиграло
То не море тото грае
То Докія потопае
Тай дядыка [1]) поклыкае:

Дядыку тай голубчыку,
Нате вамъ билу ручечку
Тай нате вамъ ручкы оби
Выратуйте мене соби.

То не моя, дочко, воля
Ратуваты тебе зъ моря
Иванова, дочко, воля
Ратуваты тебе зъ моря
Тай дай ему ручкы оби
Най выратуе тебе соби.

И музыка грае и вси велычаются тай гуляють (данцують [2]) коломыйкы, гусочкы, полькы. Отъ погулялы тай вси йдуть по

[1]) Батенька.

[2]) Танцюють.

домахъ тай кажуть: «Будьте здорови тай ночуйте здорови!»—А отець каже до ныхъ: «Идитъ здорови тай, столяны [1]) мои кгрешни, поважни, завтра пораньче прыходитъ»!

ВЕСИЛЛЯ ВЪ НЕДИЛЮ [2]).

Вси сходятся до хаты, а молодый (молода) веде пана батька (пани матку), а дружбы старосту ведуть. Увійшлы до хаты тай витаются зо всима, тоди дружкы (свитывкы) спивають:

Маты Докію (Ныколу) родыла
Мисяцемъ обгородыла
Зорею уперезала
До шлюбу выряжала.

Отъ староста каже: Благословить до шлюбу за першымъ разомъ, за добрымъ часомъ: стало дытя передъ намы, якъ свича передъ образамы [3])..., щобысте простылы и благословылы, до шлюбу вырядылы». И музыка грае, а дружкы (свитывкы) спивають:

Кропы насъ маты водою,
Водою непочатою
Счастячкомъ здоровлячкомъ
Зъ доброю долечкою.

И маты молодого (молодои) бере свяченои воды тай всихъ кропе кругомъ, а воны вси йдуть до шлюбу. Якъ війшлы на подвирья и ведуть до церквы молодого (молоду), то спивають:

Нема попа дома
Пойихавъ до Лымона
Ключыкы купуваты

---

[1]) Тобъ-то гости, що сыдять за столомъ.

[2]) Весилля въ недилю иде однаково у молодого и у молодои.

[3]) И таке инше, якъ ранійше говорывъ.

Церкву розмыкаты
Церкву розмыкаты
Та молодымъ слюбъ даваты.

Въ церкви винци трымають: надъ молодымъ батько винчальный, а надъ молодою матка винчальна. Якъ батька нема, то винець трымае дружба. Отець и маты молодыхъ николы въ церкви на винчанни не бувають.

Отъ перевинчалы тай идуть до-дому—молодый до свого дому, а молода до свого, а дружкы (свитывкы) спивають:

Дякуймо попонькови
Якъ своему батенькови,
Що насъ звинчавъ
Немного взявъ
Видъ пана молодого
Пивтора червоного
Видъ пани молодои
Ни копійкы иднои.

—

Выйды, матинко, протывъ насъ
Спытайсы Бога, а й такъ насъ
Де твое дытятко стояло?
Пидъ райскымъ винцемъ стояло
Тамъ ваше дытятко слюбъ брало.
Стоялы попы зъ дякамы
Трымалы свичи зъ хрестамы
Тамъ ваше дытятко звинчалы.

—

Радуйсы матиночко!
Взяло шлюбъ дытяточко
Не одно, а двое
Теперъ ваши обое.

—

Вже жъ я сы видслужыла
Ключыкы положыла
Въ свитлыци на полыци
Най молодши сестрыци.
Не сыды маты въ дуси
Выйды до насъ въ кожуси
Якый кожухъ волохатый
Такый вашъ зять багатый.

—

Якъ идуть часомъ зъ церквы до весильного батька въ гости, то вси весильни спивають:

Ледомъ до батька, ледомъ;
А въ батька горивка зъ медомъ;
Чы зъ медомъ чы зъ перцемъ,
Колы зъ щырымъ серцемъ,
Видъ батька не пидемъ,
Докы горивкы не выпьемъ.

Прыходять до батька въ хату; винъ садовыть ихъ за стилъ и частуе ихъ горивкою, йижою, всимъ. Тоди йдуть—молодый зъ своимы гистьмы до свого дому, а молода до свого. Йдучы видъ батька спивають:

Якъ мы батька велы,
Дорогу му мелы,
Бумаговъ устелялы,
Щобъ батька прывелы.

Якъ мы маточку велы.
Дорогу ій мелы,
Бумаговъ устелялы,
Щобъ маточку прывелы.

Куды батько йшовъ,
Васылёкъ зійшовъ;

Куды матка йшла,
Тамъ мьятка зійшла.

Отъ увійшлы до хаты, ззходять за стилъ та сидають, пьють та гуляють [1]). Отъ по обиди панъ батько-каже: «А ну, старосто, кладить передъ молодого (молоду) пару хлибивъ та зверхы тарилку, нехай молодый (молода) вытае на завытаня».—Отъ староста поклыкае: «Десь йе въ нашого пани-молодого отець и мама; а просыть пани молодый на завытаня не гонорно, а покорно; а просымъ, бутьте ласкави, потрудитсы»! Отъ отець пидходыть до стола тай бере кусочокъ хлиба и мочае въ силь и кладе въ тарилку, що на хлибови, тай каже: Дарую тоби, сыну, хлиба и соли и счастя тай здоровля! срибла—злота видъ мене мало, видъ Бога багато», тай кладе рубель [1]) або два въ тарилку. Такъ вси по черзи пидходять до молодого (молодои) тай вытають ёго й іи тай то кажуть, що отець казавъ. И всимъ спивають:

Станьте дядыку (братчыку, сестрычко....) напередъ [мене
Напыйтесы до мене
Зъ повною повночкою
Зъ доброю долечкою.
Я повночку не перепываю,
Счастя-доли не вгадаю
Якъ буде Божа воля
То буде добра доля.

Вы поронци не лякайтесь,
По-за двери не ховайтесь,
До стола прыступайте,
Докію (Ныколу) вытайте
Ни червонымы, ни золотымы
Лыштъ счастямъ и здоровлямъ
И доброю долею.

---

[1]) Танцюють.

[2]) Карбованець.

Отъ якъ вси повыталы молодого (молоду), музыка грае, а дружкы (свитывкы) спивають:

Старосто чорнобрывый,
Голубе сызокрылый!
Выведы насъ зъ хаты
На двиръ погуляты,
Бо мы дружкы (свитывкы) молоденьки
Погуляты раденьки.

Староста бере молодого (молоду) за руку и выводыть на двиръ, и одынъ чепляетсы другого та выходять вси на двиръ. Якъ староста выводыть молоду и всихъ весильныхъ на двиръ, то вси спивають:

Крыкнулы гусы-лебеди на води,
Якъ уздрилы Докію на двори.
Годи-годи, молода Докіе, тоби гуляты,
Пора тоби на посагъ сидаты.
Ой щожъ вамъ гусы-лебеди до того
До посаженьку мого.

На двори молода гуляе (данцуе) зъ челядью ажъ до вечера. Найперше бере іи въ данець староста, а посли вона гуляе зъ дружбамы, зъ парубкамы.—Якъ смеркне, дружбы беруть покрывало (рушныкъ або фустку) и йдуть видъ молодого до молодои и спивають:

Будь село весело
Подарункы несемо
Видъ пана молодого
До пани молодои
Бо мы служечкы ёго.

Якъ добре смеркне, староста каже: А ну, дружбы, запрягайте кони въ возы та сидайте, дружкы та вуйкы та титкы и вы, пани батьку, та пойидемъ за молодою до свата.—И силы тай пойихалы, а дорогою заспивалы:

Тай нихто насъ не вгадае,
Куда мы сы выбыраемъ
Тай чы въ гай, чы въ диброву,
Чы въ счаслыву дорогу?
Гой не въ гай, ни въ диброву
А въ счаслыву дорогу.

Якъ зайихалы до тестя въ двиръ, тоди спивають:

Горихъ пидъ стиною
Говорывъ зять зо мною
Десь йе тутъ наша мыла
Що зъ намы говорыла
Якъ до слюбу ходыла

Не дайте намъ стояты,
Чорну землю топтаты
Жовтымы чобиткамы,
Золотымы пидковкамы,
Бо мы люде зъ дорогы
Поболилы насъ ногы
Ще й коротки швыдкы [1])
Пообмерзлы лыткы.

И выходыть тесть та бере всихъ до хаты, тоди староста молодого бере батька винчального за руку, а батько бере молодого, а коло молодого чепляется вся ридня и обходять кругомъ стола тры разы; а за столомъ сыдыть молода зъ маткою и передъ молодою стоить на столи калачъ и зерно жыта чы пшеныци. Колы весильни обходять кругомъ, молода дывытся черезъ калачъ и за кождымъ разомъ, якъ молодый зривняется зъ нею, вона кыдае въ нёго зерномъ.—Якъ обійдуть тры разы, тоди вси сидають за стилъ, молодый сидае коло молодои, и дожыдають, покы маты молодои буде даруваты всихъ столянивъ.—А въ сей

[1]) Халявы,—такъ прынаймни объяснылы мени. Мабуть, чы не *свыткы*.

часъ дружба молодои бере покрывало на рукы и гуляе [1]) зъ нымъ видъ стола до порога и, погулявшы трохы, раптомъ выскакуе на стилъ и кыдае покрывало на голову молодымъ, що сыдять за столомъ. Тоди бье молодого и каже: «Ты бый!»; бье молоду и каже: «Ты слухай!»

Отъ мама молодои кладе на тарилку пару калачивъ, а на калачы кладе *рушныкъ або хустыну* и подае старостови молодои, а староста выкрыкуе: «Десь йе въ нашого пана молодого батько винчальный, а просытъ панъ молóдый и пани молода на сей подарунокъ [2]) не гонорно, а покорно, а просымъ, будьте лáскави!»—и дае въ рукы батькови тарилку зъ калачамы и рушныкомъ, а батько бере калачы зъ рушныкомъ та кладе на столи передъ себе, а въ тарилку кладе десятку (5 коп.) або двацятку (10 коп.) та подае старостови молодои, а староста подае матци. Маты бере гроши, а въ тарилку знову кладе калачи та рушныкъ и дае старостови, а староста поклыкáе пани матку такъ, якъ батька поклыкавъ, а вона каже те саме, щó батько казавъ. Староста такъ всихъ поклыкáе, та даруе, якъ батька та матку дарувавъ. А потимъ, якъ обдарувавъ, тай выкрыкуе: «Столяны нашы кгрешни, поважни, чы довольни нашымы дáрамы?» а ти вси кажуть: «довольни!» Писля дарóвання музыка грае, а весильни гуляють и дарамы (рушныкамы та хусткамы) въ гору пидносять [3]). Отъ пьять мынутъ погулялы, сидають вечераты тай пьють и йидять и, якъ довольни дарамы, то пьють безъ миры, безъ памьяты гуляють. За вечерою свитывкы спивають:

Йижте, бояры, швыдко
Докы сы вамъ выдко
Свичечка догоряе
Свитывка умливае.

---

[1]) Танцюе, прытанцёвуе.

[2]) Щобъ прыймывъ.

[3]) А хто не доволенъ, той сыдыть и не встае и даромъ не махае, се щобъ наробыты молодымъ сорому.

Сю писню спивають скильки разивъ, а столяны величаются.

Писля вечеры дружбы скупо́вують своихъ свитывокъ та дружокъ: дружка чы свитывка встае на ноги, бере въ руки тарилку и выхытуе нею та спивае писни:

Ты дружбо дивочый
Покажы свои очи,
Най же мы будемъ знаты,
Кого дружбомъ зваты.
Не уміе дружба плясаты,
Дайте ему килля тесаты,
Якъ килля потеше,
Тоди гарно попляше.

А дружба видъ стола до порога гуляе (танцюе) зъ гришмы въ рукахъ, пидійде до неи тай кла́пне, тай кла́пне [1]) тымы гришмы по тарильци, а посли кыне ій скильки копіёкъ. Якъ дружбы скуплять дружокъ и свитывокъ, тоди гуляють зъ нымы.

Отъ староста молодои и каже: «А ну, дружбы, требуйте, нехай маты постиль виддае». Дружбы идуть тай спивають:

Далысте намъ дивку
Дайте ще й постилку
Вереты кочалы́стыи [2])
Волыкы чубаныстыи
Ще й коня вороного
Пидъ пана молодого.

Отъ маты дае постиль дружбамъ, а музыка грае, а воны выно́ся постиль та й гуляють и на визъ всё, що йе, складають. Отъ вы́носылы всю постиль, тоди выходять вси сваты, и молода розпро́щуется зъ усею своею риднею, а ій вси спивають:

Пытайся Докіе мамы
Чы пойидешъ ты зъ намы

---

[1]) Цокне.

[2]) Рядна, звыти ко́чаломъ, сувоемъ.

Пытайсы не пытайсы
А зъ намы вибырайсы.
Ой йидьте вы, йидьте,
Я зъ вамы не пойиду
Бо я сы маю зъ дядыкомъ справува́ты [1])
Не хотя́ мене вамъ даты.

Тоди молодый бере молоду за руку, веде и обое сидають на воза. Отъ молода встае на ногы тай каже до своихъ отця и маты и до братывъ и до се́стривъ: «Ну, будьте здорови!» Силы тай пойихалы. А якъ прыйихалы передъ молодого ворота, спивають:

Творы мамко лиску,
Веземъ тоби невистку
Ще й малёвану скрыню
Докію господыню
Хаты не буде ты [2]) месты.
Бо треба смиття несты;
Коровы ты не здое,
Бо фоста сы бои.

Отъ мама молодого выходыть тай кличе всихъ до хаты, вси заходять тай сидають за стилъ, а музыка грае. Отъ пани матка винчальна бере молодыхъ до коморы спаты, а вси весильни пьють та гуляють, ажъ докы не поморятся, а тоди де-яки розходятся по домахъ, а котри дуже пьяни, ти сплять у молодого.

ВЕСИЛЛЯ У ПОНЕДИЛОКЪ.

Отъ раненько вси сходятся до молодого въ хату тай сидають за стилъ, а пани матка выводыть молодыхъ зъ коморы. Чоловикы пьють тай гуляють, а бабы свое вытворяють: чешуть

---

[1]) Добыватысь свого.
[2]) Тоби.

молоду, заплитають и въ хусткы [1]) завывають такъ, якъ молодыцю ще й до того и спивають:

Сваточкы, квиточкы въ воду,
Молода доброго роду,
Доброи родыночкы,—
Квиточка зъ калыночкы.

А потимъ пьють та гуляють ажъ до вечора. Отъ староста каже: А ну дружбы идить за сватамы та нехай прыйдуть до насъ на пропій».—Отъ дружбы пишлы та заспивалы:

Гой [2]) добрая часъ-годыночка настала
Що молода по свою неньку пислала.
Гой дала вона штыры пивни на страву,
Щобъ прывезлы ій матинку на славу,
Пислала вона штыры кони, а пьятый визъ
Ще й визнычого, щобъ прывизъ.

Дружбы увійшлы до свата до хаты тай кажуть: «столяны кгрешни, поважни, просымъ Божои ласкы тай вашои, ходить до насъ на пропій!»—а сватъ каже до дружбивъ: «Добре, спасыби вамъ, мы будемо збыратыся, а вы тымъ часомъ сидайте та выпьемо по порціи горилкы». Отъ збираются вси сваты [3]) молодои тай спивають:

Тай нихто насъ не вгадае,
Куды мы сы выбыраемъ
Та чы въ гай, чы въ диброву,
Чы въ счаслыву дорогу.
Ой не въ гай, не въ диброву
Лышъ въ счаслыву дорогу.

---

[1]) По другыхъ селахъ въ Буковыни завывають билымъ рушныкомъ такъ, якъ намиткою.

[2]) Ой.

[3]) Родычы.

(Сю писню спивають и дорогою, ажъ докы не дійдуть до молодого). Дружбы выпылы добре тай кажуть: «Просымъ Божои ласкы тай вашои, ходить вже на пропій».—А сватъ каже: «Спасыби вамъ, идемъ!» а дружбы спивають:

Гой буде жъ намъ, буде:
Забавылы [1]) насъ люде
Люде насъ забавылы,
Горилкы поставылы,
Лышъ тому раднисеньки,
Що идемо пьянисеньки.

Отъ прыходять вси пидъ молодого ворота тай спивають:

Свату, роспыхай хату
Щей кыдровіи сины,
Щобъ пропійчаны силы,
Бо якъ сы не влиземъ,
То й на пичъ полиземъ.
Гой найду свичку,
Пиду по запичку
Найду я горнець [2]) кашы
Та погодуютсы наши.

Отъ выходять сватъ тай каже: Просымъ, сватóви [3]), до хаты, въ насъ, слава Богу, хата велычка, помистымося».—Отъ заходять до хаты тай сидають за стилъ, а молодый кладе стилець на лавци за столомъ у вугли передъ образамы [4]), а на стилець подушку, а на подушку пиднимае та садовыть тещу тай дае ій зъ тарилкы курку варену або гуску тай каже: «Нате, мамко,. тай йижте тай спасыби вамъ за вашу дочку чесну та файну» [5]). Отъ сватъ до

---

[1]) Забарылы.
[2]) Горщокъ.
[3]) Певно замисть сватове.
[4]) На покути.
[5]) Славну, гарну.

свата пье горилку тай каже: «Дай Боже здоровья свату тай спасыби тоби, що выгодувавъ для мого сына жинку. А вы, музыканты, заграйте ви́вать [1]) щобъ веселище выпыты». — Отъ староста крычыть: «Ви—вать сватамъ!» Вси плещуть въ долони та спивають:

А хто пье, тому налывайте,
Хто не пье, тому не давайте,
А я сыжу у куточку,
Попываю горилочку,
Дайте мени ще.

Отъ пы́лы та гулялы, доки самы хтилы. Отъ панъ батько каже: Старосто, ану кладить на стилъ передъ молоду хлибъ на тарилку, нехай пропійчаны дарують молоду».—Отъ староста поклыкае: Десь йе въ нашои пани молодои отецъ и мама; а просыть панъ молодый и пани молода на завытаня не гонорно, а покорно, а просымъ, будьте ласкави!» Отъ отець и маты пидходять до стола та беруть кусочокъ хлиба тай кажуть: Дай, Боже, вамъ, диты, хлиба и солы, счастя та здоровья, срибла и злота видъ насъ мало, видъ Бога багато, и щобысте булы весели якъ весна, а сыти, якъ земля свята, а бага́ти, якъ осинь!» той кладуть въ тарилку рубель або два та хтять иты, а старосты не пускають та допытують ихъ: Отець и вы, мамо! що бильше подаруете своимъ дитямъ на розрибокъ?» а воны: «А вы не чулы, що мы дарувалы»?—«Э, то що вы подарувалы, а що такы теперъ подаруете?»—«А я знаю, що мы подаруемъ? що малы, то дарувалы»; а староста каже: «Може телятко подаруете або ягнятко або поросятко?—Ну, спасыби, старосто, що нагадалы, подарую телятко и поросятко, щобъ Богъ дарувавъ имъ добрый росплидокъ». А староста: «А бильше що?»—«Не знаю, те що мавъ, то дарувавъ, а въ тимъ пытайте бабы, може вона що по-

[1]) Вива́тъ.

даруе».—А ну, мамко, може вы що подаруете своимъ дитямъ на розробитокъ?»—«А я знаю, що буду даруваты? Я... ну що я подарую? ту корову, що порпае полову?»—«Добре»!—Видходыть видъ стола отець и мама тай пидходыть батько и матка, тай староста такъ поклыкае, якъ отця и мамку поклыкавъ, а воны такъ дарують, якъ отець и мамка дарувалы. Отакъ староста всихъ поклыкае, а воны вси дарують: той четверыкъ пшеныци, а той четверыкъ жыта, а той четверыкъ ячменю, а той четверыкъ кукурузы, а та гусочку, а та курочку, а та качечку... Отъ якъ подарувалы, та й пьють та гуляють и ще гайдучкомъ де-хто сидае, а де-котри по домахъ идуть, такъ и вси.

ВЕСИЛЛЯ ВЪ ВИВТОРОКЪ.

Отъ раненько вси сходятся до молодыхъ хозяивъ та й ведуть та несуть те, що поперепывалы у вечиръ на пропій: той телятко, а той ягнятко, а той поросятко, а та гусочку, а та качечку, а та курочку... и сидають за стилъ та й пьють та гуляють ажъ до вечера, а у вечери беруть старыхъ хазяивъ и молодыхъ тай выходять на двиръ та й идуть до корчмы; и музыка грае, а воны спивають:

Гой тече вода риченькамы,
Тече вода лугомъ, —
Чомъ до мене не повернешъ,
Якъ идешъ въ поли зъ плугомъ.
Якъ до тебе повернуты
Треба въ тебе систы,
Гой якъ мы сы посваталы,
Що мы будемъ йисты.
Будемъ йисты снигъ биленькый
Зымну воду пыты,
Такы бо мы серце мое
Будемъ сы любыты.

И заходять до корчмы, беруть горилкы и сидають за стилъ та й пьють, хто тилько хоче. Отъ выпылы вже добре и розпрощуются та й идуть по домахъ; и музыканты згралы имъ маршъ и тежъ пишлы по домахъ.

И отъ конець весилля.

Вол. Яблоновськый.

Родная исторія.

(Проф. Мих. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. СПБ. 1904. стр. 380 ц. 2 р.)

Современный строй нашей школы совершенно исключаетъ изъ круга предметовъ украинскую исторію, являющуюся родной для тысячъ учащихся обширной территоріи. Весь ходъ преподаванія «отечественной» исторіи, преслѣдующій цѣли, лежащія внѣ прямой задачи школьнаго воспитанія, игнорируетъ исторію Украины, или промалчивая даже выдающіеся факты ея прошлаго, или же представляя ихъ въ своеобразномъ освѣщеніи. «Современное южно-русское учащееся юношество,—говоритъ проф. Сумцовъ,—одолѣвъ объемистую русскую исторію Иловайскаго (Рождественскаго или любую другую — добавимъ мы), остается въ полномъ невѣдѣніи того, что въ южной Россіи въ XVII вѣкѣ былъ, напр., такой энергичный и честный защитникъ православія, какъ Іоаннъ Вишенскій, такой филологъ, какъ Памва Берында, такіе крупные политическіе и литературные дѣятели, какъ Барановичъ, Голятовскій, Гизель, была такая героическая личность, какъ запорожскій кошевый атаманъ Ив. Сирко, остаются въ невѣдѣніи того, что такое историческая дума народная»... (Кіев. Стар. 1884. X. 222—3). Ненормальность такой постановки дѣла, полная непригодность учебниковъ, гдѣ между прочимъ «о Болотниковѣ говорится болѣе, чѣмъ о Конашевичѣ-Сагайдачномъ, о великомъ князѣ

Василіи Ивановичѣ рѣчь идетъ на нѣсколькихъ страницахъ крупнымъ шрифтомъ, а о Петрѣ Могилѣ въ нѣсколькихъ строкахъ скромнымъ петитомъ» (ib), вообще положеніе, отчасти характеризуемое выше приведенными вопіющими примѣрами, положеніе, при которомъ украинская исторія является для украинскаго юношества запретнымъ плодомъ, составляетъ одно изъ больныхъ мѣстъ нашей школы. Къ сожалѣнію, этотъ наболѣвшій вопросъ не только далекъ отъ раціональнаго разрѣшенія, но даже не привлекалъ въ должной мѣрѣ къ себѣ вниманія и не подвергался детальному обсужденію въ печати и обществѣ. Между тѣмъ важность изученія родной исторіи не подлежитъ сомнѣнію; общественно-воспитательное значеніе ея огромно и настолько очевидно, что это избавляетъ насъ отъ обязанности останавливаться здѣсь надъ выясненіемъ такихъ общепризнанныхъ истинъ. «Безъ родной исторіи,—говоритъ Драгомановъ,—не можетъ расти соціально-политическая мысль страны»,—и эта самая столь необходимая родная исторія—terra incognita для учащихся. Печальные результаты такого положенія вещей—полное незнакомство большинства учащагося юношества съ прошлымъ родного края, непониманіе въ силу этого его настоящаго, насущныхъ потребностей народа, недостатокъ національнаго самосознанія, оторванность отъ почвы, слабое развитіе общественности,—эти печальные результаты у всѣхъ предъ глазами. Есть, правда, нѣкоторый выходъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, но онъ доступенъ лишь для отдѣльныхъ лицъ, болѣе развитыхъ, обладающихъ пытливостью или поставленныхъ въ сравнительно благопріятныя условія: пополненіе пробѣловъ школьныхъ программъ путемъ самообразованія. Но и на этомъ пути есть не мало препятствій. Во-первыхъ, программы чтенія для самообразованія—или совершенно обходятъ молчаніемъ украинскую исторію, или же вскользь даютъ далеко не полныя указанія лишь по нѣкоторымъ ея вопросамъ или отдѣльнымъ эпизодомъ. Положимъ, въ послѣднее время появился указатель въ значительной мѣрѣ восполняющій этотъ пробѣлъ,—мы имѣемъ въ виду брошюру Д. Дорошенка: «Указатель источниковъ для ознакомленія съ южною Русью». (СПБ. 1904. ц. 40 к.)

но, помимо нѣкоторыхъ немаловажныхъ упущеній, онъ не можетъ вполнѣ замѣнить путеводителя при самообразованіи, такъ какъ не предлагаетъ выработанной, строго систематической программы для самостоятельнаго чтенія, а содержитъ голый перечень, не сопровождаемый необходимымъ комментаріемъ, и не разграничиваетъ болѣе существеннаго отъ второстепеннаго. Во-вторыхъ, въ украинской исторіографіи, насчитывающей нѣсколько выдающихся представителей, на ряду съ цѣлымъ рядомъ блестящихъ монографій, разрабатывающихъ отдѣльные вопросы или періоды, нельзя назвать ни одного труда, представляющаго общій обзоръ исторіи Украины и удовлетворяющаго современнымъ требованіямъ. Изъ существующихъ пособій одни окончательно устарѣли, какъ «Исторія Малой Россіи» Бантышъ-Каменскаго, другіе, хотя и болѣе новые, или носятъ на себѣ отпечатокъ тенденціозности, какъ «Чтенія по исторіи западной Россіи» Кояловича, или отличаются неполнотой, захватывая лишь какой либо періодъ, какъ «очерки исторіи правобережной Украины» Ефименко, или, наконецъ, малодоступны большинству, какъ «Бесіди про часи козацькі на Украіні». Такимъ образомъ въ дѣлѣ ознакомленія съ прошлымъ родной страны наше юношество предоставлено собственнымъ силамъ и притомъ находится почти въ безвыходномъ положеніи.

Тѣмъ болѣе современнымъ является выходъ въ свѣтъ «Очерка исторіи украинскаго народа», принадлежащаго перу профессора Львовскаго университета М. Грушевскаго. Авторъ въ своей книгѣ, давши краткій обзоръ современной украинской колонизаціи и ея судебъ, опредѣливши затѣмъ украинскій этническій типъ, переходитъ къ расселенію украинскихъ племенъ, тюркской миграціи, культурѣ и быту, торговымъ сношеніямъ и первымъ зачаткамъ государственной организаціи. Слѣдующія главы посвящены Кіевскому государству IX—XII вв , отдѣльнымъ княжествамъ-землямъ, особенно Галицко-Волынскому, политическому и общественному устройству, праву и культурѣ того времени. Далѣе проф. Грушевскій, удѣливши двѣ главы переходу украинскихъ земель подъ власть Литвы и далѣе Польши, останавливается болѣе подробно на происшедшей на новой почвѣ общественной и культурной

эволюціи. Онъ послѣдовательно обозрѣваетъ судьбы привилегированныхъ сословій, крестьянства, городовъ, даетъ очеркъ развившагося въ нихъ религіозно-національнаго и культурнаго движенія XVI—XVII вв., переходитъ далѣе къ возникновенію и развитію козачества, его исторіи до 1648 г. Въ дальнѣйшемъ изложеніи читатель найдетъ—движеніе Хмельницкаго, событія по его смерти (1657—59 гг.), смуты 60—80 гг.,—на темномъ фонѣ которыхъ авторъ въ послѣдующихъ главахъ рисуетъ соціально-экономическій процессъ XVII—XVIII вв. въ восточной Украинѣ, политическія условія гетманщины и уничтоженіе стараго строя, удѣляя въ тоже время вниманіе возстановленію и уничтоженію козачества въ правобережной Украинѣ, гайдамацкимъ движеніямъ, судьбамъ крестьянства. Результатъ очерченнаго выше историческаго процесса—національный и культурный упадокъ въ XVIII в. изображенъ въ XXII главѣ, въ которой вмѣстѣ съ тѣмъ нашли отраженіе и проблески лучшаго будущаго—начатки возрожденія въ Галичинѣ. Наконецъ, послѣ сжатаго очерка украинскаго возрожденія въ XIX в., проф. Грушевскій въ заключеніе характеризуетъ въ немногихъ словахъ современное состояніе украинства. Такимъ образомъ, какъ достаточно видно уже изъ краткаго перечня главъ, на 380 страницахъ «Очерка» авторъ далъ картину, всесторонне охватывающую болѣе чѣмъ 1000-лѣтнюю историческую жизнь украинскаго народа, разсматривая ее съ политической, экономической, соціальной и культурной стороны. Но при всей полнотѣ и отмѣченной выше разносторонности, книга проф. Грушевскаго представляетъ строго логичное и законченное цѣлое. Черезъ всю книгу проходитъ одна руководящая идея: авторъ разсматриваетъ исторію съ точки зрѣнія интересовъ народныхъ массъ; и этотъ строго проведенный демократическій принципъ, придавая его труду единство и стройность, составляетъ его характерную особенность и сообщаетъ ему еще большую цѣну. «Очеркъ» проф. Грушевскаго возбуждаетъ тѣмъ большій интересъ, что онъ представляетъ собою результатъ многолѣтнихъ научныхъ занятій автора, имѣющихъ цѣлью созданіе монументальной «Історії України—Русі» (по-украински до сихъ поръ вышло четыре тома до конца

XVI-го вѣка, теперь печатается т. V, а равно переиздаются во 2-ой разъ предыдущіе; по-нѣмецки—выходитъ въ Лейпцигѣ у фирмы B. Teubner), создавшей ея творцу имя въ Европѣ. И дѣйствительно, мы находимъ нѣчто оригинальное. Проф. Грушевскій своимъ трудомъ проводитъ «въ ученую литературу сознаніе того яснаго и совершенно очевиднаго факта, что Кіевское государство, его право, бытъ и культура были созданіемъ украинской народности»,—сознаніе, хотя и медленно, съ трудомъ, но настойчиво проникающее въ послѣднее время въ науку (см. напр., «Исторія русской литературы» Пыпина т. I, гл. 3)[1]. Построеніе вполнѣ научной и законченной схемы украинской исторіи помимо значенія научнаго,—установленія истины и проведенія ее въ науку, борьбы съ прочно укрѣпившимся въ литературѣ, хотя не выдерживающимъ критики и отжившимъ оффиціальнымъ воззрѣніемъ на этотъ предметъ,—имѣетъ еще и огромное значеніе національное; и въ этомъ безъ сомнѣнія крупная заслуга проф. Грушевскаго. Не меньшее достоинство составляетъ строго научный, спокойный тонъ изложенія, чуждый малѣйшаго оттѣнка тенденціозности. Въ зависимости отъ этой академичности стоитъ, вѣроятно, нѣкоторая блѣдность повѣствованія, недостатокъ яркости красокъ, выпуклости характеристикъ. Но все это теряется при сравненіи съ положительными сторонами книги. «Очеркъ» Грушевскаго будитъ пытливость въ читателѣ, заставляетъ его мысль усиленно работать, привлекаетъ его вниманіе къ родной исторіи и побуждаетъ стремится къ освѣщенію и выясненію затронутыхъ ею жгучихъ вопросовъ. Эта, если можно такъ выразиться, неудовлетворенность, оставляемая прочитанной книгой,—неудовлетворенность, дающая могучій импульсъ къ дальнѣйшему историческому чтенію для удовлетворенія запросовъ духа, конечно, какъ нельзя болѣе

---

[1]) Тотъ же вопросъ выдвигаетъ и освѣщаетъ и недавно появившаяся статья проф. Грушевскаго: «звичайна схема «русскоі» історіі й справа раціональнаго укладу історіі східнього словянства» (отдѣльный оттискъ изъ сборника: «Статьи по славяновѣдѣнію»). С.-Петербургъ, 1904. Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

соотвѣтствуетъ цѣлямъ автора, желавшаго лишь дать книгу, которая бы могла служить достаточно хорошо для перваго ознакомленія съ предметомъ. Поэтому именно и желательны были бы болѣе подробныя указанія на литературу, особенно въ первой половинѣ книги, гдѣ авторъ ограничивается посылкой читателя къ соотвѣтствующимъ главамъ «Історії Украіни—Русі», кстати сказать, съ недавняго времени дозволенной къ продажѣ въ Россіи и такимъ образомъ ставшей доступною нашей читающей публикѣ.

Мы не имѣли намѣренія дать оцѣнку труда проф. Грушевскаго, предоставляя это дѣло спеціалистамъ,—мы хотѣли лишь, отмѣтивши ненормальность положенія родной исторіи въ школѣ, обратить вниманіе на этотъ важный вопросъ и хотя отчасти указать на то огромное научное, культурное и національное значеніе, какое имѣетъ книга «Очеркъ исторіи украинскаго народа». Его роль безусловно велика въ дѣлѣ пробужденія національнаго самосознанія, воспитанія общественности и выработки взглядовъ въ молодыхъ поколѣніяхъ. Все это вселяетъ въ насъ горячую увѣренность, что «Очеркъ исторіи украинскаго народа» долженъ стать настольною книгою нашего юношества. Онъ имѣетъ для этого всѣ данныя; благотворныя послѣдствія такого факта, какъ появленіе «Очерка», не такъ легко поддаются учету, но во всякомъ случаѣ это явленіе исключительное, выдающееся. И если вполнѣ справедливы заключительныя слова проф. М. Грушевскаго, что «широкое и всестороннее развитіе украинской народности является вопросомъ только времени, быть можетъ—очень недалекаго времени»,—то безъ сомнѣнія,—добавимъ мы,—его книга въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ скорѣйшему приближенію этого давно жаланнаго времени, составляетъ дальнѣйшій шагъ впередъ на пути къ лучшему будущему родной страны...

В. Черепинъ.

Василій Назаровичъ Каразинъ.

(Его жизнь и общественная дѣятельность [1]).

ГЛАВА VII.

Филотехническое общество.

(1810—1819).

Хозяйство и техно-хозяйственныя изобрѣтенія В. Н. Каразина (1806—1810). Идея о составленіи Филотехническаго общества. Хлопоты Каразина въ качествѣ правителя дѣлъ фил. общ. въ первое время по его утвержденіи. Отношеніе общества къ новому учрежденію. Уставъ Общества. Исторія Филотехническаго общества и дѣятельность правителя дѣлъ. Встрѣча съ императоромъ Александромъ (1817). Конецъ Филотехническаго общества; отношеніе интеллигенціи и причины неуспѣха предпріятія.

Въ области хозяйства В. Н. Каразинъ являлся сторонникомъ болѣе интенсивнаго хозяйства, сельскохозяйственныхъ техническихъ производствъ и сбыта концентратовъ. Эти идеи до сихъ поръ еще не привились вполнѣ къ жизни нашихъ помѣщиковъ и на практикѣ все наше сельское хозяйство основано на производствѣ и сбытѣ сырья. Если такъ обстоитъ дѣло въ настоящее время, то еще печальнѣе обстояло оно во времена Каразина. Все хозяйство заключалось тогда въ культурѣ грубыхъ, дешевыхъ хлѣбовъ и грубомъ скотоводствѣ. «Сколько россійскихъ милліоновъ разсыпано, говоритъ онъ въ собраніи естествоиспытателей 1807 г., въ суетномъ намѣреніи удивить Парижъ и Лондонъ! сколько употреблено ихъ на вывозъ изъ Италіи такъ называемыхъ антиковъ

---

[1]) См. Кіевск. Стар., № 4.

или другихъ художественныхъ произведеній!» [1]) «Мы живемъ и проживаемся *по-европейски*, а доходы для жизни пріобрѣтаемъ *по-скиѳски* еще, не умѣемъ предложить иностранцу, прельщающему насъ издѣліями своими, винами и прочими лакомствами, ничего кромѣ кожи, содранной съ вола. Благо еще, если наконецъ умудрились растопить его сало, чего, можетъ быть, скиѳы и сарматы за двѣ тысячи лѣтъ не умѣли дѣлать» [2]) «Посмотрите на плотины наши, безобразно наметанныя хворостомъ, на наши водяныя и вѣтряныя мельницы, на грубыя издѣлія нашего народа, на его одежду, которая мастерствомъ сотканья и покроя, вѣроятно, немногимъ отличается отъ бывшей у земляковъ нашихъ скиѳовъ за двадцать вѣковъ до сего въ употребленіи. Подобно же грубы и земледѣльческія наши орудія. Безмѣрная ихъ тяжесть преодолѣвается припряжкою нѣсколькихъ паръ воловъ, какъ будто вся цѣль наша въ томъ только и состоитъ, чтобы занять праздный скотъ. Давно ли мы начали разводить хорошія породы овецъ, и участвуютъ ли въ разведеніи ихъ наши поселяне? Пчеловодство въ лучшемъ ли у насъ состояніи, нежели какъ было оно у нашихъ предковъ въ самыя отдаленныя времена? Воспользовались ли мы просвѣщеніемъ и опытностію чужихъ земель въ прочихъ частяхъ? Усовершенствовано ли у насъ, напримѣръ, садоводство? Мы къ стыду нашему выписываемъ изъ сѣвера прививки и садовниковъ. Поселяне наши отдаютъ свои *непроходимые*, можно сказать, сады, съ милліонами плодовъ ихъ обременяющихъ, пришельцамъ за безцѣнокъ. Такимъ же образомъ сбываютъ они и дебелый свой скотъ, насыщающій столицы. Они безспорно предоставляютъ всю торговую оцѣнку людямъ, привлеченнымъ корыстію издали, которые часто у нихъ же самыхъ, здѣсь въ краю, занимаютъ деньги. Не только выдѣланныя кожи *нашихъ* быковъ, но копченые ихъ языки привозятъ намъ изъ Москвы, равно какъ и крупчатую муку для столовъ нашихъ. Ленъ, въ который мы одѣваемся, доставляетъ намъ внутренняя Россія; и мы уже счастливыми себя почитаемъ, если руки домоводокъ нашихъ его иногда обрабатываютъ. Мы ограничили себя отпускомъ самосырѣйшихъ произведеній, каковыя Богъ намъ посылаетъ; и то безъ дальней выгоды, поелику мы поджидаемъ къ себѣ покупщиковъ,

---

[1]) «Украинская Старина». Г. П. Данилевскій, стр. 133—134. При этомъ К. указывалъ на невнимательное отношеніе общества къ отечественнымъ богатствамъ. В. Евр. 1807, № 20.

[2]) Письмо В. Н. Каразина къ А. Г. Тройницкому. „Русс. Архивъ“ 1894 г., т. I, стр. 563.

и радуемся, что они *удостоиваютъ посѣщать* насъ» [1]). Таково было состояніе сельско-хозяйственной промышленности.

«Въ первые годы моей сельской жизни, начиная съ 1805, писалъ Вас. Наз., я занялся опытами парового винокуренія» [2]). Результатомъ этихъ занятій было изобрѣтеніе снаряда для гонки вина, предлагающее новый способъ винокуренія съ большимъ сбереженіемъ дровъ; въ 1806 году Каразинъ представилъ «Описаніе снаряда для гонки вина» въ совѣтъ московскаго университета, почетнымъ членомъ котораго онъ былъ [3]). «Зимой—пишетъ Ярославскій—(того же) 1806-го года Каразинъ пріѣзжалъ въ Петербургъ. Онъ разсказывалъ своимъ знакомымъ, что онъ пріѣхалъ съ важнымъ проэктомъ весьма полезнымъ для винокуренія, о извлеченіи изъ пива водочнаго спирта; что въ хозяйственномъ департаментѣ мин. внутрен. дѣлъ онъ дѣлаетъ химическую печь для этого опыта. Какъ чиновникъ, съ которымъ я жилъ, служилъ въ томъ департаментѣ, то я и просилъ его дать мнѣ знать, какой успѣхъ будетъ имѣть Каразинъ въ его проэктѣ. Послѣ нѣкотораго времени онъ разсказалъ мнѣ: что директоръ канцеляріи министра—М. М. Сперанскій, какъ давнишній другъ Каразина, велѣлъ отвесть комнату для устроенія химической, по указанію Каразина, печи; эту печь нѣсколько разъ передѣлывали, что не дешево стоитъ. Сколько разъ ни извлекалъ Каразинъ изъ пива водочный спиртъ, все выходило его такъ мало, что спиртъ, обыкновенно на винокуренныхъ заводахъ затора простымъ образомъ извлекаемый, выходитъ лучшій и несравненно дешевле стоитъ. Итакъ, не находя его способъ выгоднымъ, отказались доложить государю» [4]). Можетъ быть, опыты Василія Назаровича въ Петербургѣ были неудачные, но это произошло очевидно отъ причинъ, независящихъ отъ него: дѣло въ томъ, что изобрѣтеніе заинтересовало тогдашнее ученое общество и, судя по періодическимъ изданіямъ того времени, нельзя думать, что снарядъ В. Н. Каразина былъ неосновательнымъ изобрѣтеніемъ. «Въ Журналѣ полезныхъ изобрѣтеній 1807 года [5]) читаемъ: «Статскій со-

---

[1]) „Извѣстіе о филотехн. обществѣ“. Харьк. 1811 г. 24 апр., стр. 3—4.

[2]) „Москвитянинъ“, 1842 г., 6, 387 стр.

[3]) „Описаніе снаряда для гонки вина, изобрѣтеннаго ст. сов. Каразинымъ. Съ приложеніемъ статьи: „Въ совѣтъ импер. московскаго университета отъ почетнаго члена, Василія Каразина, покорнѣйшее представленіе, отъ 21 февр. 1809 года. Въ Поврем. изд. о полезн. изобрѣт.“ 1807, М. № 12.

[4]) „Харьковск. сборникъ“ за 1887 г., стр. 68—69.

[5]) № 9, стр. 72—73.

вѣтникъ и кавалеръ Каразинъ, извѣстный столько же по любви своей къ наукамъ, сколько и по усердію къ общему благу, руководствуясь знаніями химіи и физики, представилъ въ прошломъ 1806-омъ году совѣту Императорскаго Московскаго университета новую мысль въ отношеніи къ винокуренію; и какъ изобрѣтенный имъ для сего снарядъ, будучи основанъ на истинныхъ началахъ химіи, можетъ принести дѣйствительную и важную пользу: то самая обязанность требуетъ отъ насъ сдѣлать его извѣстнымъ читателямъ нашимъ». При этомъ объявленіи печаталось «представленіе» В. Н. Каразина въ совѣтъ Московск. Университета, въ которомъ онъ, представляя для опыта изобрѣтенный имъ снарядъ, изъяснялъ причины своего изобрѣтенія, и донесеніе изслѣдовавшаго модель снаряда проф. Рейса. Проэктъ былъ поданъ Каразинымъ въ Совѣтъ моск. университета 21 февр. 1806 г. [1]). «7-го апрѣля 1806 г. читано донесеніе г. профессора Рейса медико-физическому обществу объ изобрѣтенномъ отъ г. статскаго совѣтника и кавалера, Василія Назарьевича Каразина, новомъ снарядѣ для перегонки хлѣбнаго горячаго вина, въ засѣданіи общества» [2]).

Къ изобрѣтенію снаряда для винокуренія В. Н. Каразина, по его собственному признанію, побуждала картина всеобщаго лѣсоистребленія въ Россіи, причиною чего были главнымъ образомъ винокуренные заводы—съ одной стороны и съ другой—«существенная необходимость употребленія горячаго вина въ нашемъ государствѣ, при избыткѣ хлѣба» [3]). Приборъ, изобрѣтенный Каразинымъ, удовлетворялъ обоимъ требованіямъ—доставлялъ вино и требовалъ мало топлива [4]).

---

[1]) „Журн. полезн. изобрѣт. 1807 г.“, стр. 73, прим. Каразина.

[2]) Тамъ же, стр. 78.

[3]) Тамъ же, стр. 75.

[4]) Остроумнѣйшій и вмѣстѣ съ тѣмъ очень простой снарядъ В. Н. Каразина представляетъ въ существенныхъ частяхъ лѣстницу изъ листовой мѣди въ 16 ступеней, изъ которыхъ каждая слѣдующая ступенька спускается на $1/2$ вершка ниже предыдущей, имѣя 8 вершковъ ширины и 1 аршинъ длины. Тонкимъ слоемъ течетъ со ступеньки на ступеньку брага, выходящая на верхнюю изъ приспособленнаго ящика и вытекаетъ внизу черезъ трубку. Подъ лѣстницей печь, устроенная подъ нижней ступенькой такъ, что жаръ усиливается по мѣрѣ стеченія браги внизъ, иначе говоря, брага тѣмъ сильнѣе выпаривается, отдавая свой спиртъ, чѣмъ спирту, по мѣрѣ спусканія, становится въ ней меньше. Лѣстница заключена подъ деревянный колпакъ съ металлической крышкой, наклоненной такъ, что отъ верхней ступеньки отстоитъ она на 11 вершковъ, а отъ нижней на 20.

Проф. Рейсъ былъ въ восторгѣ отъ изобрѣтенія В. Н. Каразина и въ донесеніи своемъ, предлагая нѣкоторыя усовершенствованія къ изобрѣтенію, нѣсколько разъ хвалилъ какъ снарядъ, такъ и его изобрѣтателя. «Отъ столь проницательнаго, и какъ въ химіи, такъ и физикѣ столь глубокія познанія имѣющаго изобрѣтателя, безъ сомнѣнія, можно ожидать, что открытія его отъ него самого получатъ то усовершенствованіе, которое можетъ ихъ сдѣлать достойными всеобщаго подражанія, и мы желаемъ, чтобы онъ къ тому поощренъ былъ всѣми возможными средствами» («Журн. пол. изобр.», стр. 99). Но за одобреніемъ профессора Рейса дѣло дальше не пошло; В. Н. Каразину было мало одобренія; цѣлью его изобрѣтенія и хлопотъ было *проведеніе въ жизнь* проэкта, чтобы онъ приносилъ пользу отечеству. Въ 1807 году, какъ сказано, было напечатано о снарядѣ Каразина, а въ началѣ 1808 г. онъ представилъ въ Императ. Общество Испытателей природы, членомъ котораго также состоялъ, новый, еще болѣе простой и выгодный для производства винокуренный снарядъ [1]). Была

Крышка эта служитъ одновременно дномъ водоема, служащаго для охлажденія осѣдающихъ на него снизу паровъ спирта. По крышкѣ капли жидкости стекаютъ въ жолобъ, потомъ наружу. Благодаря подобному „выпариванію“ (не кипяченію) отдѣляется отъ браги одинъ спиртъ, незатрогивая водяныхъ частей браги. Къ поддувалу печи придѣлана труба, верхній конецъ которой изогнутъ надъ водоемомъ, и холодный воздухъ, сильно проходя черезъ трубу въ поддувало печи, охлаждаетъ все время нагрѣвающуюся осажденными парами спирта воду водоема.

[1]) Снарядъ представлялъ изъ себя три усѣченныхъ конуса, вставленныхъ одинъ въ другой, оставляя нѣкоторое пространство межъ собой, и скрѣпленныхъ у основанія. Самый маленькій конусъ дѣлался изъ чугуна или олова. Внутри него лежали угли; поверхность конуса была охвачена сверху дó низу спиральной трубкой, по которой текла перегоняемая жидкость. По мѣрѣ приближенія къ основанію конуса жидкость сильнѣе и сильнѣе разгорячалась, сильнѣе выдѣляла пары спирта (спиртъ обращается въ газообразное состояніе при менѣе высокой температурѣ чѣмъ вода), которые подымаются вверхъ и черезъ отводную трубку проходятъ въ пустое пространство между первымъ и среднимъ конусами; средній, латунный, конусъ обвитъ также трубками, по которымъ течетъ безпрерывно холодная жидкость и охлаждаетъ его поверхность; вошедшіе въ полость второго конуса пары охлаждаются, и въ видѣ капель стекаютъ по стѣнкамъ его и жолобу наружу, послѣдній конусъ дѣлается, для прикрытія снаряда, изъ дерева. Экономія топлива при употребленіи описаннаго снаряда оказалась удивительная: 5,75 ведра процѣженной браги, получаемой послѣ выкурки спирта и обыкновенно идущей на кормъ скоту, дали $^{7}/_{8}$ ведра

назначена комиссія для изслѣдованія изобрѣтенія; 15-го марта 1808 года происходила демонстрація прибора. Комиссія заключила, что «Снарядъ г. Каразина есть совершенно новое и нигдѣ еще неупотребляемое изобрѣтеніе, которое столько же можетъ быть полезно для гонки хлѣбнаго вина, сколько и для всякой подобной перегонки [1]), что «безъ всякаго сомнѣнія, опыты, произведенные *въ большихъ мѣрахъ*, и притомъ въ продолженіе *большаго* времени, могутъ удостовѣрить *рѣшительно* о превосходствѣ сего снаряда предъ извѣстными до нынѣ способами перегонки» [2]). Комиссія выразила надежду, что Каразинъ «при тѣхъ глубокихъ знаніяхъ въ Химіи и Физикѣ, кои ей извѣстны, и по дознанному усердію къ общественной пользѣ, не оставитъ винокуреніе и въ его прочихъ частяхъ довести до совершенства; и ничего не упуститъ, чтобы свой способъ сдѣлать общеупотребительнымъ». «Изобрѣтеніе сіе, какъ основанное на истинныхъ началахъ Химіи, сдѣлаетъ изобрѣтателю всегда великую честь, и мы чистосердечно желаемъ, чтобы знаніе его и усердіе одобрены были всеобщею признательностью къ трудамъ его». Рѣшеніе комиссіи подписалъ директоръ общества естествоиспытателей—Готтгельфъ Фишеръ и секретарь Петръ Дружининъ и семь избранныхъ въ комиссію членовъ. 16-го мая въ полномъ собраніи общества было рѣшено «*единогласно*» просить своего президента—графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго довести до свѣдѣнія правительства сіе изобрѣтеніе [3]).

Итакъ, изъ приведенныхъ оффиціальнаго характера показаній надо заключать, что свидѣтельство Ярославскаго или неточно, или совсѣмъ несправедливо.

Кто то заинтересовался изобрѣтеніемъ Каразина: въ «Моск. Вѣдомост. [4]) появилась замѣтка о снарядѣ, въ отвѣтъ на которую Каразинъ выпустилъ брошюрой донесеніе комиссіи «Извѣстіе о винокуренномъ снарядѣ Каразина» (Харьковъ, 1808 г.).

роки. На перегонку пошло 4 фунта 24 золотн. углей, а въ печахъ Румфорда, наименѣе требовавшихъ топлива изъ всѣхъ тогда существовавшихъ способовъ винокуренія, требовалось для той же операціи 8,598 фунта.

[1]) Извѣстіе о винокуренномъ снарядѣ Каразина изданное по поводу объявленія, которое было напечатано при 44-мъ номерѣ «Московскихъ Вѣдомостей» за 1808 г. Харьковъ, 1808 г., стр. 7.

[2]) «Журн. пол. изоб.» 1807 г. № 9, стр. 21.

[3]) Стр. 22.

[4]) За 1808 г., въ № 44.

Въ 1809 году Василій Назаровичъ занимался выработкой новыхъ способовъ добыванія селитры. Опыты его увѣнчались успѣхомъ, дали прекрасные результаты и заинтересовали нѣкоторыхъ дворянъ-помѣщиковъ (Гр. Ром. Шидловскаго и Осипа Иван. Хорвата), что было особенно важно для Василія Назаровича, мечтавшаго своими примѣрами побудить украинскихъ землевладѣльцевъ поднять выше культивированіе края. Василій Назаровичъ думалъ заняться эксплоатаціей своего изобрѣтенія въ широкихъ размѣрахъ, поэтому, несмотря на просьбы Шидловскаго и Ос. Ив. Хорвата, не хотѣлъ производить публичнаго демонстрированія своего снаряда и открыть секрета; но личныхъ средствъ у него не было, капиталы частныхъ лицъ тогда были рѣдкостью. Каразинъ въ 1810 г. (письмо отъ 18 апр.) обратился съ просьбой къ Сперанскому [1]): посодѣйствовать ему въ полученіи со стороны правительства поддержки на учрежденіе по новому способу селитровареннаго завода, обѣщавшаго значительное удешевленіе селитры, производствомъ которой и постановкой въ казну тогда особенно занимались въ Малороссіи (Тестю его Бланкенкагелю правительство не отказало въ пособіи на учрежденіе перваго въ Россіи свекло-сахарнаго завода). Въ залогъ просимыхъ денегъ Вас. Наз. давалъ свое имѣніе, представилъ подробно разработанный проэктъ завода, ссылался на рекомендаціи и ручательства за него разныхъ лицъ, но ничего не помогло опальному Каразину, только что получившему выговоръ государя, и Сперанскій даже не отвѣтилъ на письмо [2]).

Когда попытка получить ссуду изъ казны окончилась неудачею, В. Н. Каразинъ «рѣшился, оставя въ сторонѣ предлагаемое имъ производство селитры» въ широкомъ размѣрѣ, сдѣлать пробное производство. 28-го іюля 1810 года при селитряныхъ буртахъ Гр. Ром. Шидловскаго въ селѣ Мерчикѣ были сдѣланы въ присутствіи его опыты. «Въ первыхъ числахъ сего ноября выщелочена вторая пробная куча. «Лугъ» (щелочь селитряная) всего двѣнадцать ушатовъ, въ запечатанной бочкѣ, при нарочно отряженномъ отъ меня человѣкѣ, отправленъ въ село Кручикъ, дабы оный тамъ выварить *въ лабораторіи* Василія Назаровича, на его снарядѣ», писалъ Шидловскій А. Ѳ. Квиткѣ. Письмо кончается полнымъ торжествомъ для изобрѣтателя. Шидловскій вполнѣ подтверждаетъ истину и пользу его изобрѣтенія [3]).

---

[1]) 18 апрѣля 1810 г. Москва. «Русская Старина» 1872 г. т. 5.
[2]) „Русская Старина“ 1872 г., январь, стр. 82–83.
[3]) „Мысли о учрежденіи филотехническаго общества“ III гл.

Видя интересъ къ своимъ идеямъ, ободренный Каразинъ рѣшилъ предпринять новый шагъ на пользу «полуденнаго края», столь ему дорогого. Не безъ цѣли Каразинъ демонстрировалъ свой способъ селитроваренія, а вскорѣ послѣ того напечаталъ во всеобщее свѣдѣніе письмо Г. Р. Шидловскаго къ губернск. предводителю дворянства А. Ѳ. Квиткѣ, иллюстрирующее съ лучшей стороны снарядъ его, какъ выгодный и необходимый въ сельскомъ домоводствѣ [1]). Онъ задумалъ разбудить окружавшее его сонное провинціальное общество, заставить его дѣйствовать на свою и отечественную пользу; онъ задумалъ устроить акціонерное общество для разработки богатствъ дорогого ему края: «Мысль о составленіи общества, и именно въ нашихъ полуденныхъ губерніяхъ, не можетъ называться новою. Она была соединена въ началѣ благоденственнаго нынѣшняго царствованія съ идеею объ учрежденіи въ Харьковѣ университета»; предпріятіе было дальнѣйшимъ развитіемъ плановъ о благополучіи Украины [2]). Побудительной причиной къ идеѣ основанія общества для разработки естественныхъ богатствъ Украины могла послужить и безуспѣшность попытокъ въ теченіе четырехъ лѣтъ ввести въ жизнь своими силами изобрѣтаемые, очевидно полезные, снаряды для техно-химическаго производства. Съ этою цѣлью онъ создалъ въ первыхъ числахъ января 1811 года брошюру «Мысли объ учрежденіи въ полуденныхъ губерніяхъ Россійской имперіи общества подъ названіемъ филотехническаго въ пользу домоводства сихъ губерній». «Мысли» заключали въ себѣ полный уставъ общества изъ 24 §§-овъ. Согласно «Мыслямъ» предпріятіе отличалось сельско-хозяйственнымъ и коммерческимъ характеромъ.

Задачей общества ставилось поднятіе культуры земледѣлія, разработка естественныхъ и обработка добываемыхъ богатствъ Украины и увеличеніе тѣмъ доходности имѣній. Указывая на необходимость реформъ въ сельскомъ хозяйствѣ, В. Н. Каразинъ писалъ: «уже о сю пору есть селенія въ Украинѣ, имѣющія не болѣе двухъ десятинъ земли пахати на каждую душу мужскаго пола». «Пора нарушить нашу сладкую дремоту!! Очевидно уже становится, что доходы, основанные на хозяйствѣ нашихъ предковъ, не достаточны для удовлетворенія день-ото-дня возрастающихъ

---

[1]) Это письмо помѣщено въ видѣ прибавленія къ „Мыслямъ о учрежденіи фил. общества“.

[2]) „Предувѣдомленіе“ извѣстій о филотехническомъ обществѣ, изданное въ 1811 году, 24 апрѣля, стр. 1.

нашихъ издержекъ [1]). «Поля обрабатываются скудно, хижины напоминаютъ времена первобытныя, куда съ сѣвера выписываются прививки и садовники, гдѣ грязныя винокурни, дымомъ ослѣпляющія глаза работниковъ и пожравшія немилостиво большую часть прекрасныхъ лѣсовъ нашихъ, подобныя имъ селитроварни, суть единственныя наши фабрики», описывалъ онъ въ «мысляхъ объ учрежденіи Филотехническаго Общества» тогдашнее состояніе хозяйства южныхъ губерній. Общество составлялось на акціяхъ, приносившихъ ежегодно 6%, предполагаемыхъ собирать съ «образцовыхъ заведеній для обработки сельско-хозяйственнаго сырья. По «Мыслямъ» общество собиралось для засѣданій два раза въ годъ, въ крещенскую и успенскую ярмарки, въ Харьковѣ для обсужденія своихъ дѣлъ и назначенія члена, распоряжающагося «образцовыми заведеніями», который назывался «правителемъ дѣлъ филотехническаго общества».

Въ Россіи уже существовали подобныя сельскохозяйственныя общества; о нихъ Каразинъ упоминаетъ въ «Мысляхъ о учрежденіи фил. общ.» (стр. 14). Такъ, Каразину были извѣстны «Санктъ-петербургское Вольное Экономическое, Московское Естествоиспытателей, Лифляндское экономическее и проч». Весьма вѣроятно, что и идея В. Н. Каразина взяла начало отъ упомянутыхъ обществъ, членомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ числился онъ (напр , Моск. Естество-испыт.). Дѣйствительно, въ «Извѣстіи о Фил. Общ.» (изд. 10 марта 1811 г.) значится, что «Общество подъ названіемъ Филотехническаго составлялось, руководствуясь сими примѣрами» (т. е. примѣромъ существовавшихъ обществъ).

---

[1]) „Мысли", стр. 5—7.

Корреспондентъ филотехн. общества Д. Зиновьевъ,которому Василій Назаровичъ жаловался, между прочимъ, на неудовлетворительное состояніе хозяйства въ слоб.-губерн., отвѣчалъ ему такъ объ этомъ предметѣ въ Казанской губерніи: „Между прочимъ изволите писать о неудовлетворительномъ состояніи земледѣлія и промышленности нашего края. А я, къ стыду К., передъ Вами открою, здѣсь оно и еще хуже. Господскаго имѣнія въ Казанской губерніи хотя 72000 душъ, но большая часть принадлежитъ помѣщикамъ мелкопомѣстнымъ, занимающимся службой..., а управляютъ вмѣсто нихъ какъ-нибудь прикащики.

А изъ коренныхъ большая часть различныхъ народовъ, какъ то: татаръ, чувашъ, черемисъ, мордвы, вотяковъ, которые, кажется, въ цѣлое столѣтіе по земледѣлію ничего не пріобрѣли. Да и самые русскіе такъ отъ изобилія нерадивы, что хотятъ всегда въ томъ образѣ оставаться, какъ ихъ предки!"... (См. Сѣверная Пчела" 1860 года, № 92, письмо 13).

«Не льщусь я,—писалъ Каразинъ,—чтобы мои мысли были немедленно за благо приняты. Столь гордая надежда не могла войти въ мое сердце»! («Мысли», стр. 15). Но вопреки ожиданію Каразина все устроилось какъ нельзя лучше.

Подготовивъ изданіемъ «Мыслей» общество къ своему предпріятію, Василій Назаровичъ воспользовался собраніемъ дворянъ-помѣщиковъ, которые съѣхались въ 1811-омъ году на крещенскую ярмарку въ Харьковѣ и для дворянскихъ выборовъ, и предложилъ составить въ украинскихъ губерніяхъ общество, задачей котораго было-бы «приложеніе наукъ и художествъ къ домоводству». При этомъ онъ предложилъ присутствовавшимъ подписать составленный и прочтенный имъ «Первоначальный Актъ Филотехническаго Общества» для поднесенія его на Высочайшее утьержденіе отъ имени помѣщиковъ [1]). Тридцать два помѣщика разныхъ губерній подписали тогда же, 17-го января 1811 года, первоначальный актъ новаго общества. 21-го января состоялось второе засѣданіе, на которомъ «члены» утвердили «правила филотехническаго общества» и объемъ «хозяйственныхъ распоряженій»; правителемъ дѣлъ былъ назначенъ Василій Назаровичъ, а предсѣдательствовалъ на послѣднемъ собраніи кн. М. А. Голицынъ (харьковскій помѣщикъ), которому было поручено хлопотать объ утвержденіи общества.

«По доставленіи 24 генваря выписки обоихъ протоколовъ Общества, засвидѣтельствованной на основаніи второго изъ нихъ, членомъ предсѣдавшимъ въ нынѣшній съѣздъ княземъ Михаиломъ Андреевичемъ Голицынымъ, при письмѣ его сіятельства къ господину Слободско-Украинскому губернатору Ивану Ивановичу Бахтину, его превосходительство 28 тогожъ мѣсяца представилъ о семъ по узаконенному порядку. Марта 10 послѣдовалъ, а 30 полученъ здѣсь въ Харьковѣ таковый *высочайшій* указъ: «*господину дѣйствительному статскому совѣтнику, Слободско-Украинскому гражданскому губернатору Бахтину*». Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ мнѣ отношеніе къ нему ваше о намѣреніи нѣкоторыхъ помѣщиковъ ввѣренной вамъ губерніи, равно какъ Воронежской, Курской, Екатеринославской и Херсонской, составить между собою общество подъ названіемъ филотехническаго, коего цѣль будетъ усовершенствованіе разныхъ отраслей хозяйства и промышленности народной». «Разсмотрѣвъ доставленной при томъ вами актъ сего учрежденія и причины, кои помѣщиковъ къ составленію онаго побудили, я не нахожу въ намѣреніи ихъ ничего такого, что бы не соотвѣтствовало

---

[1]) Изв. о Фил. Общ. X. 1811.

пользѣ того края или было вопреки государственнымъ постановленіямъ, утверждающимъ и защищающимъ все то, что, основываясь на добровольномъ согласіи и пользѣ общественной, ни въ чемъ имъ не противится. Почему предоставляя общество сіе и правила имъ начертанныя обыкновенному покровительству законовъ, я поручаю вамъ объявить членамъ филотехническаго общества, что старанія ихъ объ усовершенствованіи народной промышленности и хозяйства мнѣ всегда будутъ пріятны». «А дабы и правительство могло въ потребныхъ случаяхъ содѣйствовать къ достиженію предполагаемой обществомъ симъ полезной цѣли, нужно, чтобы о дѣйствіяхъ и успѣхахъ своихъ оно доставляло отъ времени до времени подробныя свѣдѣнія министру внутреннихъ дѣлъ, яко управляющему вообще хозяйственною въ Имперіи частью» [1]).

Зная духъ современнаго общества, падкаго па отличія, на видныя мѣста въ своей средѣ, Каразинъ поспѣшилъ *Высочайшимъ* утвержденіемъ своего общества; дѣйствительно, «послѣ подписанія устава членовъ умножилось» и къ 24-му апрѣля изъ 32 подписавшихъ первоначальныя правила ихъ стало 48 [2]) «Не такъ то легко уговаривать людей на пожертвованія, особенно въ нынѣшнее время, писалъ Каразинъ о первыхъ своихъ хлопотахъ по учрежденію филотехническаго общества графу Аракчееву,—когда и *неминуемыя* пожертвованія сдѣлались частыми [3]). Малѣйшее сомнѣніе въ успѣхѣ вещи останавливаютъ людей. Богу извѣстно, чего мнѣ стоило въ 1811 году согласить дать по той бездѣлицѣ («100 руб.»), которая должна была положиться въ основаніе филотехническаго общества! Но, всеконечно, коль скоро узнаютъ, что *правительство* сдѣлало опытъ, что *оно* нашло его выгоднымъ, то всѣ двинутся» [4]).

Въ продолженіе всего 1811 г. Каразинъ занимался изданіемъ и исправленіемъ устава своего общества. Въ концѣ апрѣля онъ издалъ «Извѣстіе о филотехническомъ обществѣ», [5]) содержащее «первоначальный актъ его, подписанный помѣщиками, «правила филот. общества», его «хозяйственныя распоряженія», ходъ оффиціальнаго утвержденія и характеристику своихъ дѣй-

---

[1]) «Извѣстіе о фил. общ., Высоч. утв. 10 марта 1811 года» Харьковъ, 1811, стр. 29—31.

[2]) Тамъ же, стр. 2.

[3]) Такъ! можетъ быть *частными?*

[4]) Письмо отъ 9-го апрѣля 1814 года, Москва. См. «Сборникъ Историч. Матер. Канц. Его Вел. I отд. вып. I, стр. 463.

[5]) Харьковъ, 1811 г., 39 страницъ.

ствій до перваго августовскаго съѣзда въ 1811 г., какъ правителя дѣлъ общества: «какъ ни мало еще времени будетъ имѣть правитель дѣлъ до наступленія предстоящаго нынѣ съѣзда (въ Харьковск. успенскую ярмарку), но онъ надѣется и теперь представить обществу непостыдный отчетъ въ своихъ упражненіяхъ, и въ той небольшой суммѣ, которая находилась въ его распоряженіи. Онъ долгомъ поставитъ явиться въ Харьковъ 6-го августа и пробудетъ до 21-го» [1]).

Чтобы завлечь въ свое предпріятіе и наглядно представить выгоду участвовать въ немъ, Каразинъ принималъ разныя мѣры. Онъ издалъ въ качествѣ приложенія къ «мыслямъ о филотехнич. обществѣ» письмо Г. Р. Шидловскаго А. Ѳ. Квиткѣ, доказывающее пригодность изобрѣтеннаго имъ способа селитроваренія, разсылалъ изданные въ 1811 г. на свой счетъ брошюры «извѣстій о филот. обществѣ» [2]) помѣщикамъ и разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ для распространенія (архіереямъ всѣхъ украинскихъ губерній, губернаторамъ, предводителямъ дворянства, между прочимъ епископу Курскому и Бѣлогородскому Ѳеоктисту и Дюку Эмануилу Осиповичу Ришелье, который особенно симпатично относился къ новому предпріятію; всего было разослано 600 экземпляровъ [3]); «Благородное дворянство осьми губерній!— писалъ Каразинъ въ одной брошюрѣ, [4])—соедипитесь для совмѣстнаго дѣйствія на благо того края, который предки ваши, защищая предѣлы отечества, кровію своею пріобрѣли себѣ въ достояніе, и которой будетъ богатымъ наслѣдіемъ потомковъ вашихъ. Отъ васъ зависитъ удесятерить его значеніе для Россіи, и сдѣлать его предметомъ почтительнаго вниманія цѣлой Европы!» Въ продолженіе 1812 г. всѣмъ, заявившимъ желаніе, Каразинъ посылалъ ежемѣсячный журналъ «Объявленія публикѣ отъ филот. общества», уплачивая даже за пересылку свои деньги); знакомилъ въ то же время общество съ ходомъ занятій учрежденія,

---

[1]) «Извѣстія» 1811 г., стр. 37—38.

[2]) Первое «Извѣстіе», какъ упоминалось, было издано 24 апр. (40 стр.); затѣмъ въ сентябрѣ было выпущено «извѣстіе о филот. обществѣ, изданное въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца 1811 года, *продолженіе* первое» (89 стр.).

[3]) «Извѣстіе» изданное въ сент. 1811-го года; продолженіе первое.

[4]) «Извѣстіе о филотехническомъ обществѣ, Высочайше утвержден. 10 марта 1811 года», Харьк. 1811 г. Предувѣдомленіе.

[5]) Примѣчаніе къ статьѣ о Каразинѣ въ „Украин. Старинѣ" стр. 168—169.

демонстрируя публично свои опыты по обработкѣ продуктовъ разныхъ отраслей хозяйства [1]); посылалъ чуть не во всѣ періодическія изданія того времени («Украин. Вѣстникъ», «Украин. Журн.», «Вѣстникъ Европы», «Сынъ Отечества», «Казанс. Извѣс.», «Харьк. Изв.», Духъ журн. и проч.) или отчеты о своихъ опытахъ, или о занятіяхъ филот. общества, сперва подъ названіемъ «извѣстій», а потомъ—«актовъ филотехн. общества» (съ 1817 г. см. объявл. въ Харьк. Извѣст.).

Общество сочувственно отнеслось къ идеѣ Каразина: въ концѣ того же 1811 г. раскупили 59 акцій [2]), въ январѣ слѣдующаго—уже 70 [3]); въ январѣ 1814—90 [4]); число членовъ въ 1811 г. равнялось 58, къ январю 1814 г. свыше 80, а потомъ дошло до 100. Въ отвѣтъ на посылаемыя брошюры Вас. Наз. получалъ самыя сочувственныя и благопожелательныя письма. «Кто великъ въ маломъ, кто въ краткое время дѣлаетъ много, того особливо почитать должно, взирая на его таковые, данные ему отъ Бога, таланты,—писалъ епископъ Ѳеоктистъ. «Вы почтеннѣйшій мужъ, по даннымъ Вамъ отъ Бога талантамъ, и въ краткое время сдѣлали много. Теперь остается всѣмъ патріотамъ всеусердно желать Вамъ долголѣтія и благоденствія къ умноженію пользы и славы здѣшняго края!» [5]) «Не могу не признать, что вездѣ видны усердіе и дѣятельность ваши въ исполненіи порученій общества и во многихъ опытахъ, служащихъ къ улучшенію разныхъ предметовъ домоводства. Для меня будетъ всегда пріятно содѣйствовать по моей возможности трудамъ и успѣхамъ филот. общества и по званію моему доводить объ оныхъ до свѣдѣнія его импер. величества», писалъ В. Н. Каразину мин. вн. дѣлъ Козодавлевъ по поводу просьбы о конторѣ фил. общества въ Москвѣ [6]); приблизительно также отнесся къ предпріятію старикъ Державинъ: «Отдаю всю справедливость истинному патріотизму вашему и прямому усердію къ истинному благу отечества, и прошу Бога, чтобъ возбудилась таковая ревность и въ прочихъ сынахъ отечества, а безъ того едва ли успѣховъ ожидать можно будетъ» [7]). Въ Екатеринославѣ по инициативѣ дюка

---

1) „Извѣстія“, „продолженіе первое“.

2) „Извѣстіе о филотехн. обществѣ“, стр. 53.

3) „Украинская Старина“, стр. 169. „Улей„ 1812 г. ч. III, стр. 140.

4) Согласно отчету за 1813 г.

5) Отъ 3 дек. 1811 г. „Сѣверн. Пчела“ 1860 г. № 92, письмо 12.

6) „Русская Старина“ 1901 г., іюль стр. 200.

7) «Русская Старина» 1900 г., ноябрь. Письмо отъ 5 марта 1814 г.

де Ришелье мѣстные дворяне-землевладѣльцы намѣревались открыть филіальное отдѣленіе филотехнич. общества, подчиненное Харьковскому [1]). Въ «извѣстіи о филотех. обществѣ», изданномъ въ концѣ апрѣля 1811 года, «Правитель дѣлъ филотехнич. общества пользуется случаемъ», чтобы принести публично свою покорнѣйшую благодарность почтеннѣйшимъ членамъ общества, удостоившимъ его благосклонныхъ и самыхъ одобрительныхъ отзывовъ, изустныхъ и письменныхъ; а именно: сверхъ особъ, подписавшимъ актъ (т. е. «Первоначальный актъ филот. общества» 17 янв. 1811 г.): Его Высокородію Василію Василіевичу Капнисту, Его Высокоблагородію Тимофею Мироновичу Времеву, Его Высокоблагородію Александру Степановичу Таранову, Ихъ Высокоблагородію Ивану Степановичу Безобразову, Василію Яковлевичу Ломаковскому, Александру Мироновичу Времеву, и ихъ Превосходительству Григорію Романовичу Шидловскому и Петру Ивановичу Ковалинскому. Лестно для него будетъ и всегда заслуживать ободреніе отъ людей, почтенныхъ своими согражданами» [2]).

Итакъ, сочувствіе дѣлу было: въ высшихъ сферахъ самой идеѣ Каразина,—среди помѣщиковъ, можетъ быть, только изъ-за денежныхъ интересовъ: акціи приносили хорошій процентъ безъ всякихъ хлопотъ со стороны владѣтелей и были обезпечены имуществомъ учредителя ихъ, даже въ случаѣ его смерти [3]). Было ради чего сочувствовать, но *содѣйствовать*, раздѣлять хлопоты и труды предпріятія—это дѣло совсѣмъ другого рода, и тогдашнимъ дворянамъ-помѣщикамъ, «выработавшимся въ гоголевскихъ Ивановъ Ивановичей и Ивановъ Никифоровичей, интересы которыхъ къ лежанію въ натурѣ, собиранію семячекъ съ отмѣткою дня съѣденія, ссоры изъ-за «гусака» [4]) и т. д.», и въ голову не приходило трудиться во имя идеи, которая, Богъ вѣсть, будетъ ли доходна. Доклады о усовершенствованіяхъ и объ опытахъ читалъ, за очень рѣдкими исключеніями [5]), самъ В. Н. Каразинъ, правителемъ дѣлъ общества во все время его существо-

---

1) Письмо епископа Θеоктиста. Сѣв. Пч. 1860, № 90.

2) «Извѣстіе о филот. общ. Высоч. утв. 10 марта 1811 г.» Харьковъ, 1811, стр. 37.

3) «Въ случаѣ смерти правителя дѣлъ, наслѣдники его обязаны выплатить обществу всѣ акціи съ приходящимися на нихъ процентами» «Мысли о утвержденіи филотехн. общества» стр. 25. «Украинск. Стар.» 142.

4) См. „Голосъ" 1871 г., № 38. прим. О. Миллера.

5) См. „Украинск. Вѣстн." съ 1815 по 1818 г. включит. „Отчеты о дѣятельности фил. общества".

ванія былъ, по тѣмъ же обстоятельствамъ, одинъ онъ; кому же охота была наблюдать безвозмездно за образцовыми заведеніями Общества, да еще получать выговоры на собраніяхъ? Эти привилегіи охотно уступались иниціатору дѣла. Выходило, что В. Н. Каразинъ самъ производилъ опыты, самъ представлялъ въ отчетахъ обществу описаніе и демонстрированіе ихъ членамъ и произносилъ рѣчи въ собраніяхъ и въ качествѣ правителя дѣлъ самъ составлялъ протоколы засѣданій, которые опубликовывалъ онъ же. Въ запискѣ государю въ сентябрѣ 1817 г. Каразинъ могъ поименовать только двухъ (изъ ста съ лишкомъ) членовъ, Эзи и Щербинина, принимавшихъ «истинное участіе» въ успѣхахъ общества. Члены довольствовались участіемъ въ собраніяхъ, которыя совпадали съ ярмарками и на которыя смотрѣли просто какъ на развлеченія, да выраженіемъ неудовольствія на правителя дѣлъ [1]).

Въ такомъ видѣ просуществовало филотехническое «общество» въ продолженіе 10 лѣтъ, а съ *1820 года*, когда *Каразинъ* не могъ больше дѣйствовать внѣ своей деревни (ему былъ запрещенъ выѣздъ изъ нея), прекратило фактически свое существованіе и все «общество».

Уставъ филотехническаго общества, первоначально выработанный Каразинымъ, заключался въ брошюрѣ его «Мысли о филот. обществѣ» подъ заголовкомъ: «Предначертаніе правилъ филот. общества» и состоялъ изъ 24 §-овъ. Въ собраніи общества 17-го января 1811-го года уставъ этотъ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ: именно, по смыслу §§-овъ уставъ раздѣленъ былъ на собственно «Правила Филот. Общества» и «хозяйственныя распоряженія филот. общества», т. е. отдѣлъ, касающійся исключительно общественныхъ денегъ. Затѣмъ, нѣкоторые §§ въ собраніи 17-го января были пополнены (§§ 2, 4, 6, 11, 12, 15 «Правилъ филот. общества» представляютъ соотвѣтственно положенные §§ 2, 8, 9, 6, 7, 16, «Предначертаній»); нѣкоторые §§ наоборотъ сокращены [2]), хотя, какъ дополненія, такъ и сокращенія несущественнаго характера. Наконецъ. засѣданіе 17 янв. прибавило 4 новыхъ §-фа къ выработаннымъ Каразинымъ въ «Мысляхъ», это §§ 8, 13 и 16 «правилъ» и § 10 «хозяйсвенныхъ распоряженій».—Въ окончательномъ видѣ филотех. общество организовалось на слѣдующихъ основаніяхъ. Задача его «распространять и усовершать всѣ вѣтви досужества и домо-

---

[1]) Я. В. Абрамовъ. „В. Н. Каразинъ" СПБ. 1891, стр.

[2]) § 17 правилъ и § 8 хозяйственныхъ распоряженій, занумерованные соотвѣтственно въ „Мысляхъ" §-ами 17 и 13.

водства въ полуденномъ краѣ Россійской имперіи. *Первоначальный* кругъ дѣйствій обнимаетъ 8 губерній: Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую, Полтавскую, Черниговскую, Слободско-Украинскую, Курскую и Воронежскую (1 §). Общество состояло изъ дѣйствительныхъ членовъ—помѣщиковъ упомянутыхъ губерній, и почетныхъ; первые *должны* были во исполненіе задачи общества завѣдывать «образцовыми заведеніями» его, а почетные, выбранные изъ ученыхъ преимущественно, помогать своими спеціальными знаніями [1]) (§ 2, 3 и 4). Изъ числа дѣйствительныхъ членовъ выбирается сперва одинъ, а потомъ и больше «правителей дѣлъ» общества [2]), на обязанности которыхъ лежало наблюденіе за „образцовыми заведеніями" членовъ (§ 6). Два раза въ годъ въ Харьковѣ въ крещенскую и успенскую ярмарки происходили собранія филот. общества подъ предсѣдательствомъ, каждый разъ выбираемаго, «предсѣдающаго», причемъ собраніе считалось состоявшимся при наличности не менѣе 15 дѣйствительныхъ членовъ [3]) (§§ 5, 7 и 8). Въ собраніяхъ читаются отчеты правителей дѣлъ, которые затѣмъ печатаются и разсылаются всѣмъ членамъ общества (§ 9). Главная дѣятельность членовъ направлена на образцовыя заведенія общества, первоначально помѣщающіяся въ имѣніяхъ членовъ, а потомъ на „особливой дачѣ", пріобрѣтенной обществомъ. «Образцовыя заведенія» представляли изъ себя разнообразные заводы, напр., селитроваренный, винокуренный, для приготовленія земледѣльческихъ орудій и т. под. (§§ 10, 11, 12 и 13). «Образцовыя заведенія устраиваются на сумму, собранную изъ членскихъ взносовъ, а издѣлія заведеній должны были продаваться и приносить «очевидный доходъ». Взносъ дѣйствительнаго члена не менѣе 100 руб., въ замѣнъ которыхъ выдается акція, имѣющая значеніе обыкновенной цѣнной процентной бумаги, при чемъ членомъ считался пер-

---

[1]) Согласно правиламъ, почетныхъ членовъ должно было быть 10; но изъ отчета Каразина фил. обществу за первые 8 мѣсяцевъ 1817 г. видно, что эта норма съ теченіемъ времени увеличилась до 30 и за предѣлами этого числа выбирались не почетные члены, а корреспонденты общества. См. „Укр. Вѣст." 1817 г. окт., стр. 89. Измѣненія внесены на собраніи 17 янв. 1812 г.

[2]) За все время существованія общества былъ одинъ „правитель дѣлъ".

[3]) Это положеніе, вслѣдствіе малочисленности собравшихся, не соблюдалось. Засѣданіе 17 янв. 1817 г. состоялось при наличности лишь 13 членовъ. „Украинск. Вѣстникъ" 1817 г., января, 127 стр.

вый покупщикъ ея [1]). Членамъ общества предоставлялось жертвовать деньги и вообще тѣмъ или другимъ способомъ содѣйствовать ему (§§ 14, 15, 16 и 17). Бумаги, присланныя на имя общества, вскрывались только въ собраніяхъ его. «Хозяйственныя распоряженія» заключались въ слѣдующемъ. Въ обезпеченіе акцій правитель дѣлъ выдавалъ подъ закладную на имя трехъ членовъ имущественный цензъ въ 10,000 руб. увеличивающійся по мѣрѣ умноженія акцій (§ 4). Доходъ съ «образцовыхъ заведеній», устроенныхъ на деньги акціонеровъ, идетъ прежде всего на уплату 6% головыхъ за каждую акцію, что производится въ крещенскій съѣздъ общества; половина остатка чистаго дохода за уплатой %-овъ идетъ въ пользу правителя дѣлъ, наблюдавшаго за своимъ заведеніемъ, а другая половина этого же остатка раздается дивидентомъ акціонерамъ (§§ 1, 2, 5); проценты на акціи правитель дѣлъ обязанъ выдавать ежегодно (§ 3). Дѣла общества ведутся по книгамъ правителемъ дѣлъ за подписями членовъ и печатью общества: книги представляются для справокъ всѣмъ членамъ и ревизуются въ крещенскихъ съѣздахъ (§§ 6, 7 и 8). Въ случаѣ смерти правителя дѣлъ наслѣдники его обязаны уплатить акціонерамъ тѣмъ или другимъ способомъ деньги за акціи съ процентами (§ 9). Общество имѣетъ право исправлять или дополнять свой уставъ (§ 10) [2]).

Но вернемся къ дѣятельности В. Н. Каразина.

Въ «Извѣст. о филотехн. общ., изданн. въ послѣд. числахъ апрѣля мѣсяца 1811 года, продол. первое» напечатанъ отчетъ

---

[1]) Акція представляла небольшой листъ бумаги in. 4⁰ съ обозначеніемъ суммы (въ сотняхъ рублей) внесенныхъ денегъ, съ рубриками для записи срока и количества получаемыхъ процентовъ. По прошествіи 20 лѣтъ акція должна вымѣниваться на другую съ рубриками слѣдующихъ лѣтъ. Каждая акція за особымъ номеромъ съ подписью правителя дѣлъ выдавшаго ее. Обратная сторона акціи была разграфлена на 100 четыреугольниковъ, въ одномъ изъ которыхъ невидимыми химическими чернилами былъ поставленъ «знакъ». „Коль скоро оный, до полученія соотвѣтствующихъ ему %-овъ, будетъ (химическимъ какимъ-либо средствомъ) выведенъ наружу, то акція теряетъ свое достоинство. Желаніе установить довѣріе публики и обезпечить капиталъ общества сдѣлало необходимою эту мѣру“. Мѣра эта оказалась непрактичною. По свидѣтельству В. Г. Анастасевича знакъ „выходилъ наружу отъ теплоты карманной книжки“. Это обстоятельство дало поводъ недоброжелателямъ В. Н. Каразина обвинять его въ нечестности. „Украинская Старина“ Данилевскаго, X. 1866, стр. 167—168.

[2]) Какъ это было 17 янв. 1812 года.

Каразина филотехн. обществу о своихъ занятіяхъ въ званіи правителя дѣлъ общества, въ теченіе апрѣля, мая, іюня и іюля 1811 года [1]). Извѣстіе о Высочайшемъ утвержденіи общества было получено въ Харьковѣ Каразинымъ 23 апрѣля и съ этого дня началась энергичная работа «правителя дѣлъ». Онъ немедленно приступилъ къ печатанію акта, правилъ и хозяйственныхъ распоряженій общества, вышедшихъ въ свѣтъ подъ названіемъ «Извѣстія о филотехническомъ обществѣ", съ намѣреніемъ ознакомить публику подробно съ новымъ обществомъ. 25 апр. Каразинъ получилъ пакетъ, адресованный *на имя общества*, съ Высочайшимъ утвердительнымъ указомъ. Не имѣя права распечатать пакетъ на имя общества до его засѣданія (18 ст. «Правилъ») и желая помѣстить указъ въ печатавшейся брошюрѣ, Каразинъ обратился къ губернатору съ просьбой выдать копію указа. 2 мая копія получена; въ концѣ мая были отпечатаны 600 экз. «Извѣстія о фил. об.». Въ продолженіе іюня мѣсяца «правитель дѣлъ» переписывался съ видными должностными лицами 8 губерній, входившихъ въ первоначальный кругъ дѣйствій общества, просилъ ихъ содѣйствовать успѣху начинающагося учрежденія и разсылалъ имъ для распространенія въ публикѣ экземпляры «Извѣстій о фил. общ.».

Къ 16 августа Каразинъ произвелъ рядъ опытовъ по разнымъ отраслямъ домоводства. «Малые» его успѣхи въ теченіе этого времени заключались въ слѣдующемъ: Согласно 4 и 5 §§-амъ устава «Хозяйственныхъ распоряженій фил. общества, правитель дѣлъ, обязавшійся вести образцовыя заведенія общества, обязанъ въ обезпеченіе выданныхъ акцій передать во владѣніе общества залогъ въ видѣ своего имущества или «образцовыхъ заведеній уже существующихъ» въ его имѣніи. Каразинъ, согласно тѣмъ же §§-амъ «хозяйственныхъ распоряженій», еще до 16 августа 1811 года «изготовилъ закладную, цѣнностью въ 10 тысячъ на имя трехъ членовъ общества, по собственному его (общества) назначенію» [2]). Заложенное имущество представляло какъ землю, такъ и существовавшія у Каразина заведенія, напр.—раньше упомянутый кожевенный заводъ, лабораторія по селитроваренію; кромѣ того существовалъ уже и винокуренный заводъ (вѣроятно

---

[1]) Извѣстіе о фил. общ. въ апрѣлѣ 1811 г.; продолженіе первое, стр. 49—53.

[2]) „Извѣстіе о филот. обществѣ Высоч. утвержд. 10 марта 1811 г." Харьковъ 1811 г., стр. 28.

небольшой) [1]). По § 2 «хозяйств. распоряженій» правителю дѣлъ въ награду за труды свои по организаціи и веденію образцовыхъ заведеній полагалась половина чистаго дохода съ обработанныхъ продуктовъ за уплатой процентовъ акціонерамъ. Тысячу рублей Каразинъ употребилъ лѣтомъ 1811 года на устройство образцовой селитроварни. Задачей при этомъ было поставлено вываривать селитряной растворъ въ самое кратчайшее время и наименьшимъ количествомъ дровъ. Вмѣсто обыкновенныхъ селитроварныхъ печей Василій Назаровичъ употребилъ простой самоваръ съ какимъ-то незначительнымъ прибавленіемъ, дѣлавшимъ самоваръ, въ то же время, и «самодувомъ» сожигателемъ дыма. Вмѣсто воды въ самоваръ наливался селитряной растворъ, являлась значительная экономія тепла, обыкновенно сильно тратившагося на согрѣваніе стѣнъ печи и уходившаго дымомъ; 0,9 дровъ сберегалось приборомъ Каразина «по крайней мѣрѣ». Модель самовара демонстрировалась предъ обществомъ 16-го августа. Тогда же Каразинъ началъ дѣлать приготовленія къ проэктируемому винокуренному заводу филот. общества: запасалъ лѣсъ, рылъ каналъ для отвода воды отъ плотины въ весеннее время и т. под. [2]) Кежевенный заводъ существовалъ уже раньше, и Каразинъ ничего новаго не ввелъ сюда; только выдѣланныя кожи поступали въ счетъ произведеній общества. Производились опыты сушки

---

[1]) «Извѣстіе о фил. общ., изд. въ концѣ апрѣля 1811 г.» Харьковъ 1811 г. «продолж. первое». стр. 62—63. Въ рукописяхъ Чирикова находимъ копію съ закладной Каразина филотехн. обществу: «1811 года, 25 августа Ст. Сов. и Кавалеръ Каразинъ далъ сію закладную на основаніи фил. общ. постановленій, Высоч. утвержденныхъ 1811 г. марта 9 дня, членамъ того общества, ген.-лейт, и кав. Іос. Ив. *Хорвату*, подполковнику Андрею Ѳед. *Квиткѣ* и маіору Іонѣ Ник. *Познянскому* суммой въ 10,000 р. за указные проценты срокомъ впредь до востребованія ими сей закладной. А въ тѣхъ деньгахъ до самаго срока заложилъ я, Каразинъ, имъ недвижимое свое имѣніе, богодух. уѣзда въ с. Кручикѣ, мѣста, для *заводовъ разнаго рода* на рѣчкѣ ближнемъ Кручикѣ назначенныя, съ поставленными на нихъ плотинами и занимающія по продолженіи оной рѣки 139 десят. земли, покрытый большинствомъ дровянымъ лѣсомъ, *кожевный мой заводъ*, 18 душъ мастеровыхъ съ ихъ семействами, да въ чрезполосномъ владѣніи лѣсу 11 десятинъ для упомянутыхъ заводовъ. Мое недвижимое имѣніе никому другому не продано и не заложено и ни въ какія крѣпости не укрѣплено». Историч. архивовъ Харьк. ун-та рукописи Чирикова.

[2]) Извѣстія о ф. общ. изд. въ концѣ апр. 1811 г. Х. 1811. прод. І-е стр. 62—63.

плодовъ «теплотою водяныхъ паровъ»; плоды раскладывались на жестяныхъ листахъ, расположенныхъ одинъ надъ другимъ, и паръ, проходя снизу поочередно чрезъ всѣ листы, уносилъ ихъ влагу, сохраняя чистоту фруктовъ, ихъ вкусъ и даже запахъ. Занятый давно идеей приготовлять изъ обыкновенныхъ нашихъ ягодъ «собственныя вина, подобныя привозимымъ за дорогую цѣну иностраннымъ», Каразинъ тѣмъ же лѣтомъ ухитрился, отдѣляя «яблочную кислоту (acide malique)» ягодъ—(какимъ образомъ, не упоминается), добыть 3 сорта винъ: вишневое, крыжовниковое и смородинное. Выдваивая (перегоняя) полученное вишневое вино, Каразинъ получилъ прекрасный спиртъ; отъ двоенія оставалась богатѣйшая алая краска; опыты надъ послѣдней показали ея прочность предъ вліяніемъ солнечнаго свѣта. Окрашивалъ шерсть травой «Душицой или Материнкой (Origanum vulgare)», замѣнявшей, какъ оказалось въ совершенствѣ, заграничный сандалъ и фернамбукъ.

16-го августа 1811 года «Филотехническое Общество», послѣ Высочайшаго утвержденія его постановленій, имѣло первое засѣданіе» [1]). Предсѣдателемъ былъ выбранъ Ив. Ив. Зарудный; читался, вѣроятно Вас. Назаровичемъ, какъ правителемъ дѣлъ, указъ государя о Филотехн. Обществѣ. Затѣмъ рѣшено было дополнить уставъ общества, именно—по прошествіи каждаго года, т. е. въ Крещенскій съѣздъ, сообщать министру Внутреннихъ Дѣлъ объ успѣхахъ и занятіяхъ общества. В. Н. Каразинъ прочелъ отчетъ о дѣятельности своей за лѣтнее время; демонстрированный самоваръ-селитроваръ заслужилъ полное одобреніе собранія; заключеніе объ идеѣ винокуренія по способу Каразина общество обѣщало дать послѣ наглядныхъ опытовъ въ Крещенскій съѣздъ. Приготовленныя Вас. Назаровичемъ кожи, сушеные фрукты, спиртъ, идею о сушеніи червца (кошенили) и др. общество признало превосходными и лишь вина «не нашло еще совершенными, но осталось довольными ими для перваго начала». Экспертиза «художника Маттеса» удостовѣрила общество въ пригодности для живописи вишневой краски. «Сіи и другіе *въ отчетѣ* представленные предметы,—заключался протоколъ собранія,—увѣрили Общество въ дѣятельности перваго правителя его дѣлъ; и оно положило объявить ему свою благодарность [2]). Въ томъ же засѣданіи рѣшено было черезъ день, т. е. 18 августа устроить *публичное* собраніе филотехническаго общества, съ приглашеніемъ «именитѣйшихъ особъ». Правителю дѣлъ было поручено приготовить

---

[1]) Тамъ же стр. 41.

[2]) Тамъ же стр. 45.

200 пригласительныхъ билетовъ «съ означеніемъ времени собранія: шести часовъ по полудни 18 числа».

Такимъ образомъ, 18 августа 1811 года было *первое публичное Собраніе Филотехническаго Общества*. Оно открылось привѣтствіемъ къ публикѣ предсѣдающаго. Затѣмъ однимъ членомъ прочитанъ именной списокъ всѣхъ (какъ присутствующихъ, такъ и отсутствующихъ) членовъ по старшинству ихъ вступленія; другимъ—извлеченіе изъ протокола 16 августа; третій же членъ заключилъ собраніе рѣчью о пользѣ просвѣщенія въ Домоводствѣ, или естественной связи Домоводства съ прочими познаніями». Это была рѣчь самого В. Н. Каразина, потомъ напечатанная отдѣльной брошюрой [1]).

Въ началѣ рѣчи Каразинъ обѣщалъ разъяснить слушателямъ тѣ задачи, которыя преслѣдуетъ филотехническое общество, но этому предмету удѣлилъ впрочемъ очень мало мѣста, и лишь въ концѣ, нѣсколькими фразами [2]) обмолвился о цѣляхъ общества. Вся же рѣчь, въ цѣломъ, представляетъ мастерской очеркъ исторіи культуры человѣка, отъ незапамятныхъ временъ до послѣднихъ дней, въ связи съ развитіемъ познаній и по домоводству. «Подъ именемъ домоводства разумѣю я порядокъ управленія всякою собственностію, доставляющею способы къ жизни» [3]). «Начало домоводства, основываясь непосредственно на понятіи о собственности, предшествовало и самому земледѣлію». «Безвѣстный родоначальникъ Чюдовъ, или *Скифовъ*, по греческому произношенію, первый позналъ домоводство».—Ссылаясь на сочиненія древнихъ авторовъ, Гомера, Діодора, Платона и Цицерона, подкрѣпляя свои выводы о развитіи сельско-хозяйственной и, вообще, культуры человѣчества цитатами изъ произведеній ученыхъ,—Goguet, Балльи, Linнея, Шлецера, Perieget, Гумбольда, Роллена, О'коннора Sabatier,—Каразинъ постепенно дошелъ до современнаго общества. Онъ указалъ на нравственную обязанность послѣдняго продолжить культурную работу человѣка и, указывая на всѣ данныя, для выполненія задачи исторіи, ловко заинтриговалъ помѣщиковъ: «Аѳинская область во время Периклово имѣла двѣ тысячи талантовъ, или около милліона двухъ сотъ тысячъ нашихъ серебряныхъ рублей доходу. Но она пространствомъ едва ли составляла половину Слободско-Украинской губерніи» [4]). Въ концѣ рѣчи ораторъ вы-

[1]) Харьковъ, 1811. 20 стран. Вѣстн. Евр. 1811, окт. № 20 стр. 259—286.

[2]) Вѣстн. Евр. 1811, окт, № 20, стр. 280—282.

[3]) Стр. 261.

[4]) Стр. 276.

сказалъ свои взгляды на взаимоотношенія крестьянъ и помѣщиковъ и заключилъ увѣреніемъ, что дворянство исполнитъ задачу человѣчества и просвѣтитъ младшаго брата-крестьянина: «Благонамѣренные мои собратія! вы, которые въ своихъ подчиненныхъ видите не рабовъ, но воспитанниковъ, Провидѣніемъ и Правительствомъ вашимъ вамъ ввѣренныхъ! васъ преимущественно имѣетъ въ предметѣ Филотехническое Общество. Водворите въ селахъ вашихъ просвѣщенное земледѣліе, водворите искусства и промышленность. Водворите наипаче порядокъ и добрые нравы, безъ которыхъ все прочее во вредъ обращается» [1]).

Несмотря на кажущееся воодушевленіе членовъ общества, въ сущности безучастное его отношеніе выразилось въ томъ, что уже въ слѣдующемъ собраніи 21 августа происшедшемъ, слѣдовательно — лишь черезъ два дня послѣ описаннаго, «протоколъ его, за отбытіемъ *нѣкоторыхъ* членовъ, не могъ быть подписанъ» [2]) (Всего членовъ общества насчитывалось нѣсколько десятковъ, а собранія, по уставу, считались состоявшимися при наличности лишь 15 членовъ). Въ этомъ собраніи предметомъ занятій была переписка членовъ съ различными оффиціальными и частными лицами по дѣламъ общества и разборъ корреспонденціи, полученной правителемъ дѣлъ на имя общества. О дѣятельности Каразина въ качествѣ «правителя дѣлъ ф. об.» въ теченіе 1812 г. мы ничего не знаемъ точно. 15, 17 и 20 янв. 1812 г. происходили собранія Общества, протоколы которыхъ сохранились въ отрывкахъ.

Изъ протокола 15 янв. 1812 года видно [3]), что собраніе происходило въ этотъ день «въ залѣ благороднаго собранія по предложенію самихъ г-дъ Директоровъ онаго». Предсѣдательствовалъ губернскій предводитель А. Ѳ. Квитка. В. Н. Каразинъ представилъ отчетъ о своей дѣятельности съ августа 1811 по январь 1812. Назначенъ комитетъ для употребленія вступившей въ кассу общества суммы. Затѣмъ очень любопытное обстоятельство: члены отказались отъ процентовъ, слѣдуемыхъ имъ по акціямъ за 1811 г. Порѣшили неиспользованные «проценты» съ акцій употребить на печатаніе «объявленій (по 2 л. въ мѣсяцъ) отъ Ф. О. о разныхъ до него и до членовъ его въ особенности касающихся предметахъ, для всей Россійской публики безвозмездно». Это вѣроятно

---

[1]) Стр. 285—286.

[2]) «Извѣстія», продолженіе первое, стр. 83.

[3]) Улей, за 1812 г. ч. III, № XVI. «Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій филотехническаго общества въ Крещенскій съѣздъ 1812 года Генваря 15, 17, и 20».

тѣ самыя «Объявленія отъ Филотехническаго Общества, о которыхъ упоминаетъ Данилевскій въ прибавленіи къ монографіи о В. Н. К—нѣ. «А. С. Ели» читалъ докладъ объ овцеводствѣ, который рѣшено было напечатать. Каразинъ представилъ собранію *вату*, добытую изъ шерсти молодыхъ испанскихъ и силезскихъ овецъ. Вата оказалась настолько доброкачественнѣй бумажной, что Общество постановило (на основаніи постановленія собранія 16 августа 1811 г.) довести до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ о новомъ предметѣ домоводства. Почетный членъ Ф. И. Гизе подарилъ обществу 150 экземпляровъ своего сочиненія о «Селитровареніи». Печатные экземпляры постановлено раздать членамъ, а представленную одновременно рукопись Гизе «О Турфѣ» напечатать на счетъ общества. Каразинъ представилъ масла орѣховое и конопляное, которыя «найдены не имѣющими никакого вкуса, запаха и цвѣта, свойственнаго масламъ сего имени». Онъ же представилъ модель «Арбутнотова плуга» (получ. изъ Тульск. губ.) и высушенный на паровомъ снарядѣ солодъ. Затѣмъ общество одобрило предложенную правителемъ дѣлъ форму дипломовъ почетныхъ членовъ фил. общества и *приняло единогласно предложеніе почетнаго члена А. И. Стойковича о допущеніи* въ *собранія филотехническаго общества «всѣхъ любителей* и *любительницъ домоводства»*.

Изъ протокола засѣданія 17 янв. 1812 г. видно, что число акцій возросло къ этому времени до 70; что сумму собранныхъ денегъ рѣшено употребить на постройку *селитровареннаго*, *винокуреннаго заводовъ* и на лучшее обзаведеніе существовавшихъ уже въ имѣніи правителя дѣлъ *кожевнаго и бичевопрядильнаго Опредѣлили жалованье «смотрителя» образцовыхъ заведеній*. Изъ отчета Каразина оказывается, что изъ 7000 р., полученныхъ за акціи денегъ, у него осталась уже только 1000 р. Представлено нѣсколько домоводственныхъ продуктовъ г-жи «Элли» и Бердяевой. Избранъ въ корреспонденты общества Д. Н. Зиновьевъ, который прислалъ нѣсколько предметовъ домоводства въ казанской губерніи. Въ собраніи же 17 января были сдѣланы дополненія къ уставу общества [1]): именно, 1) число почетныхъ членовъ не должно было превышать 30, при чемъ избираемыя лица дѣлятся на три категоріи: ученыхъ, «мужей государственныхъ» и «благотворителей своимъ поселянамъ помѣщиковъ внѣ округа филотехническаго общества имѣющихъ помѣстья». 2) Приглашать къ участію въ трудахъ Филотехническаго Общества «художниковъ», завести «корреспондентовъ *ученыхъ* и *торговыхъ*», избираемыхъ по предло-

1) Согласно § 10 Хозяйствен. распоряж.

женію правителя дѣлъ. Рѣшено предложить званіе почетныхъ членовъ Мин. вн. дѣлъ О. П. Козодавлеву, сенатору К. Ф. Модераху; К. И. Габлицу и Херс. воен. губ. «Дюку Дерішелью»; выбрано было также корреспондентами нѣсколько помѣщиковъ. На основаніи 10 § хоз. расп. положено утверждать почетныхъ членовъ лишь въ слѣдующемъ, по избраніи ихъ, собраніи и выдавать дипломы имъ за подписью предложившихъ избраніе.

Въ засѣданіи 20-го января постановлено: чрезъ правителя дѣлъ вступить въ сношеніе съ «Императорскимъ вольно-экономическимъ» и «естествоиспытателей» обществами и заказать художнику Маттесу виньетку для дипломовъ почетныхъ членовъ Филотехническаго общества. — По разрѣшеніи мин вн. дѣлъ [1]) 12 января 1813 г. измѣнить уставъ согласно постановленію засѣданія 17 января 1812 г., правила общества съ поправками были изданы Каразинымъ при отчетѣ за 1813 годъ: въ § 3-й включено постановленіе о нормѣ числа почетныхъ членовъ, въ 4-й—о правѣ приглашать членами въ общество «отличныхъ художниковъ» и «отличныхъ земледѣльцевъ» (не болѣе 10 душъ). и въ § 20-й—статью о «ученыхъ и торговыхъ корреспондентахъ. Слѣдующія засѣданія Филотехническаго Общества происходили 12 января 1813 г. [2]), и 13 янв. т. г. [3]). Въ послѣднемъ засѣданіи Каразинъ произнесъ «рѣчь о необходимости въ настоящихъ обстоятельствахъ усилить домоводство»—типичное произведеніе его пера. Безъ строгаго плана, но съ страстнымъ увлеченіемъ и напыщенностью подчасъ, излагалъ Каразинъ рядъ мыслей и о политическомъ укладѣ народной жизни, и о необходимыхъ реформахъ въ хозяйствѣ и торговлѣ, излагалъ цѣлый рядъ научныхъ историческихъ изслѣдованій, касавшихся того или иного затронутаго вопроса. Что касается домоводства собственно, то Каразинъ совѣтовалъ «усилить его всѣми средствами, заимствованными отъ обстоятельствъ съ одной и отъ просвѣщенія съ другой стороны» [4]). Нарисовавъ мастерскую картину опустошенной въ 12 году Москвы, Каразинъ предложилъ возродить сердце Россіи и не въ прежнемъ, старомъ ея видѣ, а въ видѣ центра промышленной на почвѣ сельско-хозяйственнаго просвѣщенія страны: «Дворянство! предъ тобою открывается новое подвиговъ поприще»... «обрати опустѣ-

---

[1]) Моск. Вѣд. 1814 г., № 8, стр. 180; примѣчаніе стр. 1—22; См. также „Укр. Стар.“ Данилевск. стр. 155.

[2]) Московскія Вѣдомости 1814 г., № 8 стр. 180; прим. стр. 1—22.

[3]) Вѣстникъ Европы 1843 г., кн. I, стр. 3—4.

[4]) Вѣст. Евр. 1813 г. т. I. ч. LXVII, стр, 5—6.

ніе Москвы въ пользу прочихъ краевъ твоего отечества [1]). Насадить въ Россіи сельско-хозяйственное просвѣщеніе надо воспользовавшись тогдашнимъ состояніемъ ея. Послѣдняя находилась въ спокойствіи въ то время, какъ большая часть Европы страдала отъ военныхъ дѣйствій. «Искусные художники» - иностранцы охотно перейдутъ изъ отечества въ спокойную Россію и вложатъ свой трудъ на мирное ея преуспѣяніе. Для регулированія торговли, устраненія изъ нея *эксплуататоровъ*, перекупщиковъ, однимъ словомъ для болѣе правильнаго развитія промышленности, Каразинъ предложилъ «*опредѣлить разсчеты и размѣны; устроить сборные пункты*» выдѣланныхъ въ Россіи же товаровъ и вытѣснить такимъ образомъ иностранные. Онъ предложилъ, между прочимъ, *заняться продовольствіемъ войскъ* за границей. Идеи, выраженныя въ «рѣчи о необходимости въ настобстоят. усилить домоводство», явились какъ бы планомъ дѣятельности К—на въ 1813 году, которая въ свою очередь дастъ намъ понять туманные и замаскированные реторическими пріемами намеки въ рѣчи 13 января (напр., на продовольствіе арміи фил. обществомъ). Рѣчь В. Н. Каразина была напечатана въ нѣсколькихъ періодическихъ изданіяхъ, между прочимъ въ Вѣстникѣ Европы, и, кажется, интересовала современниковъ. В. Г. Анастасевичъ экземпляръ этой рѣчи послалъ въ подарокъ кіевскому митрополиту Евгенію Болховитинову, за что послѣдній его благодарилъ [2]): «Рѣчь Каразина читалъ я и видѣлъ вторично въ Вѣстникѣ Европы; прекрасный человѣкъ съ отличными свѣдѣніями и достоинъ быть въ столицѣ» [3]). Послѣднее замѣчаніе даетъ поводъ думать, что уже въ 1813 г. В. Н. Каразинъ тяготился своей ссылкой и стремился выбраться и дѣйствовать внѣ Украины; «Каразину,—писалъ въ другомъ письмѣ тотъ же митрополитъ Евгеній [4])—видно, долго еще жить въ своей Украинѣ. Кажется, одна надежда у него на сильную руку Аракчеева. Но сила сія не въ той сферѣ». Въ серединѣ 1813 года Вас. Наз. отправился въ Москву, «гдѣ,—докладывалъ онъ филот. обществу, 16 янв. 1815 г.,—я цѣлый годъ былъ задержанъ отчасти устроеніемъ комиссіонерной конторы общества, отчасти дѣлами послѣдней важности семейства моего».

---

[1]) Тамъ же, стр. 11,

[2]) «Русскій Архивъ» 1889 г., т. II, стр. 26.

[3]) Отъ 24 апрѣля 1813 г. Тамъ же стр. 27.

[4]) Отъ 17 окт. 1815 г. (Калуга) „Русскій Архивъ“ 1889 г. т. II, стр. 55.

Августовскихъ засѣданій 1813 г., за отсутствіемъ правителя дѣлъ, вовсе не было—новое доказательство, что общество безъ Вас. Наз. Каразина переставало существовать.

Въ ноябрѣ 1813 года Каразинъ составилъ «Справочникъ филотехн. общества» [1]), цѣнъ стоявшихъ въ Москвѣ на всевозможные предметы житейскаго обихода, веществъ питательныхъ, аптекарскихъ, предметовъ роскоши, одежды, матеріаловъ строительныхъ, различныхъ металловъ, нормы заработной платы и т. под. Изъ этого справочника можно видѣть, что цѣлый рядъ продуктовъ домоводства принадлежитъ производству «филот. общества» [2]); съ другой стороны, обстоятельство, что всѣ эти произведенія «общества» не вошли въ продажу и не имѣютъ никакой цѣны на рынкѣ [3]), даетъ поводъ подозрѣвать, что новыя выработанныя предметы домоводства принадлежатъ труду Каразина, а не общества, тѣмъ болѣе, что продукты тѣ самые, которые, судя по разобранному и послѣдующимъ отчетамъ, занимали самого Каразина. Изъ продуктовъ фил. «общества», помѣщенныхъ въ Справочникѣ, видимъ: «алкоголь, вина украинскія, питательную (прѣсную и кислую) вытяжку, клюквенный сокъ, наливки украинскія, олифу для живописи, патоку очищенную, пеньку приготовленную, подошвенныя кожи, полпиво, солодъ, уксусъ, козлы казанскія, колбасы копченыя, ветчину, вату фил. общества (изъ шпанской шерсти, которая можетъ замѣнять самые теплые мѣха) и бочки въ 30 и 40 вед.». Что касается самого справочника, то Каразинъ придавалъ серьезное значеніе такого рода таблицамъ [4]); какъ видно, бланки справочника были печатные безъ обозначенія цѣнъ, мѣстъ и времени наблюденій: «Сіе наше предпріятіе (т. е. намѣреніе издавать подобные справочники) должно безъ сомнѣнія быть благоугоднымъ сердцу всякаго добраго гражданина, ибо цѣлію его есть усовершеніе торговли и распространеніе промышленности въ отечествѣ нашемъ, поддержаніе ихъ противу замысловъ монополіи, съ одной стороны, и расточитель-

---

[1]) Сборникъ ист. матеріал. вып. I, 1876 г. Спб., стр. 413—437.

[2]) По крайней мѣрѣ эти продукты Каразинъ обозначалъ «изготовл. филот. обществомъ»; въ отчетахъ филот. общества мы не находимъ упоминаній о разработкѣ какого-нибудь изъ этихъ продуктовъ кѣмъ-либо кромѣ Каразина.

[3]) Лишь сѣдла шли,—по справочнику, по обыкнов. рыночн. цѣнамъ, да питательная прѣсная вытяжка по 60 коп. ассигн. за фунтъ.

[4]) Упомянутый справочникъ печатный въ 2 столбца. Цѣны противъ показанныхъ въ немъ предметовъ обозначены В. Н. Каразинымъ рукописно. Его же рукою вписаны въ «справочникѣ» нѣкоторыя слова и дополненія. «Сборн. ист. матер.» вып. I, 1876 Спб., 413—437.

ности отъ невѣдѣнія—съ другой. Чаятельно, наши листочки будутъ *нѣкогда* не недостойны и взора статистики или самой исторіи, представляя картину признаковъ постепеннаго приращенія земледѣлія, торговли и искусствъ при вліяніи на нихъ государственной финансовой системы... Въ ноябрѣ 1813 года, съ Богомъ, положено начало! Мало-по-малу чрезъ сіе посредство укажутся *ежемѣсячно* цѣны, существующія въ городахъ: Москвѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Казани, Харьковѣ и другихъ, также и на знатнѣйшихъ Россійскихъ ярмаркахъ» [1]... Есть указаніе на существованіе справочника Каразина за декабрь 1813 года [2]). Справочникъ за ноябрь Каразинъ посылалъ Аракчееву, покровительства котораго искалъ для своихъ предпріятій. Письма къ Аракчееву заключаютъ большею частью просьбы о помощи, но письмо, приложенное къ справочнику, т. е. отъ 12 янв. 1814 года, особенно интересно: здѣсь дается характеристика самимъ Вас. Наз. своей общественной дѣятельности: «Можетъ быть захотите сдѣлать мнѣ благодѣяніе сообщеніемъ его августѣйшему покровителю нашего общества, покровителю нѣкогда и моему, удостоивавшему меня милостей, болѣе нежели обыкновенныхъ,—пока напослѣдокъ несчастное для меня стеченіе клеветы и собственной неосторожности .. Не продолжаю, сіятельнѣйшій графъ, опасаясь залить слезами бумагу, на которой я пишу. Но и въ нынѣшнемъ положеніи моемъ. я продолжаю тоже самое стремленіе, которое *имъ* однажды было одобрено: «Часъ отъ часу болѣе удостовѣряюсь, что *мы* съ вами согласуемся въ образѣ нашихъ мыслей и чувствованій. Продолжайте и будьте увѣрены, что *я* умѣю цѣнить подвигъ, влекущій васъ»... Вотъ драгоцѣнныя подлинныя слова одного изъ его писемъ ко мнѣ, маловажному его подданному! Дѣйствіе ихъ продолжается донынѣ въ моемъ сердцѣ. Я иду впередъ съ малыми надеждами, *безъ всякой донынѣ подпоры*, подвигаюсь медленно по путямъ, наполненнымъ стремнинами и терніями заросшимъ. Я льщусь принести *нѣкогда*, можетъ быть не прежде, какъ уже по смерти моей, пользу дражайшему отечеству. *И тогда* уповаю быть оправданъ!.. Никто не вообразитъ, *чего* мнѣ, человѣку безъ случая, безъ большого имени, безъ богатства, безъ всякой подпоры, стоило учрежденіе Харьковскаго университета и предварившее оный пожертвованіе, на которое должно было соглашать дворянство многихъ губерній. Я увѣренъ, что немногіе рѣшились бы получать ленты, еслибъ онѣ доставались такимъ

---

1) «Сборникъ историч. матеріаловъ» выпускъ I, 1876 г. Спб., стр. 418—419, примѣч. 11-е.

2) Тамъ же, стр. 438.

только образомъ»!.. «Когда сей важный проектъ испорченъ былъ *иностранцами* при самомъ его началѣ, когда найдено даже средство замарать и дворянство, предложившее его, а учрежденіе это, которому положены были начала великія, единственно Россіи свойственныя, превратить въ обыкновенный университетъ нѣмецкій, то я въ отчаяніи вышелъ въ отставку, и... чтобъ поправить эту неудачу, принялся думать о филот. обществѣ. Это стоило новыхъ, можно сказать, невѣроятныхъ усилій и вмѣстѣ новыхъ непріятностей, которыя надобно было перенести»... «Будьте моимъ покровителемъ, сіятельнѣйшій графъ, будьте моею подпорою! Я никого болѣе не имѣю и имѣть не забочусь» [1]).

Вскорѣ послѣ январьскаго собранія 1813 года Каразинъ, «избравъ комиссіонеромъ общества помѣщика полтавск. губерніи, зѣньковск. повѣта, г. войскового товарища Жадька, отправилъ съ нимъ въ армію образцы питательной вытяжки, алкоголя и другихъ подобныхъ припасовъ, которые бы могли съ выгодою быть доставлены на самыя отдаленныя разстоянія» [2]). Въ то время, время военныхъ дѣйствій русскихъ войскъ за границей, предложеніе Каразина, кажется, было очень своевременно. «Сколько поставки натурою тягостны, доказываетъ сдѣланное вычисленіе, что четверть сухарей въ декабрѣ 1812 и январѣ 1813 гг. изъ нѣкоторыхъ губерній обошлись *до Вильны* въ двѣсти рублей» [3]). Безчисленныя затрудненія, представившіяся Жадьку, лишь въ апрѣлѣ дали ему возможность предложить на усмотрѣніе главнокомандующаго кн. Кутузова проектъ Каразина. Кутузовъ какъ будто съ сочувствіемъ отнесся къ дѣлу, но «примѣтя, что силы его вмѣстѣ съ жизнью погасаютъ», отправилъ Жадька къ начальнику генеральнаго штаба. Судя по расположеннымъ письмамъ, генералъ П. П. Коновницынъ [4]) и даже графъ А. А. Аракчеевъ тоже сочувственно приняли предложеніе Каразина. «Но... по необъяснимому стеченію обстоятельствъ, которое я долженъ приписать единственно несчастію г. Жадька, онъ, въ продолженіе шестинедѣльнаго труднаго слѣдованія за арміею по Саксоніи, не получилъ отъ начальника генеральнаго штаба никакого отвѣта и напослѣдокъ... привезъ мнѣ обратно записку о предметѣ его по-

---

1) «Сборникъ канцеляріи 1-го отдѣленія Его Величества» вып. I, Спб. 1878 т., стр. 438—440.

2) Копія съ отчета 1813 г. филот. общества. Сборникъ ист. матер. вып. I, 1876, Спб., стр. 446.

3) Тамъ же.

4) «Сѣверная Пчела» 1860 г., № 92.

сылки [1])... Отпущенные же съ нимъ образцы раскуплены были господами армейскими офицерами и однимъ англичаниномъ изъ свиты посланника, которые всѣ, по увѣренію его, были ими очень довольны, а послѣдній сообщилъ еще г. Жадьку счастливую мысль, что подобные сгущенные припасы могутъ быть съ выгодою доставляемы въ самую Англію». Поѣздка г. Жадька обошлась обществу или, вѣрнѣе, Каразину свыше тысячи рублей. Но Вас. Наз. не оставилъ своего проекта. Слова англичанина обратили на себя его вниманіе. Онъ задумалъ сбывать питательные концентраты въ Англію. Съ этою цѣлью Вас. Наз. обратился за справками къ англійской торговой конторѣ въ Москвѣ Томсона и Рованда «и когда ею ободренъ былъ, то писалъ къ главному консулу великобританской торговли, пребывающему въ С.-Петербургѣ, г. Даніилу Байлею», который отвѣчалъ подробнымъ письмомъ. Домъ Томсона и Рованда обѣщалъ Каразину кредитъ и даже всѣ хлопоты по сбыту товаровъ фил. общества, удовлетворяясь ничтожнымъ процентомъ. Но «важнѣйшимъ предметомъ», которому посвящено было все послѣднее время пребыванія въ Москвѣ» Каразина въ 1813 году были хлопоты по учрежденію здѣсь конторы филот. общества. Значеніе собственной конторы въ столицѣ было очень велико. Этимъ уничтожалась возможность эксплоатаціи труда и произведеній южныхъ губерній. Барышники и скупщики намѣренно поддерживали низкія цѣны товарамъ на мѣстѣ ихъ происхожденія, а сами, скупая ихъ по дешевкѣ, въ три-дорога продавали въ Москвѣ. «Низкія цѣны, поддерживаемыя разными хитростями въ полуденномъ краѣ имперіи, не даютъ возникнуть тамъ прямому трудолюбію и духу предпріятій въ домоводствѣ». «Мы принуждены сбывать произведенія наши, точно въ томъ видѣ, какъ природа намъ ихъ даетъ, и изобилуя всѣми веществами для фабрикъ, мы почти всѣ свои потребности удовлетворяемъ издали, платя за извозы внутрь Россіи и обратно, уплачивая бѣдными деньгами нашими барыши десяти перекупщиковъ, черезъ руки которыхъ проходятъ прежде *сырыя* наши произведенія, потомъ возвращаются къ намъ *выдѣланныя*». Монополисты, скупая, напр.,

---

[1]) О неудачѣ предложенія продовольствія войскъ питательными вытяжками и «несчастіи г. Жадька» встрѣчаемъ позднѣе слѣдующія строки Каразина: «Никогда я не прощу знакомцу моему, князю В., презрѣнія, которое онъ показалъ къ оффиціальному предложенію филотехническаго общества. Давно бы уже важная задача сія была рѣшена», писалъ Каразинъ. 9-го апрѣля 1814 года вновь выдвигая вопросъ о продовольствіи войска (къ Аракчееву «Сборн. ист. матеріаловъ» вып. I, стр. 463).

пшеницу по 6—8 руб. четверть, продавали по 30—32 руб. Съ утвежденіемъ конторы можно было бы «изъ первыхъ рукъ получать и отправлять все потребное для фабрикъ, для опытовъ въ домоводствѣ и ученыхъ упражненій, искусственныя орудія и даже мастеровъ съ полнымъ удостовѣреніемъ о ихъ годности». Таковы поводы хлопотъ объ учрежденіи въ Москвѣ конторы общества, мысли весьма справедливой. Но дѣло это затянулось; еще въ 1815 году мы встрѣчаемъ о томъ переписку [1]). Составленіе «справочниковъ» Каразинымъ преслѣдовало ту же цѣль, что и учрежденіе конторы: препятствовать монополіи скупать задаромъ произведенія края у неосвѣдомленныхъ о рыночныхъ цѣнахъ хозяевъ [2]). Съ цѣлью заинтересовать, завлечь въ дѣло лучшія и полезныя силы, Каразинъ разсылалъ разнымъ лицамъ почетные дипломы на званіе члена филот. общества; въ 1813 году, между прочимъ, онъ послалъ дипломы г. Фелленбергу, директору Гофвильской агрономической школы, извѣстному тогда агроному и политико-эконому, а также французскому сенатору и химику Шапталю [3]).

Изъ отчета 1813 года филот. общества мы видимъ, какъ горячо дѣйствовалъ Василій Назаровичъ во имя общественныхъ интересовъ. Но какъ бы то ни было, во всѣхъ указанныхъ предпріятіяхъ ратуетъ одинъ только онъ; и ему не могло быть легко вести дѣло одному: въ письмахъ его crescendo появляются жалобы на общество: «Идеи мои,—писалъ онъ Аракчееву отъ 12 янв. 1814 года,—или презираютъ, или преслѣдуютъ гоненіями. Вообразите, сіятельнѣйшій графъ, что я нахожу безчисленныя препятствія даже въ напечатаніи отчета «филот. обществу» [4]). Въ письмѣ отъ 29 марта 1814 года Каразинъ уже проситъ помощи у Аракчеева, чтобы имѣть возможность продолжать опыты селитроваренія по своему новому способу, именно—при помощи пропусканія электрическаго тока: «Исходатайствуйте мнѣ просимое пособіе, сіятельнѣйшій графъ, или дайте его однимъ изъ вашихъ собственныхъ способовъ. И то и другое будетъ мнѣ *равно* пріятно, ибо первое удостовѣритъ меня въ милости *Государя* моего, послѣднее дастъ мнѣ способъ прославить имя ваше произведеніемъ

---

[1]) Письмо Козодавлева Каразину. 17 апр. 1815 года см. «Русская Старина» 1901 г., іюль.

[2]) Отчетъ за 1813 г. «Сборникъ истор. матеріаловъ», вып. I, стр. 441—458.

[3]) Письмо къ Аракчееву 29 марта 1814 г. «Сборникъ ис. м.» стр. 459.

[4]) «Сборн. ист. мат.». Вып. I, стр. 440.

въ дѣйствіе такого открытія, которое къ важнѣйшимъ принадлежать можетъ. Деньги въ обоихъ случаяхъ можно препроводить чрезъ посредство Слободско-Украинскаго губернатора и всѣ мои операціи подчинить его надзору, меня же строжайшему отчету въ употребленіи ихъ» [1]).

2-го февраля 1814 года, въ Москвѣ, въ присутствіи профессоровъ Московск. университета производились опыты варки пищи изъ сгущенныхъ питательныхъ продуктовъ по способу В. Н. Каразина. Какъ эксперты продуктовъ, были вызваны членомъ коммиссіи, артиллерійскимъ полковникомъ Желѣзняковымъ, два фейерверкера-артиллериста; они отвѣдали приготовленныхъ щей и разведеннаго въ водѣ алкоголя. Оказалось, что не только на полѣ дѣйствія они не ѣдали такой пищи, но и въ Москвѣ были бы рады ей. По изслѣдованіи состава питательныхъ веществъ въ сгущенномъ видѣ по отношенію къ сырымъ продуктамъ, которыхъ оказалось одинаковое количество при различномъ объемѣ, Каразину было выдано свидѣтельство въ испытаніи его продуктовъ за подписью профессоровъ и военныхъ чиновъ [2]). Съ этимъ свидѣтельствомъ Каразинъ обратился къ А. А. Аракчееву письмомъ отъ 5 апр. 1814 г. [3]). 9-го апрѣля 1814 года, еще будучи въ Москвѣ, Каразинъ снова обратился къ Аракчееву съ просьбой о пособіи правительства; для производства опытовъ, во-первыхъ, по превращенію разныхъ питательныхъ веществъ, во-вторыхъ, надъ селитровареніемъ, при помощи электрической энергіи, собранной въ атмосферѣ. «Разсудите, ваше сіятельство, какія новыя послѣдствія окажутся, если мы завладѣемъ массою электрической силы, въ атмосферѣ разсѣянной, если мы будемъ въ состояніи ею располагать по своей волѣ»!.. «Содѣйствіемъ электрической силы мы будемъ въ состояніи сдѣлать перемѣны, которыя донынѣ тщетно были исканы химиками и за невозможныя ими признаны. *Теперь же* даю я вамъ слово, сіятельнѣйшій графъ, обращать нашъ русскій медъ, равно, какъ изъ крахмалу производимую патоку въ сахаръ». Въ томъ же письмѣ, слѣдовательно, въ началѣ 1814 года Каразинъ впервые провелъ мысль «о возможности располагать *по крайней мѣрѣ на нѣкоторомъ пространствѣ* состояніемъ атмосферы, производить дождь и вёдро по своему произволу»... Предполагая недовѣріе къ своимъ совершенно новымъ и оригинальнымъ идеямъ, Каразинъ исписалъ нѣсколько страницъ, пытаясь убѣдить Аракчеева въ справедливости и исполнимости

---

1) «Сборникъ историческихъ матеріаловъ». Вып. I, стр. 459.
2) «Сборн. ист. матер.». Вып. 2, стр. 491—492.
3) Тамъ же, стр. 489.

своихъ словъ: «Когда не былъ изобрѣтенъ порохъ, кто бы повѣрилъ чудесамъ, которыя онъ производитъ? Не осмѣянъ-ли былъ бы тотъ ученый, который бы въ половинѣ XVIII-го столѣтія сталъ предсказывать, что въ концѣ онаго люди будутъ очень удобно плавать посреди облаковъ? Предѣловъ наукъ, особливо же естествовѣдѣнія, никакъ невозможно опредѣлить. Разумъ человѣческій безпрерывно подвигается впередъ, не взирая на всѣ препятствія».. «Что было бы уже доселѣ, если бы правительства хотя бы половину тѣхъ чрезвычайныхъ способовъ употребляли на усовершеніе человѣческихъ познаній, которыя онѣ истощаютъ, увы! на пріобрѣтеніе такъ называемой *славы*, на удовлетвореніе страстей, гибельныхъ роду человѣческому» [1]). Во-вторыхъ, Каразинъ настаивалъ на поддержкѣ правительства для производства войскамъ питательныхъ вытяжекъ: «Буде я изобличусь въ шарлатанствѣ, не жалѣйте меня! Предайте гнѣву моего *Государя,* презрѣнію и осмѣянію моихъ современниковъ и потомства. Издержанная сумма да взыщется съ моего имѣнія. Его, пріобрѣтенное мною до сихъ поръ имя, и трехъ сыновъ, которыхъ я воспитываю на пользу отечества, и которые въ посрамленіи своего отца необходимо будутъ участвовать, приношу я въ залогъ; но прошу, ради Бога, не отказать мнѣ въ средствахъ сдѣлать сей опытъ быть полезнымъ» [2]). Предлагалось Каразинымъ не разъ испытанное средство: залогъ своего имѣнія, разстроеннаго уже тратами по университету и разстраиваемое ради филот. общества. Но Аракчеевъ далеко не заслуживалъ тѣхъ похвалъ, которыя щедро выписывалъ ему В. Н. Каразинъ. На письма не было до сихъ поръ получено ни одного отвѣта; надъ метеорологической идеей «колдуна»—Каразина Аракчеевъ лишь посмѣялся, какъ увидимъ послѣ. Наконецъ, графъ отвѣчалъ сразу на всю корреспонденцію Каразина однимъ письмомъ отъ 15 мая: «Получивъ въ Парижѣ письма ваши со всѣми приложеніями [3]), обязываюсь принести вамъ, милостивый государь мой, искреннюю за оныя благодарность. Каждый членъ филот. общества безъ сомнѣнія отдастъ справедливость познаніямъ вашимъ и наипаче трудамъ, цѣль коихъ, будучи безкорыстна и обращена къ единой только пользѣ любезнаго отечества нашего, тѣмъ болѣе дѣлаетъ вамъ чести. Я увѣренъ, что общество не оставитъ по возвращеніи обожаемаго нашего «Монарха повергнуть милосердному вниманію его таковаго похвальнаго подвига вашего»... «Что принадлежитъ

---

[1]) «Сборникъ ист. матеріаловъ». Вып. I, стр. 462.

[2]) „Сборникъ ист. матер.“. Вып. I, стр. 463—464.

[3]) Т. е., подробными проектами, „справочниками“ отчетами ф. общ. и т. под.

до записокъ, сообщенныхъ мнѣ: о новомъ способѣ добывать селитру и о средствахъ къ уменьшенію расходовъ по продовольствію войскъ за границей, то, находя ихъ съ своей стороны заслуживающими особаго вниманія и уваженія, съ другой чрезмѣрныя нынѣ занятія его величества устройствомъ дѣлъ цѣлой Европы, я не могъ избрать лучшаго, какъ препроводить бумаги сіи къ князю Алексѣю Ивановичу Горчакову для доставленія имъ дальнѣйшаго хода по военному министерству, которому представляютъ онѣ сугубыя пользы». При письмѣ препровождались золотая и серебряная медали для храненія въ филот. обществѣ, поднесенныя имп. Александру на парижскомъ монетномъ дворѣ. Едва-ли могъ успокоительно подѣйствовать ловкій, съ соблюденіемъ вѣжливости, даже комплиментовъ, отказъ сильнаго гр. Аракчеева отъ непосредственнаго содѣйствія Каразину, который просилъ его помочь по крайней мѣрѣ «однимъ изъ собственныхъ способовъ» дѣлу. Отвѣтъ Аракчеева Василій Назаровичъ получилъ уже въ Богодуховѣ.

19-го августа 1814 года происходило собраніе филот. общества, въ которое Каразинъ представилъ полученное отъ Аракчеева письмо и медали. Самъ Вас. Наз. не присутствовалъ; онъ лишь «прислалъ отчетъ [1]) свой о дѣлахъ по 15 августа, съ разными къ нему приложеніями, на имя дѣйствит. члена Августа Станиславовича Эли, поручая ему съ полною довѣренностью заступить его, правителя дѣлъ, мѣсто, и представить все сіе къ свѣдѣнію и сужденію господъ членовъ, составляющихъ собраніе» [2]). Собраніе 19-го августа постановило въ знакъ благодарности гр. Аракчееву 1) «вспомнившему объ отдаленномъ обществѣ, которому онъ сдѣлалъ честь своимъ присоединеніемъ»; 2) какъ прекрасному хозяину, 3) «не только простому *любителю наукъ*, но дѣйствительно ученому мужу», 4) какъ «одному изъ честнѣйшихъ людей царства нашего»,—«избрать его *попечителемъ* фил. общества», полагая. что «по положенію и свойству фил. общества, оно не можетъ сдѣлать счастливѣйшаго выбора». Такъ какъ по первоначальному уставу общества званія *попечителя* въ немъ не полагалось, то въ томъ же засѣданіи положено было: «Въ седьмую статью правилъ филот. общества послѣ словъ: «нѣтъ причины имѣть ему президента; никто не будетъ носить

---

[1]) Его мы не могли разсмотрѣть; нигдѣ нѣтъ упоминанія о томъ, что отчетъ этотъ былъ напечатанъ.

[2]) Выписка изъ протокола собранія филот. общества, бывшаго въ успенскій съѣздъ въ Харьк. 19 авг. 1814 г. «Сборн. ист. мат.». В. II, стр. 446—447.

сего имени»—включить: «но въ числѣ тѣхъ изъ своихъ дѣйствительныхъ или почетныхъ членовъ, которые имѣютъ счастіе приближаться къ августѣйшей особѣ монарха, бывъ удостоены безпосредствен. доклада императорскому величеству, избираетъ оно попечителя о себѣ»... Согласно опредѣленію протокола было составлено 30-го августа того же года, за подписью предсѣдателя послѣдняго собранія фонъ-Минстера и г. Эли, замѣнявшаго 19-го числа правителя дѣлъ, отъ имени филотехническаго общества предложеніе Аракчееву принять на себя званіе *попечителя* общества и лично самому испросить у государя утвержденіе этому званію.—Намъ кажется, что отсутствіе В. Н. Каразина на собраніи 19 августа было намѣреннымъ, при чемъ опредѣленіе собранія состоялось все таки по мысли Каразина. Въ самомъ дѣлѣ, причинъ своей неявки онъ никакихъ не привелъ, а между тѣмъ заключеніе о избраніи Аракчеева являлось прямымъ *отвѣтомъ* на ребромъ поставленный *письменно* Каразинымъ вопросъ: «*какого* содержанія отвѣтъ собраніе опредѣлитъ сдѣлать его сіятельству гр. Аракчееву»... Понятно, что отвѣтъ сильному человѣку могъ быть самый пріятный и въ то же время въ немъ (отвѣтѣ) и не упоминалось бы имени Каразина; почетное званіе подносилось какъ бы всецѣло по желанію общества, гдѣ даже не присутствовалъ Каразинъ и, слѣдовательно, восхваленія Аракчеева *обществомъ* могли скорѣе быть приняты за чистую монету, скорѣе подѣйствовать на честолюбіе человѣка и тѣмъ привлечь его на сторону общества. Другое дѣло, еслибъ общество извѣстило Аракчеева о избраніи его въ почетную должность *по предложенію В. Н. Каразина*, который своими письмами могъ и безъ того надоѣсть графу. Серьезно говоря, единственное письмо, которое соблаговолилъ прислать Аракчеевъ на усиленныя отношенія Каразина, да и то не въ прямо благопріятномъ для него смыслѣ, и присылка ни на что ненужныхъ медалей съ парижскаго монетнаго двора, едва ли заслуживали оказанія особенной чести Аракчееву.

Послѣ московской поѣздки 1813—1814 года В. Н. Каразинъ съ новою энергіей принялся за работы по домоводству и къ январю 1815 года уже имѣлъ много матеріала для доклада обществу. «Сіи четыре мѣсяца (т. е., сент., октябрь, ноябрь и декабрь 1814 г.) проведены мною не совершенно безполезно»,—докладывалъ онъ 16 янв. 1815 года [1]).

---

[1]) Отчетъ „О происходивш. послѣ успенскаго съѣзда прошлаго 1814 года". „Сборникъ ист. мат.". Вып. II, стр. 451—489.

Изслѣдуя химическій составъ масляничныхъ растеній, Каразинъ нашелъ, что «съѣдомое масло растеній одно въ природѣ, какъ одинъ и тотъ же сахаръ кроется въ сокѣ индійскаго тростника, клену и свекловицы». Производя опыты надъ конопляннымъ масломъ, Василій Назаровичъ нашелъ, что тяжесть его для пищеваренія происходитъ отъ примѣси прянаго масла, съ отдѣленіемъ котораго и отдѣленіемъ красящаго вещества получается вмѣсто пахучаго, темнаго и тяжелаго коноплянаго масла, прекрасное оливковое». Подобные опыты надъ грубыми маслами привели къ тому, что Каразинъ могъ по желанію обратить масло какого-угодно маслопроизводнаго растенія въ сало, воскъ или резину, служащую основаніемъ лаковъ, съ другой стороны, сдѣлать его летучимъ, пряпымъ масломъ, и наконецъ разрѣшить въ невидимый душистый газъ» [1]). Каразинъ добывалъ масла изъ конопли и орѣховъ, но по недостатку средствъ не могъ работать въ большихъ размѣрахъ. Добываніе маслъ оказывалось очень дешевымъ, благодаря простымъ снарядамъ, изобрѣтеннымъ тогда же Василіемъ Назаровичемъ. Другой опытъ—бѣленіе сала и воска; послѣдній и теперь, кстати сказать, бѣлятъ тѣмъ же примитивнымъ способомъ, какъ и 100 лѣтъ тому назадъ, на солнышкѣ; сальныя свѣчи бѣлились тоже «временемъ» въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Каразинъ бѣлилъ смѣсь изъ трехъ частей говяжьяго и одной бараньяго сала при помощи *хлорины* (или, по опред. Гуммори Деви, соляной оксигенированной кислоты). Въ теченіе одного часа сало дѣлалось бѣлымъ, уплотнялось и при сгораніи свѣчъ не давало запаха и копоти. Той же цѣли достигалъ Каразинъ, прибавляя въ кипящее сало поваренную соль Чистое сало отдѣлялось, а соль съ жировыми частицами и прибавленіемъ щолока служило для выработки мыла. Бѣлилъ Каразинъ сало и въ проточной водѣ. Хлориной бѣлился и воскъ, при чемъ въ этомъ случаѣ онъ смѣшивался съ нѣкоторой долей сала, бѣленье происходило въ $^1/_4$ часа и свѣчи получались превосходныя.—Для сжиганія угля Каразинъ устроилъ особыя печи, идею которыхъ развилъ позднѣе въ статьѣ «Сженіе угля съ ращетомъ». Преимущества печи тѣ, что, во-первыхъ, для сжиганія одинаковаго количества угля въ печи и кучахъ по новому способу выходило мало топлива и можно было употреблять солому, во-вторыхъ, одновременно получалось 10—15 ведеръ древеснаго уксуса въ очищен. видѣ на каждую куб. саж. дровъ. Уксусъ очищался при помощи толченаго угля и сѣрной кислоты. Опыты выкуриванія браги посредствомъ теплоты водяныхъ паровъ оказались настолько удачными, что даже помѣщикъ Рахма-

---

[1]) „Сборникъ ист. матер.“ Вып. II, стр. 454—456.

новъ устроилъ себѣ подобный заводъ въ большихъ размѣрахъ. Зимою же въ Кручикѣ Каразинъ поставилъ огромный селитроваръ въ 1,400 ведеръ вмѣстимости. Работать этотъ селитроваръ долженъ былъ съ ближайшей весны. Обжигая въ своихъ спеціальныхъ печахъ уголь и очищая полученный отъ этой операціи уксусъ, Каразинъ при помощи холодильныхъ отводныхъ трубокъ получилъ совершенно новое вещество (впослѣдствіи имъ названное пирогонопомъ)—*коптильную жидкость*. Это вещество оказалось существеннымъ элементомъ для обыкн. копченія мяса. Каразинъ построилъ особую коптильню, въ которой въ теченіе нѣсколькихъ часовъ прекрасно прокоптились повѣшенные куски мяса парами найденной жидкости. «Вкусъ симъ образомъ выкопченныхъ мясъ не только одинаковъ съ копчеными въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль въ дыму, но еще и пріятнѣе».—Устроена была въ Кручикѣ спеціальная печь для отопленія зданій. Это изобрѣтеніе Каразина развито имъ впослѣдствіи въ идею парового отопленія. Особенность печей была та, что строились они подъ фундаментомъ зданія въ землѣ и дымовыя трубы шли спирально подъ полами и оканчивались трубой, проведенной черезъ стѣну на воздухъ. Такъ какъ, пройдя длинный путь по спиральной трубѣ, дымъ сильно охлаждался, то въ помощь ему для выхода наружу, къ вертикальной дымовой трубѣ пристраивался извнутри зданія «каминъ» и *тягой воздуха* уносился холодный дымъ. Экономія топлива была громадна.—Этими же земляными печами Каразинъ осенью пользовался при устройствѣ клуни, которая одновременно представляла и овинъ, превосходя послѣдній въ томъ отношеніи, что снопы не пропитывались дымомъ, какъ въ овинѣ «и солома могла идти на кормъ скоту. Вмѣстѣ съ И. Ѳ. Алферовымъ (членомъ филот. общества) Каразинъ дѣлалъ опыты надъ приготовленіемъ водоупорнаго цемента, обыкновенно привозимаго изъ-за границы подъ именемъ «Неапольской пуццоланы» или голландскаго трасса. Опыты увѣнчались важнымъ результатомъ; смѣсь «1 части негашеной извести и 2-хъ выщелоченной древесной золы» дали прекрасный цементъ, цѣпкій, нерастворимый и затвердѣвающій въ водѣ, а кирпичи, пропитанные водянымъ растворомъ тѣхъ же составныхъ частей, получали одинаковую прочность въ водѣ.—Какъ ни много и разнообразно работалъ Вас. Наз. въ теченіе послѣднихъ 4-хъ мѣсяцевъ 1814 года, но оказывается, что изложенное нами лишь половина того, что было имъ сдѣлано. Докладъ о своихъ занятіяхъ Вас. Наз. раздѣлилъ на двѣ части, изъ которыхъ лишь первая дошла до насъ.

Въ собраніи филотехн. общества 16 января 1815 г., которое состояло изъ 15 душъ (всего членовъ было къ этому времени

103), Каразинъ докладывалъ первую половину отчета своей дѣятельности, «которая была выслушана съ удовольствіемъ. Равно съ удовольствіемъ были разсматриваемы и испытываемы представленные въ доказательство образцы» [1]). Протоколомъ собранія было рѣшено по предложенію Каразина [2]) напечатать отчетъ «въ журналѣ почтеннаго корреспондента общества Вас. Андр. Левшина», такъ какъ отчетъ чрезъ печатаніе, а самые продукты чрезъ появленіе въ торговлю или въ производство будутъ извѣстны публикѣ, и ей одной представляется отдать трудамъ (В. Н. Каразина) справедливость»,—формулировало общество свое рѣшеніе. Послѣдняя фраза можетъ обратить на себя вниманіе; почему представляется оцѣнка дѣятельности Каразина не обществу и почему оно, по обыкновенію, не благодарило за труды своего правителя дѣлъ? Дѣло въ томъ, что расходы на многочисленные опыты Каразина уже превысили сумму, собранную на акціяхъ [3]) (всего къ 1815 г. продано 103 акціи) [4]). Нѣкоторые члены выразили по этому поводу неудовольствіе на Каразина, который обнадеживалъ (§ 14 правилъ общества) членовъ на большіе барыши отъ образцовыхъ заведеній, тогда какъ не только никакихъ выгодъ, но и основного капитала уже не было. Читая первую часть своего отчета, Каразинъ коснулся этого факта, зная, вѣроятно, о неудовольствіи и предупредительно оправдываясь тѣмъ, что смыслъ общества, главное его назначеніе—не обогащеніе членовъ, а совмѣстная на почвѣ науки работа ихъ, для раскрытія природныхъ богатствъ края, при чемъ тѣ лишь, которые воспользовались бы домоводственными изобрѣтеніями въ большихъ размѣрахъ и приложили свой трудъ, могутъ дѣйствительно разсчитывать на барыши. Намекая на виновность самихъ членовъ фил. общества, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, ограничивавшихъ свое участіе въ немъ взносомъ денегъ за акціи и полученіемъ %-овъ [5]), Каразинъ объяснялъ невыгодность своихъ дѣйствій: «ни одинъ домоводецъ еще не обогатился, занимаясь многими предметами. Частыя мои отсутствія извѣстны моимъ почтеннымъ сочленамъ. Они знаютъ также, что не исканіе забавъ

---

[1]) „Протоколъ собранія филот. общ.“ 1814 г. 16 авг. Харьк. („Сборникъ ист. мат. вып. II, стр. 450).

[2]) Тамъ же, стр. 470.

[3]) „Сборникъ ист. матер.“ Вып. II, стр. 463.

[4]) Тамъ же, стр. 471.

[5]) Въ то время, какъ членовъ было около сотни, 19 авг. 1814 г. въ собраніи присутствовало 29 человѣкъ, въ слѣдующемъ 16 янв. 1815 г.—15 чел., 19 янв.—20 человѣкъ и 16 янв. 1817 г.—12 душъ и т. п.

меня удаляло отъ мѣста моего рожденія и жительства, къ которымъ я душою привязанъ» [1]). 19 августа т. г. Каразинъ читалъ вторую половину своего отчета; 20-го августа 1814 года было положено протоколомъ собранія не позволять сноситься правителю дѣлъ «съ высшимъ начальствомъ» безъ доклада о томъ обществу. Это постановленіе связало на нѣкоторое время руки Каразину. Именно: князь Ал. Ив. Горчаковъ, которому Аракчеевъ передалъ проектъ Василія Назаровича о продовольствіи войскъ и производствѣ селитры, обратилъ на нихъ должное вниманіе; онъ поручилъ предварительно разсмотрѣть проекты военному ученому комитету и письменно потребовалъ у Каразина образчиковъ питательныхъ вытяжекъ. Благодаря указанному распоряженію общества, Вас. Наз., получивъ письмо Горчакова отъ 4 августа 1814 г. (стр. 489), не могъ отвѣчать на него съ сентября 1814 по 19 янв. 1815 года, т. е. до собранія общества, когда и поднялъ вопросъ о пересмотрѣ заключенія общества 20 авг. 1814 г. Изъ отчета этого собранія видно, что правителю дѣлъ Каразину было разрѣшено сноситься съ кѣмъ угодно и какъ угодно по дѣламъ филотехн. общества, но при томъ «такимъ образомъ, что тѣ только отношенія къ высшему начальству воспрещаются правителю дѣлъ, въ промежуткахъ съѣздовъ общества, которыя *могутъ подвергать цѣлое общество какой-либо отвѣтственности*». Изъ того же протокола видно, что собраніе довѣрило на основаніи цитированныхъ строкъ заключенія вести Каразину сношенія съ Горчаковымъ и что «приняло предложеніе правителя дѣлъ о московской конторѣ филотехническаго общества съ признательностью».

Въ исполненіе довѣренности—ввести въ употребленіе питательные экстракты—Каразинъ отправился въ Петербургъ; представился военному министру, любезно его принявшему, и передалъ ему образцы вытяжекъ [2]). Хлопоталъ предъ Аракчеевымъ (письмомъ отъ 5 апрѣля) о ходатайствѣ предъ морскимъ министерствомъ для введенія въ продовольствіе флота тѣхъ же препаратовъ. 8-го мая Горчаковъ послалъ предсѣдателю назначеннаго имъ еще въ прошломъ году комитета разсмотрѣть препараты, доставленные Каразинымъ. Съ 28 мая 1815 г. въ Петербургѣ было назначено изслѣдованіе препаратовъ, представленныхъ Каразинымъ, комиссіей Горчакова [3]). Комиссія состояла изъ представителей военныхъ чиновъ, докторовъ и ученыхъ. Комиссія въ от-

---

[1]) Сборн. ист. мат., стр. 465.

[2]) Письма къ Аракчееву 5 апр. 1815 г. „Сбор. ис. м.“ вып. II, стр. 489—490.

[3]) „Сынъ Отечества“ 1815 г., № XXXII, стр. 221.

четѣ о своихъ дѣйствіяхъ заявила, что сухари, изготовленные на аппаратахъ Каразина, предпочтительнѣе сухого бульона, служившаго тогда продовольствіемъ войскъ, здоровѣе, вкуснѣе, сытнѣе и безвреднѣе какъ для сухопутныхъ армій, такъ и для флота: что доставка приготовленныхъ по способу Каразина продуктовъ гораздо дешевле и удобнѣе. Свой отчетъ Горчакову комиссія заключала словами: «комитетъ почитаетъ предложеніе филотехн. общества облегчить продовольствіе заграничныхъ армій и флота основательнымъ» [1]). Рѣшеніе комитета состоялось 3 іюля, послѣ котораго вскорѣ Каразинъ оставилъ Петербургъ. Благодаря отъѣзду его, какъ доносилъ комитетъ [2]), не могли быть разсмотрѣны проекты Каразина о селитровареніи при помощи электричества и собиранія электрической энергіи. Въ отвѣтъ на донесеніе комитета князь Горчаковъ оффиціальнымъ письмомъ отъ 20 авг. 1815 г. за № 5483 благодарилъ Каразина и все филотехническое общество за труды на благо отечества [3]), но уклонился отъ заботъ по введенію предлагаемой пищи солдатамъ, оговорившись только, что «военное министерство не оставитъ пользоваться предлагаемыми способами при учрежденіи продовольствія сухопутной арміи *въ случаяхъ того требующихъ*» и что удобнѣе примѣнить продукты, выработанные Каразинымъ, во флотѣ, а не въ инфантеріи [4]) Василій Назаровичъ обратился опять къ А. А. Аракчееву письмомъ отъ 14 іюня 1817 года съ тождественной просьбой о примѣненіи своихъ изобрѣтеній и съ приложеніемъ отчета комиссіи, назначенной Горчаковымъ [5]). Хлопоты Вас. Наз. оказались безуспѣшными, его идея не была примѣнена на дѣлѣ въ это время, и только въ 1829 году московскій главнокомандующій Дм. Голицынъ извѣстилъ его, что въ Москвѣ въ видѣ опыта приготовляютъ капусту для войскъ по предложенному еще въ 1814 г. способу [6]). Каразинъ представилъ обществу отчетъ о своихъ хлопотахъ и оставилъ на время дѣло.

21 августа 1816 года Василій Назаровичъ представилъ въ засѣданіи фил. общества отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ за первые 7 мѣсяцевъ этого года. Отчетъ этотъ напечатанъ неизвѣстно гдѣ,

---

[1]) „Сынъ Отеч." 1815 г. XXXII, стр. 236—237.
[2]) Тамъ же, стр. 239—240.
[3]) „Сѣв. Пчела" 1860 г. № 92; письмо 19.
[4]) „Сѣв. Пчела" 1860 г., № 92, письмо 19. Однимъ словомъ Горчаковъ повторилъ пріемъ Аракчеева.
[5]) Сборн. ист. мат. Вып. II, стр. 492.
[6]) „Сѣв. Пчела" 1860 г. № 92, письмо отъ 9 мая 1829 (письмо 24).

но по протоколу засѣданія, составленному Каразинымъ и напечатанному въ «Укр. Вѣст.» [1]), можно заключить, что Вас. Наз. между прочимъ представилъ собранію уставъ своихъ сельскихъ учрежденій, дѣйствовавшихъ съ 1793 г.; собраніе постановило: «поручить правителю дѣлъ, чтобы онъ къ предстоящему теперь собранію Слоб.-Укр. дворянства обработалъ сочиненіе, въ которомъ были бы изложены не только основанія сельскаго учрежденія, но и сравненіе онаго съ другими извѣстными подобными ему, сообразивъ всѣ свои разсужденія о оныхъ съ древними и новѣйшими государ. законами, дабы таковое сочиненіе достойно было отъ имени филот. общества показаться въ большой публикѣ». Въ томъ же собраніи и слѣдующемъ 23 августа Каразинъ предлагалъ по обыкновенію тѣ или другія мѣры, соотвѣтствующія назначенію общества, которое давало на все согласіе [2]). Во исполненіе постановленія собранія В. Н. Каразинъ къ декабрю 1816 года составилъ «Защищеніе противу иностранцевъ существующей въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ», «которое въ концѣ 1816 года поднесено слободско-украинскому дворянскому собранію» [3]). Здѣсь изложеніе учрежденій предваряется и оканчивается рядомъ политическихъ воззрѣній автора. Въ 1818 г. въ «Укр. Вѣстникѣ» былъ напечатанъ Каразинымъ и «Временный уставъ сельца Анашкина съ деревнями», «уставъ для крестьянъ оброчныхъ» въ отличіе предъидущаго, кручанскаго «для поселянъ разнаго званія».

Въ то время какъ Каразинъ работалъ и хлопоталъ о филотехн. обществѣ, собранія его поражали своей малочисленностью. Въ августѣ 1816 года присутствовало на собраніяхъ лишь 16 человѣкъ; въ январѣ 1817 года было только одно засѣданіе (вмѣсто обычныхъ двухъ); предметы занятій собранія 16 янв., какъ видно изъ протокола собранія [4]), удивляютъ безучастнымъ отношеніемъ къ дѣлу: все свелось къ изъявленію благодарности Каразину, утвержденію однихъ и выбору другихъ почетными членами и по-

[1]) „Украинскій Вѣстникъ“ 1816 г. декабрь, 352—356, отд. V, Харьк. записк. „филот. общества“.

[2]) Изданіе книги англичан. Dikson'a, порученія корреспондентамъ общества Зиновьеву и Ламберти, благодарность имъ, выборъ полезныхъ дѣлу людей почетными членами. См. протоколы собраній 21 и 23 авг., „Укр. Вѣст. 1816 г. дек.. отд. V, стр. 352—358.

[3]) „Вѣст. Европы“ 1817 г. XCI, № 2, стр. 104 примѣч.; „Укр. В.“ на 1817 г. ч. 5, книга I, стр. 124; въ рукописи это сочиненіе существовало, повидимому, еще съ 1810 года.

[4]) „Укр. Вѣстникъ“ 1817 г. янв. 122—127 стр.

рученію правителю дѣлъ изслѣдовать цѣлебныя свойства травы, предложенной Н. В. Лосевымъ, предсѣдателемъ собранія.

Присутствовало 13 душъ, а протоколъ 16 янв. заключался опредѣленіемъ *«по ограниченному числу членовъ закрыть засѣданія»* крещенскаго съѣзда.

«Изъ отчета за первые восемь мѣсяцевъ 1817 года» видно, что въ теченіе этого времени Вас. Наз. изслѣдовалъ траву, вопросъ о которой былъ поднятъ въ январѣ. Наблюденія привели къ тому, что Вас. Наз. точно опредѣлилъ два вида травы, чудесно дѣйствовавшей на больныхъ водобоязнью (отъ укуса бѣшеныхъ животныхъ); это—serratula tinctoria (серпуха) и alisma plantago (водяной шильникъ). Одновременно Каразинъ «продолжалъ заниматься изслѣдованіемъ гусеницъ, обнажившихъ лѣса въ прошедшемъ (1816) году». Онъ «воспитывалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ комнатѣ, отъ самаго зарожденія ихъ изъ яицъ до превращенія въ мотыли и положенія сими послѣдними новыхъ яицъ». Результатомъ наблюденій Каразинъ убѣдился, «что есть возможность произвести изъ соединенія мотылей сего рода т. е. ливрейныхъ (bombix neustria) и разноперыхъ (b. dispar) съ шелковичными (b. mori) въ разныхъ полахъ, новую породу шелковыхъ червей, которые болѣе свойственны нашему климату и вѣроятно не потребуютъ иной пищи, какъ только листья природныхъ нашихъ деревьевъ» [1]). Третьимъ занятіемъ въ это время Василія Назаровича были опыты унавоживанія полей и выводы производительности съ неунавоженными. Въ результатѣ оказалось, что унавоженная земля дала 3 копны и 7 сноповъ, а неунавоженная—2 копны съ десятины той же земли; снопъ съ первой вѣсилъ 8 фунтовъ, а со второй 6, 5; умолотъ съ десятины—четверть и 4 гарнца, и 4 четверика 6 гарнцевъ. Соломы съ унавож. десятины получилось на 8 пудовъ 21 фунтъ больше.

Занимался Каразинъ опытами винокуренія, вѣрнѣе выкуриванія чистаго спирта посредствомъ перегонки простѣйшимъ и *быстрѣйшимъ* способомъ. Опыты онъ производилъ съ профессорами Харьковскаго университета въ университетскихъ лабораторіяхъ.

По обыкновенію Вас. Наз. намѣревался представить отчетъ въ своихъ занятіяхъ обществу, но въ 1817 году августовскихъ засѣданій не было. Вотъ какъ Каразинъ объяснялъ это обстоятельство, печатая отчетъ: «*недостаточное* число гг. съѣхавшихся членовъ и участвованіе почти всѣхъ ихъ въ общемъ дво-

---

[1]) „Украин. Вѣстн.“ 1817 г. ч. 8, октябрь, стр. 77—78.

рянскомъ дѣлѣ по поводу предложенія почтеннѣйшаго патріота Николая Семеновича Мордвинова о губернскихъ банкахъ, заставили отложить собраніе наше до съѣзда дворянства къ высочайшему прибытію государя императора въ Харьковъ. Какъ и сей разъ, по причинѣ кратковременнаго пребыванія его величества въ нашемъ городѣ, не могло быть случая къ собранію фил. общества» [1]).

Въ это время новое предпріятіе увлекло В. Н. Каразина и занимало его въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ—предпріятіе, обратившее на себя вниманіе государя.—Въ сентябрѣ 1817 года имп. Александръ I проѣзжалъ черезъ Харьковъ [2]). Здѣсь имп. Александръ подробно осматривалъ университетъ, который былъ такъ тѣсно связанъ съ именемъ В. Н. Каразина. Но осмотръ университета былъ далеко не въ пользу его основателя. «Данилевскій посвящаетъ этому осмотру слѣдующія строки: «Библіотека была малочисленна, а собранія инструментовъ и машинъ не полны; для пріумноженія оныхъ требовались еще большія издержки; студенты похожи были на школьниковъ, между профессорами не находилось ни одного человѣка, который бы снискалъ имя въ ученомъ свѣтѣ. Государь пожималъ плечами, и я читалъ на лицѣ его, что онъ былъ недоволенъ. Къ тому же попечитель университета Карнѣевъ началъ по одиночкѣ представлять его величеству студентовъ, выкликая каждаго по имени, причемъ они выходя изъ толпы, дѣлали государю смѣшные и неловкіе поклоны. Императоръ, увидя меня стоявшаго поодаль, подошелъ ко мнѣ и спросилъ по-французски «Que pensez-vous de l'université?»—«Il faut avouer», отвѣчалъ я, «qu'elle est encore bien arrierée»—«Je suis de votre avis», сказалъ государь» [3]). Карнѣевъ представлялъ Каразина «вмѣстѣ съ прочими чиновниками государю, какъ онъ (Каразинъ) былъ почетный членъ университета; государь только кивнулъ головою, какъ и всѣмъ, ничего не сказавши ему. Потомъ губернскій предводитель также представлялъ его вмѣстѣ съ назначенными дворянами; государь также кивнулъ ему головою. Въ это время Каразинъ отважился поднести ему отчетъ филотехническаго общества, котораго онъ

[1]) „Укр. Вѣст." 1817 г., октябрь, стр. 75—76, примѣчаніе.

[2]) Государь осматривалъ съ 1816 г. по конецъ 1818 г. войска, расположенныя по западнымъ и южнымъ городамъ Россіи: „25 августа государь выѣхалъ изъ Царскаго Села въ Витебскъ и Могилевъ для осмотра войскъ первой арміи", къ которой принадлежали войска Харьк. гарнизона. (Шильдеръ, т 4, „Имп. Ал. I", стр. 71).

[3]) Шильдеръ „Имп. Алекс. I", т. IV, стр. 76.

былъ учредителемъ; государь принявъ отъ него, положилъ на столъ, не сказавъ ему ни слова» [1]). «Это,—объясняетъ описанный фактъ Данилевскій,—государю было весьма непріятно, ибо его величество не любилъ, чтобы ему лично представляли бумаги, которыя надлежали идти законнымъ порядкомъ, принятымъ во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ» [2]) «Напослѣдокъ, когда дворяне вышли изъ дома, онъ (Каразинъ) остановился близь крыльца и, по выходѣ государя, велѣлъ народу кричать: ура! и самъ закричалъ. Кн. Волконскій указалъ его государю, который только улыбнулся» [3]). Итакъ В. Н. Каразинъ воспользовался случаемъ поднести государю списокъ членовъ *Высочайше* утвержденнаго общества и записку о своихъ изобрѣтеніяхъ подъ заглавіемъ: «О учрежденіи и успѣхахъ филотехническаго общества». Записка была составлена въ самомъ конспективномъ видѣ, безъ привычныхъ восклицаній, длинныхъ разсужденій Каразина, какъ будто онъ боялся навлечь на себя гнѣвъ государя за новую смѣлость обращенія къ нему. Государь просмотрѣлъ поданный рапортъ и заинтересовался намекомъ на снарядъ, означенный подъ буквой С. Здѣсь говорилось о какомъ то снарядѣ, при помощи котораго можно было пользоваться электричествомъ, распространеннымъ въ атмосферѣ, примѣняя его къ потребностямъ человѣка. «Сіе важное изобрѣтеніе,—прибавлялъ Каразинъ,—не могло иначе произведено быть въ дѣйство, какъ только въ маломъ видѣ за недостаткомъ способовъ. Оно достойно нашего вѣка и нынѣшней славы Россіи. Жалѣть буду, какъ патріотъ, если кто въ чужихъ краяхъ впадетъ на сію самую идею» [4]) „Государь Императоръ, желая подробнѣе узнать смыслъ

[1]) Изъ воспом. Ярославскаго о В. Н. Каразинѣ. Харьковск. Сборникъ за 1887 г., стр. 69.

[2]) „Высказывая подобное мнѣніе,—прибавляетъ Шильдеръ,—Данилевскій однако упустилъ изъ виду, что вопросъ столь важнаго государственнаго значенія, какимъ являлось учрежденіе военныхъ поселеній, миновалъ законный порядокъ, установленный, какъ онъ пишетъ, во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ, тогда какъ незыблемость его громко призывалась въ помощь при появленіи на сцену непрошенныхъ проектовъ Каразина или тому подобныхъ произведеній“ (Шильдеръ. „Имп. Алекс. I“, т. IV, стр. 76).

[3]) Изъ воспоминаній Ярославскаго о В. Н. Каразинѣ. „Харьк. Сборникъ“ за 1887 г., стр 69.

[4]) „Сборникъ историческихъ матеріаловъ“ вып. II, стр. 504—507. По поводу подачи Каразинымъ государю новаго проэкта, митроп. Евгеній, расположенный къ Вас. Наз., писалъ Анастасевичу: «Затѣйливый В. Н. Каразинъ не унимается отъ парадоксическихъ прожек-

статьи сей и яснѣйшее объясненіе по оной,— писалъ отъ 15 октяб. 1817 г. Аракчеевъ губернатору Муратову,—указать соизволилъ отнестись къ вашему превосходительству партикулярно (какъ родственнику Каразина) съ просьбой о доставленіи мнѣ на упомянутую статью истолкованія, котораго ежели бы не могли сами собою вы сдѣлать, то конечно позаимствуетесь для себя нужными свѣдѣніями отъ Каразина» [1]). Какъ требовалъ Аракчеевъ, частнымъ образомъ Муратовъ разузналъ о планахъ Василія Назаровича; оказалось, что «мысли о возможности приложить электрическую силу верхнихъ слоевъ атмосферы къ потребностямъ человѣка» были развитіемъ идеи объ электрической силѣ, возникшія у Вас. Наз. еще въ 1809 году при пропусканіи электрическихъ искръ въ обработкѣ селитры; въ 1810 г. Каразинъ въ московскомъ обществѣ естествоиспытателей, членомъ котораго онъ былъ, предлагалъ воспользоваться той же силой для измѣненія по желанію погоды, указывая на необходимость для этого заняться матеорологіей какъ наукой. Дальнѣйшую разработку предмета Каразинъ представлялъ членамъ филотехническаго общества и государю [2]). Каразинъ предлагалъ установить по всей необъятной Россіи правильныя наблюденія за погодой, чтобы установить періодическія ея измѣненія; для этого онъ думалъ учредить «государственный метеорологическій комитетъ», подъ вѣдомствомъ котораго были бы всѣ школьные учителя. Такъ доносилъ В. Муратовъ запиской отъ 10 ноября 1817 года статсъ-секретарю Вас. Ром. Марченко, который 4 янв. 1818 г. докладывалъ о томъ государю. Послѣдній еще больше заинтересовался проектами Каразина и велѣлъ потребовать объясненія плановъ непосредственно отъ автора. Извѣщенный о томъ В. Н. Каразинъ отправился въ Москву и написалъ подробную записку о надеждахъ своихъ на результаты развитія науки объ электричествѣ. Онъ предсказалъ въ этой замѣткѣ возможность указывать впередъ погоду, примѣненіе электричества въ химическомъ разложеніи тѣлъ, элекрическіе двигатели, прогрессъ земледѣлія отъ сообщенія посѣвамъ сконцентрированнаго электричества. Для послѣдней цѣли онъ

товъ. Но когда нибудь за нихъ онъ и пострадаетъ, или счастье, если только заставятъ молчать. Онъ хочетъ воскресить вниманіе къ себѣ двора, но поступаетъ, какъ говоритъ Буало, retablit sa gloire à force d'infamie". „Русс. Ар." 1889 г., т. II, стр. 63.

[1]) „Сборникъ историческихъ матеріаловъ", вып. 5, стр. 308—309.

[2]) „Русская Старина" 1871 г., 3, стр. 719; „Сборн. ист. матеріаловъ", вып. 2, стр. 508—512.

предложилъ изобрѣтенный имъ аппаратъ, представляющій огромную лейденскую банку, сосудомъ которой былъ воздушный шаръ, а конденсаторомъ—высеребренный шаръ, спускающійся на проволокахъ къ землѣ. 4-го февраля Каразинъ пріѣхалъ въ Москву и подалъ записку Марченко; тотъ просмотрѣлъ проектъ и потребовалъ отъ Вас. Наз. дополнительнаго объясненія относительно состава метеорологическаго комитета. 11 февраля Вас. Наз. отвѣтилъ, что желалъ бы видѣть въ числѣ членовъ г. Габерле (метеорологъ изъ Веймара), себя и кого-нибудь изъ профессоровъ [1]). 14-го числа того же мѣсяца Марченко представилъ записку на усмотрѣніе государя. Александръ Павловичъ прочиталъ докладъ и приказалъ отослать его кн. Ал. Ник. Голицыну—тогда министру народнаго просвѣщенія (1816—1824) для разсмотрѣнія. Бумагой отъ 15 февр. 1818 г. за № 161 Аракчеевъ препроводилъ высочайшее повелѣніе къ Голицыну [2]) съ тѣмъ, чтобы онъ «предложилъ ее разсмотрѣнію ученыхъ по своему избранію и заключеніе ихъ довелъ впослѣдствіи до свѣдѣнія его имп. величества» [3]). Дѣло пошло довольно быстро, несмотря на обширную переписку: записка отослана въ Академію Наукъ, конференція оной высказала свое мнѣніе, ученый комитетъ главнаго правленія училищъ согласился съ мнѣніемъ конференціи; послѣ было доложено министру, министръ увѣдомилъ статсъ-секретаря Марченка и препроводилъ записку о проектѣ Каразина въ комитетъ министровъ; затѣмъ еще разъ обратился съ запиской туда же, наконецъ донесъ комитету министровъ; дѣло доложено государю и кончено 4 августа 1818 года [4]). Къ несчастію разборъ проекта Каразина въ конференціи Академіи Наукъ попалъ на долю академика Николая Фусса, нѣкогда облагодѣтельствованнаго имъ, но не любившаго Василія Назаровича [5]). Фуссъ съ ироніей старается опровергнуть удобопримѣнимость и значеніе предложенія Каразина, не допуская ни для одной идеи полезнаго толкованія. Говоря, что большого количества электрической энергіи человѣчеству вовсе не нужно «неизвѣстно для какихъ то техническихъ надобностей», Фуссъ заявилъ, что нужное количество электричества, даже больше чѣмъ нужное, добывается обыкновенными лейденскими банками, что дешево стоитъ и очень удобно. 20,000 рублей,

---

[1]) „Сборникъ ист. матер.“ вып. 2, стр. 514.

[2]) „Сборникъ ист. матеріаловъ“, вып. 5, стр. 330.

[3]) „Сборникъ ист. мат.“, вып. 2, стр. 512.

[4]) „Русск. Архивъ“ 1892 г. кн. 5, стр. 84.

[5]) „Рус. Арх.“ Записка Ф. В. Каразина о жизни отца 1894 г., т. I.

которые Каразинъ разсчитывалъ необходимымъ истратить на свой воздушный приборъ для собиранія электричества, Фуссъ считалъ тратой «напрасной», а послѣдствія предпріятія „нельзя даже и сравнить» съ результатами, даваемыми такими снарядами для добыванія электричества, какъ гальваническій столбъ и электрическій «змій». (Любопытно еще то обстоятельство, что незадолго до описываемаго случая на одну сѣрную кислоту аэростата Лепниха было ассигновано 40,000 рублей. Разница проекта Каразина и Лепниха лишь та, что послѣдній обѣщалъ построить воздушный корабль, который будетъ вмѣщать въ себѣ нужное число людей и снарядовъ для взорванія всѣхъ крѣпостей или истребленія величайшихъ армій. Проектъ Лепниха возбудилъ сильнѣйшій интересъ въ то время) [1]. На предложеніе Каразина учредить метеорологическій комитетъ съ цѣлью сдѣлать метеорологію точной наукой, Фуссъ съ злорадствомъ, подчеркивая слова Василія Назаровича, съ цѣлью представить ихъ въ смѣшномъ видѣ, заявилъ, что предложеніе Каразина вовсе не новость, такъ какъ «30 лѣтъ тому назадъ въ Мангеймѣ покровительствомъ и насчетъ послѣдняго фальцкаго курфирста, учреждено было метеорологическое общество подобное предполагаемому г. Каразинымъ», что «славы» Россіи комитетъ никакой не доставитъ, слѣдовательно—что Россіи «не трудно будетъ отказаться отъ славы способствовать проекту, который совсѣмъ не есть новъ, ни неслыханъ». Отмѣтимъ пока лишь тотъ фактъ, что В. Н. Каразинъ указывалъ не на учрежденіе, какъ таковое, способное доставить Россіи славу, а на серьезные выводы повсемѣстныхъ наблюденій за погодой, могущія быть лишь въ Россіи, благодаря ея громадному пространству. Выводы эти могли бы выразиться въ опредѣленіи періодичности погоды и вліянія разныхъ естественныхъ силъ на эту періодичность. Метеорологія становилась бы, по Каразину, въ такомъ случаѣ наукой точной; но Фуссъ рѣшилъ, что «метеорологія вѣроятно никогда не достигнетъ до степени науки по слѣдующимъ причинамъ: снарядъ Каразина не можетъ доставить познанія о химическихъ дѣйствіяхъ, происходящихъ въ атмосферѣ и производящихъ перемѣны погоды. Предполагая даже, что физикъ могъ бы подняться даже съ воздушнымъ шаромъ и довольно долгое время оставаться на высотѣ, онъ не нашелъ бы ничего того, что авторъ утверждаетъ. Сей физикъ былъ бы свидѣтелемъ перемѣнъ, происходящихъ въ высшей атмосферѣ, но сіи перемѣны весьма различны отъ тѣхъ, кои происходятъ въ низкихъ слояхъ и кои производятъ погоду. Ибо облака суть

[1] «Русс. Архивъ» 1892 г., 5, стр. 89.

проводники электричества атмосфернаго, и отъ свойства облаковъ или положительнаго, или отрицательнаго электричества, большаго или меньшаго возвышенія и отъ многихъ другихъ обстоятельствъ зависитъ вліяніе, которое могутъ производить перемѣны, происходящія въ тѣхъ высотахъ». Мысль Василія Назаровича была, слѣдовально, или непонята, или извращена этимъ отвѣтомъ. Ему и въ голову не приходило, судя по его запискѣ, угадывать погоду плавая по воздуху въ воздушномъ шарѣ, пользу чего въ этомъ смыслѣ такъ настойчиво опровергалъ Фуссъ. О возможности предсказывать погоду Каразинъ говорилъ нѣсколько разъ и именно въ связи съ мыслью о учрежденіи метеорологическаго комитета. Данными повсемѣстныхъ наблюденій этого комитета и хотѣлъ воспользоваться Каразинъ для «содѣланія метеорологіи наукой точной». Замѣчательно, что самъ Фуссъ въ заключеніе своей научной рецензіи выставилъ ту самую идею, въ основномъ положеніи о назначеніи метеорологіи, которую хотѣлъ развить Каразинъ: «Великая задача въ метеорологіи, писалъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы открыть большіе и малые періоды, по прошествіи которыхъ наступаютъ тѣ же самыя перемѣны погоды, въ томъ же самомъ порядкѣ» [1]). Выходитъ, что Фуссъ не поддержалъ, можетъ быть, изъ личныхъ цѣлей, того, «важность» чего самъ сознавалъ, именно, возможности познать механизмъ атмосферныхъ измѣненій. Рѣшеніе Фусса подписали члены ученаго комитета главнаго правленія училищъ. Министръ донесъ государю о рѣшеніи академіи и ученаго комитета.—Вас. Наз. предчувствовалъ, что къ его дѣлу отнеслись не съ должнымъ вниманіемъ, и просилъ въ 1819 г. сообщить ему копіи съ его записки и послѣдовавшей о ней перепискѣ, о которой онъ оставался въ полнѣйшей неизвѣстности. Въ отвѣтъ на просьбу Каразина директоръ департамента написалъ: «Г. министръ приказалъ объявить просителю, что поелику проектъ его академіею не одобренъ, то и оставленъ безъ дальнѣйшаго употребленія; почему не признается надобнымъ выдавать съ него и съ производства по оному копій, каковыя даются только по дѣламъ тяжебнымъ. 13 апр. 1819 г.» Внизу этой надписи рукою какого-то канцелярскаго чиновника была помѣтка: «объявлено словесно господину просителю въ сентябрѣ 1819 года» [2]). «Нельзя не подивиться духу того времени»,—прибавилъ, сообщая эти свѣдѣнія, М. Семевскій.

Такова была судьба послѣдняго серьезнаго научнаго опыта Василія Назаровича въ званіи правителя дѣлъ филотехническаго

---

[1]) Тамъ же, стр. 88.

[2]) «Русская Старина» 1873 г., 7, стр. 234—235.

общества и надежды его снова выступить на широкое поле дѣятельности въ лицѣ члена новаго метеорологическаго комитета. Фуссъ подставилъ ножку своему бывшему товарищу и патрону (по свидѣтельству Ф. В. Каразина) изъ зависти, къ Вас. Наз., который, не обладая званіемъ академика, многому училъ Фусса. «Представители науки въ Россіи окончательно осудили дѣло Каразина. Они не замѣтили того, что было въ немъ оригинальнаго и плодотворнаго; а между тѣмъ оно могло бы дать благодѣтельные результаты. Повсемѣстное учрежденіе метеорологическихъ станцій при уѣздныхъ училищахъ ввело бы свѣтлую струю въ образованіе, а примѣненіе къ изученію метеорологіи эксперимента въ широкомъ значеніи измѣнило бы методъ этой науки» [1]). Планы В. Н. Каразина о примѣненіи къ жизни метеорологіи и электричества были вообще одной изъ послѣднихъ работъ его въ званіи правителя дѣлъ филотехническаго общества.

О крещенскомъ съѣздѣ филот. общества 1818 года мы свѣдѣній не имѣемъ. Къ 4 февраля 1818 г. Каразинъ, какъ видѣли, былъ въ Москвѣ, гдѣ ожидалъ рѣшенія о своемъ электро-атмосферномъ снарядѣ. Въ успенскій съѣздъ 21 августа происходило «публичное засѣданіе филотехн. общества», гдѣ въ числѣ присутствующихъ «находились земледѣльцы изъ подгородныхъ слободъ» [2]), какъ примѣтилъ съ особымъ удовольствіемъ Каразинъ. О ученыхъ занятіяхъ Василія Назаровича въ теченіе лѣта 1818 года можемъ судить лишь по слѣдующимъ его строкамъ, приложеннымъ къ напечатанной «рѣчи о истинной и ложной любви къ отечеству»: «Въ семъ собраніи (т. е. 31 авг. 1818 г.) между прочимъ были представлены болѣе двадцати родовъ разныхъ чужестранныхъ колосныхъ или хлѣбныхъ растеній, выращенныхъ правителемъ дѣлъ въ его помѣстьи изъ присланныхъ извѣстныхъ Горенковскимъ ботаникомъ г. Фишеромъ сѣмянъ» [3]). Въ собраніи Каразинъ произнесъ только что упомянутую рѣчь, въ которой, указывая на измѣненіе понятія о любви къ отечеству съ теченіемъ времени, съ прогрессомъ культуры человѣка, указывая на древнюю ненависть къ иностранцамъ, остатки которой замѣчались и въ его время, какъ на отжившую теорію, предлагалъ жить на почвѣ новыхъ болѣе разумныхъ представленій о патріотизмѣ. «Любовь къ отечеству—была у древнихъ вражда къ остальнымъ обитателямъ земного шара». «*Наша* любовь къ отечеству,

---

[1]) „Русскій Архивъ" 1892 г., стр. 89: „В. Н. Каразинъ и господство надъ природою".

[2]) „Украинскій Вѣстникъ" 1818 г. сентябрь книга IX, стр. 340.

[3]) Тамъ же, стр. 351.

въ томъ смыслѣ, какъ мы въ девятомъ на десять вѣкѣ понимать ее должны, не есть исключительная привязанность къ странѣ рожденія—къ единоплеменникамъ. Она совершенно согласуется съ любовью къ роду человѣческому,—подобно какъ привязанность члена семейства можетъ и должна быть совмѣстна съ преданностью къ обществу, котораго семейство сіе есть часть». Теорія новая, особенно для того времени. «Преданность къ обществу» выражается въ добровольныхъ и охотныхъ культурныхъ сношеніяхъ, въ обмѣнахъ мысли, производительности и богатства государства. Развивая такъ свою мысль, Вас. Наз. незамѣтно перешелъ къ перечисленію заимствованій въ области растительнаго царства изъ-заграницы Россіей, чему посвятилъ порядочный отдѣлъ (8 печатныхъ страницъ in 8⁰). Исходя въ своихъ выводахъ изъ св. Писанія, Каразинъ нерѣдко приводилъ цитаты оттуда. «Нѣкоторые изъ слушателей» сдѣлали замѣчаніе Василію Назаровичу, что онъ отклонился въ сторону отъ первоначальной темы, и «обвинили» его въ томъ, что онъ, «употребляя тексты свящ. Писанія, дѣлалъ это изъ угодническаго подражанія и соображаясь духу времени». Въ оправданіе себя Каразинъ въ P. S. къ напечатанной рѣчи заявилъ, что рѣчь имъ произнесена въ собраніи филот. общества, и притомъ собраніи, «котораго предметы были большею частью иностранныя произведенія». На обвиненіе въ угодничествѣ Каразинъ характеризовалъ очень мѣтко образъ своихъ дѣйствій. «Духъ времени нисколько на меня не дѣйствовалъ прежде, и теперь кажется не дѣйствуетъ. Легко доказать, что въ 1801, 1802 и 1811 году употреблялъ я тексты *гораздо прежде многихъ*. Ибо я люблю св. Писаніе, люблю прекрасный славянскій языкъ, на которомъ оно говоритъ столь выразительно; люблю какъ литераторъ и какъ добрый христіанинъ, которымъ я усердно быть стараюсь» [1]) ..

22-го января 1819 г. было послѣднее засѣданіе филотехническаго общества [2]), изъ отчета котораго видно, что лѣтомъ и осенью 1818 года Вас. Наз. занимался опытами культивированія разныхъ иностранныхъ житъ: китайской пшеницы, испанской, французской, египетской, мунгальской, итальянской, польской, сардинской, англійской, критской, андалузской, «девяти родовъ овса», продолжая такимъ образомъ уже начатыя занятія [3]); продолжалъ Каразинъ унаваживать пашни, какъ свои собственныя,

---

[1]) «Украинскій Вѣстникъ» 1818 г. октябрь, ч. X, стр. 52—53.

[2]) О собраніяхъ августовскихъ въ успенскую ярмарку не имѣемъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній.

[3]) См. предъидущій отчетъ филотехническому обществу.

такъ и крестьянскія; разница отъ предшествовавшихъ подобныхъ опытовъ заключалась въ оффиціально-утвержденномъ отчетѣ и сравненіи производительности унавоженныхъ кручанскихъ пашней и неунавоженныхъ—сосѣднихъ селеній; оказалось, что унавоженная земля на $^2/_3$ дала большій урожай. Сравненіе было составлено на основаніи четырехлѣтней сложности (1814 и 1818 г.г.) и закрѣплено подписью земскаго исправника А. М. Ковальчинскаго [1]). Совершенно конченъ былъ въ Кручикѣ и работалъ «Украинскій овинъ» (мы упоминали объ устройствѣ его), который стоялъ въ «Украинской клунѣ». Это осмиугольное сооруженіе съ двумя воротами, четырьмя окнами и деревяннымъ поломъ. Что касается «молотильнаго катка», китайской древней машины, на которую въ 1815 году указывалъ Каразинъ филотехн. обществу, то самъ онъ имъ не пользовался [2]). Наконецъ, въ 1818 году Вас. Наз. занимался собираніемъ и выводами статистическихъ данныхъ о рождаемости, смертности и числѣ браковъ 4-хъ селъ: Кручика, Павловки, Никитовки и Губаровки; села эти были за исключеніемъ Кручика, казенныя. Цѣлью В. Н. Каразина было доказать, что управленіе крестьянами, находящееся въ рукахъ хорошихъ помѣщиковъ, подобное управленію его самого, непосредственно, и, главнымъ образомъ, отражается на благосостояніи крестьянъ. Дѣйствительно, по составленнымъ таблицамъ, согласно показаніямъ метрическихъ и исповѣдныхъ записей упомянутыхъ селеній, на основаніи 13-лѣтняго періода (1808—1817 включительно, т. е., времени дѣйствій сельскаго учрежденія Каразина) оказалось, что во всѣхъ казенныхъ селахъ рождаемость и число браковъ меньше (число браковъ, по Каразину, показатель благосостоянія народа; см. Акты фил. общ. М. 1829), а смертность больше, чѣмъ въ Кручикѣ [3]), который къ тому же былъ одинъ только расположенъ въ болотистой мѣстности рѣки Мерла, слѣдовательно мѣстности невыгодной со стороны здоровья, при рав-

---

[1]) Прибавленіе третье къ отчету филот. общества за послѣдн. 4 мѣсяца 1818 года, стр. 29.

[2]) Филотехн. Общ. правителя дѣлъ его Каразина отчетъ за послѣдн. 4 мѣс. 1818 г. Харьковъ, 1819, стр. 15 и 16. Сравни: пр. Д. И. Багалѣй «Просв. дѣят. В. Н. К.» Записки Харьк. ун. 1893, I, стр. 19.

[3]) Именно: въ Павловкѣ, считая случай рожденія къ числу жителей какъ:

	въ Павловкѣ:	въ Губаровкѣ:	въ Никитовкѣ:	въ Кручикѣ:
рожден.	1:20,25»:	1:20,16»;	1:21,28»;	1:19,04»;
смерти	1:24,54»;	1:22, 7»;	1:23,65»;	1:36,75»;
брака	1:101,53»;	1:100,04»;	1:97,57»;	1:80,78».

ныхъ прочихъ условіяхъ, количества пашни, образа жизни и том. под., *«исключая образа управленія»*. На основаніи точныхъ цифровыхъ данныхъ Каразинъ вывелъ, что при переходѣ казенныхъ имѣній въ частно-владѣльческія «въ каждомъ милліонѣ народа можетъ сохраниться ежегодно 15,899-ю человѣками болѣе: т. е. около $^1/_{63}$ доли всего народнаго количества». Вычисленія въ имѣніи помѣщика Ѳ. М. Павлова, управляющаго крестьянами какъ добрый помѣщикъ, дали результаты аналогичные кручанскимъ. «Все дѣло только въ томъ,—заключилъ Каразинъ,—чтобъ воспитаніемъ и приличными учрежденіями образовать *добрыхъ* помѣщиковъ» [1]). Въ заключеніе собранія 22 января была произведена Каразинымъ демонстрація одного изъ его многочисленныхъ домоводственныхъ опытовъ.

Еще давно Василій Назаровичъ при помощи ходатайства Аракчеева заказалъ въ Англіи приготовить два ящика съ мясными консервами—телятиной и говядиной—и отправилъ ихъ въ кругосвѣтное путешествіе на бригѣ «Рюрикъ». Ящики «приготовлены были въ Лондонѣ 1815 года февраля 2 по нашему стилю, слѣдовательно безъ десяти только дней *за четыре года предъ симъ*, и совершили оба пути вокругъ земного шара, т. е. изъ Кронштатскаго въ Камчатскій Петро-Павловскій портъ и обратно: два раза пересѣкли экваторъ и оба тропика, прошли почти всѣ климаты—подвергаясь всѣмъ возможнымъ измѣненіямъ атмосферной температуры въ продолженіи толь значительнаго времени; и побывавъ у острововъ Канарскихъ, на берегахъ Бразиліи, въ моряхъ Китая, Японіи и Камчатки, между Азіею и Америкою—возвратились въ Европу; наконецъ изъ С.-Петербурга сухимъ путемъ, на перекладныхъ телѣгахъ, бывъ небрежно везены, достигли до Харькова и до села Кручика» [2]). Когда Каразинъ изложилъ предварительно исторію ящиковъ, они были открыты въ собраніи, «которое прежде изъ англійской жести, цилиндрической фигуры на подобіе прежнихъ пудренныхъ жестянокъ, и не только совершеннѣйше запаяны, но сверхъ того покрыты весьма плотнымъ кофейнаго цвѣта лакомъ. На меньшемъ была наклеена слѣдующая надпись по англійски: 4 lbs 15 oz 14 Feyr. 1815. Boiled Beef, from Messrs *Donkin*, Hall et Gamble, fort Place, Bermondsey and No 30 Lombard-street, London. Большій ящикъ съ телятиною чрезвычайно пострадалъ на почтѣ; но къ счастію и въ измятыхъ мѣстахъ не оказалось никакихъ скважинъ: рѣ-

---

[1]) Заключеніе. Прибавленіе къ отчету, стр. 39—40.

[2]) «Отчетъ филот. обществу за 1818 г. послѣдніе четыре мѣсяца», стр. 17—18.

шительный опытъ и торжество англійскаго мастерства надъ небрежностью русскихъ почтальоновъ!.. Признаюсь, что я сему еще болѣе удивлялся, нежели самому сораненію мяса. Когда присутствовавшіе удостовѣрились, что ящики не въ Харьковѣ пріуготовлены, но что заключенное въ нихъ дѣйствительно принадлежитъ къ мѣсту и ко времени, соотвѣтствующимъ надписямъ, то жестяникъ Торшинскій (котораго имя я потому упоминаю, что онъ это заслуживаетъ по своему отличному искусству—единственному въ здѣшнемъ краю) вскрылъ ящикъ съ говядиною. Она была выложена на блюдо и—къ общему удивленію найдена совершенно свѣжею: вареною, сытною, жирною и вкусною частью мяса, которому подобное рѣдко встрѣчается на столахъ, снабжаемыхъ отъ нашихъ мясниковъ. Всѣ присутствовавшіе, въ томъ числѣ дамы весьма разборчиваго вкуса, кушали сію четырегодовалую говядину съ удовольствіемъ. Телятина, которая между тѣмъ подогрѣта была въ кипячей водѣ, найдена также ни малѣйше неиспортившеюся, только переваренною, конечно отъ сего послѣдняго варенія» [1]).

Есть данныя [2]), что послѣднія $^3/_4$ 1819 г. Вас. Наз. жилъ въ Петербургѣ и въ этомъ году не было болѣе засѣданій общества. Навѣрное можно сказать, что съ 1820 г. собранія общества не возобновлялись, ибо *душа* его, В. Н. Каразинъ, не могъ болѣе пріѣзжать въ Харьковъ. Но почему же члены Общества, которыхъ насчитывалось больше сотни, не могли поддержать учрежденія?

Мы уже говорили, что непонимавшее Каразина общество смотрѣло на его опыты и проекты какъ на забаву, стоющую большихъ денегъ акціонерамъ и не приносившую никакой выгоды. Выгодъ Обществу, правда, не было, но дѣло въ томъ, что поддерживать, помогать предпріятіямъ Василія Назаровича, которыя лишь въ такомъ случаѣ «должны были приносить очевидный доходъ» [3]), никто и не думалъ, довольствуясь получаемыми съ акцій процентами, и спокойные благодаря обезпеченности акцій имуществомъ правителя дѣлъ. Не мудрено послѣ этого, что хозяйственныя дѣла В. Н. Каразина разстроились; на опыты по сельскому хозяйству и домоводству онъ истратилъ къ 1817 году 30,000 р., изъ которыхъ собственныхъ его денегъ было

---

[1]) «Отчетъ фил. обществу за послѣдніе 4 мѣсяца 1818 г.» стр. 18—20 примѣчаніе.

[2]) „Мысли о учрежденіи филотехническаго общества“ ч. 2, § 6. „Украинск. Стар.“ стр. 141.

[3]) „Сборникъ ист. матер.“, вып. 2, записка государю, стр. 570.

19000 р. и 11,000 денегъ акціонеровъ [1]); уплачивая проценты на акціи; Вас. Наз. еще болѣе запутывался и вскорѣ долженъ былъ разстаться съ большею частью своего имѣнія. Въ томъ, что дѣйствовалъ одинъ только Каразинъ, коренилась главная причина неуспѣха и распаденія общества. Но немногіе видѣли эту истинную причину неуспѣха дѣла. Однимъ изъ немногихъ былъ митрополитъ Евгеній. Узнавъ изъ письма В. Г. Анастасевича, что въ Петербургѣ учреждается минералогическое общество, онъ отвѣчалъ: «У васъ еще и новое общество минералогическое! Минераловъ въ Россіи больше всѣхъ земель, а минералоговъ меньше. Но я по несчастію увѣренъ, что и это общество въ Россіи не больше сдѣлаетъ, какъ и прочія. У насъ всегда одинъ членъ больше дѣлывалъ, нежели цѣлое общество. Ссылаюсь на Фишера въ Москвѣ и Каразина въ Харьковѣ» [2]).

Нѣкоторые открыто смѣялись надъ многочисленными предпріятіями Каразина, не зная ни личности, ни благородныхъ стремленій его, не давая нисколько себѣ труда подумать о исполнимости ихъ. Воейковъ осмѣялъ (1814 г.) стремленія Василія Назаровича въ строфѣ «Дома сумасшедшихъ» [3]). Украинскій поэтъ и проф. Харьк. университета Гулакъ-Артемовскій написалъ сатиру-басню «Солопій та Хивря» по поводу учрежденія Каразинымъ филотехническаго общества [4]).

---

[1]) О нихъ ниже.

[2]) „Русскій Архивъ“ 1889 г., т. II, стр. 61.

[3]) См. „Русская Старина“ 1872 г., т. 5, стр. 148—149; также Н. В. Гербель „Русскіе поэты“ отд. юмористическій. Цитируемъ:

„Вотъ въ передней – рабъ-писатель,
Каразинъ —хамелеонъ,
Земледѣлъ, законодатель...
Взглянемъ: что мараетъ онъ?
Пѣснь свободѣ, деспотизму;
Брань и лесть властямъ земнымъ,
Гимнъ хвалебный атеизму
И акафистъ всѣмъ святымъ!“

[4]) Содержаніе послѣдней вкратцѣ такое: Солопій добылъ весною гороху и совѣтовался съ женою своею Хиврею, что дѣлать съ горохомъ, продать ли его или посѣять? Порѣшили посѣять; но гдѣ посѣять, на счетъ этого разошлись во мнѣніяхъ: Хивря совѣтовала посѣять при дорогѣ, не считая важнымъ, если ребятишки и будутъ таскать понемногу, а Солопій думалъ посѣять его гдѣ-нибудь вдали отъ дороги за пашнею (намекъ на своеобразные, съ цѣлью сберечь то-

Державинъ предсказывалъ Каразину необходимость содѣйствія «мужей государственныхъ», безъ чего не могло быть успѣха дѣла филотехническаго общества; и онъ былъ правъ: инипіатива

пливо и проч., способы обрабатыванія сельскихъ продуктовъ). На первый разъ онъ однако уступилъ женѣ и, несмотря на убыль отъ ребятишекъ, все таки получилъ пять мѣшковъ гороху чистой прибыли; но на другой годъ онъ настоялъ на своемъ и посѣялъ горохъ между пшеницею и рожью. Однако, на селѣ все таки узнали, гдѣ Солопій посѣялъ горохъ, стали ходить туда черезъ пшеницу и рожь и совершенно смяли ихъ. У Солопія не стало ни гороху, ни хлѣба, и онъ пошелъ съ торбою по міру. Въ заключительныхъ стихахъ этой басни Гулакъ-Артемовскій прямо указывалъ на смѣшныя, по его мнѣнію, затѣи Каразина:

Послухайте мене, вы вси Солопіи,
Що знай мудруете и головы свои
Чортъ батька зна надъ чымъ морочыте до ката,
Якъ въ борщъ, замисць курчять, намъ класты кошенята,
Якъ груши на верби и дули вамъ ростуть [1]);
Якъ йисты *дазьбига*, та ще й гладкымы буть:
Якъ локшыну варыть для війска изъ паперу [2]),
Якъ квашу намъ робыть зъ чорныла и тетерю;
Якъ борошно молоть безъ жорнивъ языкомъ,
Якъ бджолы годувать безъ меду часныкомъ,
Якъ кохвы пыть панамъ зъ квасоли зъ бурякамы [3]);
Якъ нывы засивать безъ симья кизякамы [4]),
Якъ сино намъ перомъ косыть, якъ киньмы жать
Щобъ людямъ и снипка не дать на заробитокъ
И пташци ни зерна погодуваты дитокъ..
Заплюйте лышъ оцю, скажени вы, брехню.

[1]) Намекъ на прививки и культивированіе Каразинымъ растеній.

[2]) Идея продовольствія войскъ сухимъ бульономъ.

[3]) Идею приготовлять кофе изъ разныхъ не привозныхъ злаковъ Каразинъ развивалъ въ статьѣ «о значеніи Харькова для полуденной Россіи»; вѣроятно упомянуто о томъ же и въ одномъ изъ неизвѣстныхъ намъ отчетовъ филотехн. обществу. Въ этомъ же стихѣ осмѣивается одинъ изъ любимыхъ проектовъ Вас. Наз.—развитіе русскаго сахароваренія.

[4]) Искусственное удобреніе полей.

отдѣльнаго лица могла оказаться продуктивной только тогда, когда бы она освѣщена была ореоломъ власти, когда за свои жертвы можно было бы надѣяться на чинъ или орденъ, предъ которыми благоговѣла масса тогдашняго полуинтеллигентнаго провинціальнаго общества». Если и найдется какой-нибудь скромный любитель просвѣщенія—пишетъ Дмитріевъ—который въ удаленіи отъ происковъ посвятилъ себя наукамъ, то первое его вступленіе въ общество заставляетъ его уже сожалѣть о толь благородномъ намѣреніи, ибо въ Россіи уваженіе размѣрено по чинамъ и чины одни доставляютъ мѣсто, а слѣдовательно и власть, безъ которой мертвъ и самый геній» [1]). Этимъ то обстоятельствомъ объясняется тотъ успѣхъ, который имѣлъ на поприщѣ общественной дѣятельности Каразинъ, когда въ званіи члена главнаго правленія училищъ, человѣка хорошо извѣстнаго въ петербургскихъ сферахъ и любимаго государемъ, явился въ Харьковъ съ просьбой пожертвованія на преуспѣяніе края (вѣдь въ рѣчи 31 авг. 1802 г. Каразинъ ясно намекалъ на награды отъ государя жертвователямъ), и тотъ неуспѣхъ, который потерпѣла идея въ пользу развитія

Де треба рукы грить, тамъ треба и огню!
Та вже зъ васъ не одынъ оравъ пидъ небесамы;
А якъ на землю злизъ,—пишовъ въ старци съ торбамы»!..

Гулакъ-Артемовскій былъ знакомъ съ В. Н. Каразинымъ. О томъ свидѣтельствуетъ и Погодинъ. Къ баснѣ поэтъ приложилъ большое примѣчаніе, гдѣ довольно ясно намекаетъ на Василія Каразина, какъ объекта сатиры: «не вси паны гуляють и карты мнуть. Бо иншый паномъ уродывсь, паномъ охрестывсь, паномъ и зрисъ; а далеби и мужика клезнуть не вміе,—оттаке́ лыхо! . Такый у насъ, бра, и пидъ Харьковымъ не далечко: ось хочъ бы й... не хочу, не хочу!.. грихъ! Я у ёго хлибъ-силь йивъ; а ты хочешъ,—щобъ я выявывъ, що винъ ни въ карты грать не тямыть, ни мужикивъ лупыть не вміе» (стр. 8). Такимъ панамъ везетъ какъ Рябку (собакѣ) моему—его «у самомъ Петербурзи и Москви и скризь такы гладылы не протывъ шерсты и прыймалы неначе кого й доброго; такъ одже бачъ, все такы у деякыхъ пидпанкивъ шапкы на голови загорилысь... Ледачого, мовлявъ нашъ Онопрій, не займай,—и самъ себе не каляй; уже горбатого хыба могыла справыть...

Лыхо й зъ правдою, лыхо, й зъ брехнею: за правду бьють за брехню виры не дають... Я жъ то одъ того оце (и) на Солопія напався! (стр. 82—83) («Солопій та Хивря або Горохъ пры дорози». «Казка». «Укр. Вѣстн.» 1819 г., ч. 16, книга 8, октябрь.

[1]) Н. Дубровинъ. «Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка» 1900 г. ноябрь, стр. 259.

домоводства того же края, ибо она предлагалась человѣкомъ *опальнымъ*, небогатымъ помѣщикомъ. Какъ во время силы Вас. Наз. въ правительственныхъ слояхъ не могли не прислушиваться къ голосу его въ планахъ основанія университетовъ, ихъ мѣстонахожденія, въ планахъ организаціи народныхъ училищъ, такъ и теперь часто тѣ же лица, выбранные почетными членами общества, ограничились лишь оффиціальной благодарностью за свое избраніе [1]). Достаточно вспомнить годовое преслѣдованіе въ 1813 году г. Жадькомъ за границей русскаго главнокомандующаго арміей съ предложеніемъ Каразина довольствовать солдатъ болѣе пригодной во всѣхъ отношеніяхъ пищей, и печальное возвращеніе нераспечатанныхъ предложеній; а дипломатическій отвѣтъ военнаго министра Горчакова отъ 20 авг. 1815 года по тому же предмету? А упорное молчаніе Аракчеева на просьбу [2]) о введеніи снарядовъ для приготовленія концентратовъ, признанныхъ испытательнымъ комитетомъ; а молчаніе Сперанскаго на письмо 10 апр. 1810 г. о помощи въ сооруженіи селитрянаго завода? Развѣ не достаточно этихъ примѣровъ, чтобы понять вполнѣ, что В. Н. Каразинъ былъ «одинъ въ полѣ воинъ» и не могъ прочно построить свое послѣднее учрежденіе. Мало того «мужъ ученый» и «опытный помѣщикъ», какимъ значился въ спискѣ членовъ фил. общества Аракчеевъ, позволялъ себѣ именно по совершенной своей неосвѣдомленности въ естественныхъ наукахъ издѣваться надъ изобрѣтеніями В. Н. Каразина. Въ 1824 году Аракчеевъ, проѣзжая черезъ городъ Богодуховъ (харьк. губ.), сказалъ мужичкамъ, просившимъ о помощи по случаю неурожая: «странно, что вы голодаете; подъ бокомъ у васъ живетъ колдунъ, который сводитъ съ небесъ дождь и громъ, когда захочетъ; обра-

---

[1]) Къ 16 марта 1815 года членами фил. общества были слѣдующія лица, бывшія въ состояніи помочь своимъ вліяніемъ В. Н. Каразину: гр. А. А. Аракчеевъ, П. П. Коновницинъ, командовавшій заграничной арміей, гр. Н. П. Румянцевъ, О. П. Козодавлевъ, министръ вн. дѣлъ; Н. Н. Новосильцевъ; Д. П. Трощинскій, кн. Б. Юсуповъ, кн. Пл. А. Зубовъ и многія другія высокопоставленныя лица (см. списокъ членовъ фил. общества къ 16 март 1815 г. «Сборникъ историч. матер.» вып. 2, стр. 476—489. Бездѣйствіе ихъ въ пользу общества какъ членовъ его, нельзя объяснить незнаніемъ предпріятія Каразина; всѣмъ членамъ посылались 2 раза въ годъ отчеты о дѣятельности общества.

[2]) 14 іюня 1816 г., «Сборникъ ист. мат. вып. 2, страница 14.

титесь къ нему» [1]). Таковъ былъ взглядъ современниковъ на «затѣи» Василія Назаровича: мы этому не можемъ удивляться: князья и министры не желали жертвовать своимъ спокойствіемъ ради мелкаго отставного чиновника, а ограниченному кругозору тогдашняго провинціальнаго общества, не получавшаго систематичнаго образованія, а тѣмъ болѣе спеціальнаго, желанной мечтой котораго было «добиться штабъ-офицерскаго чина и отправиться въ провинцію хвастаться и кичиться имъ передъ своими сосѣдями», лицамъ, которыя «жили почти безвыѣздно въ своихъ имѣніяхъ и были очень счастливы, если подъ старость выбирались уѣздными предводителями дворянства» [2]), и не имѣвшія никакихъ другихъ интересовъ, естественно невозможно было понять идей Василія Назаровича Каразина, научно и практически обоснованныхъ, его надеждъ на расцвѣтъ родного края. Послѣдній это сознавалъ и не безъ цѣли опубликовалъ результаты своихъ мѣропріятій [3]), полезность которыхъ свидѣтельствовалась учеными коммиссіями и спеціалистами, думая, что хоть такіе авторитеты подтолкнутъ сонное царство помѣщиковъ; ни публикаціи, ни демонстрированія не могли его вывести изъ вѣкового апатичнаго состоянія. Намъ можетъ быть скажутъ, что въ то время за избыткомъ земли, продуктовъ сельскаго хозяйства, лѣсовъ, не было надобности такъ дорожить благами природы, какъ того требовалъ Василій Назаровичъ, и что, слѣдовательно, его идеи *несвоевременны!* Но сошлемся вмѣсто отвѣта на одну изъ *причинъ*, вызвавшихъ основаніе филотехническаго общества: «уже о сю пору,—писалъ В. Н. Каразинъ въ мысляхъ о учрежденіи общества [4]),—есть селенія въ Украинѣ, имѣющія не болѣе двухъ десятинъ пахоти на каждую душу мужскаго пола» [5]). Едвали можно было прожить его семьѣ крестьянинъ въ то время на доходы съ двухъ десятинъ при необходимости трехъ-польной системы. *Итакъ, неудача и гибель въ 1819 г. „филотехническаго общества домоводства“, по на-*

---

[1]) «Русская Старина» 1871 г., т. 3. стр. 722.

[2]) Записки Маркова. «Русская Старина» 1900 г. ноябрь, стр. 260—261.

[3]) Напр. «Опытъ сельскаго устава», разныя брошюрки отдѣльными изданіями по техническимъ усовершенствованіямъ, или въ отчетахъ филотехническаго общества; также свидѣтельство, выданное московск. профессорами 2 фер. 1814 г., отчетъ коммиссіи, назначенной Горчаковымъ.

[4]) «Украинская Старина», стр. 141.

[5]) Совершеннолѣтній крестьянинъ, предполагается, выдѣлялся изъ отцовской семьи въ свою собственную.

шему мнѣнію, коренилась, главнымъ абразомъ, въ неразвитости и обезпеченности лицъ, среди которыхъ проводилась идея, авторъ которой являлся среди нихъ выдающимся исключеніемъ.

De iure филот. Общество не было упразднено. Въ запискѣ къ имп. Николаю 18 сент. 1826 г. Каразинъ просилъ «о разрѣшеніи участи моей по званію правителя дѣлъ филотехн. общества, которое я донынѣ несу». Слѣдовательно, оффиціально филот. общество существовало до 1826 года. Въ 1828 году, по случаю предпринятаго Каразинымъ изданія статистики Кириллова, онъ подписался подъ объявленіемъ объ изданіи: «правителемъ дѣлъ Харьк. Филотехнич. общества» [1]).

Н. Тихій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Барсуковъ. «Жизнь и Труды М. П. Погодина». Т. II, стр. 206.

Панька Круча.

Довго мы вже йидемо... Хочъ и не дуже рано выйихалы, а такы де-ни-де по балкахъ та по пызахъ ще туманы стоялы, сонечко ще въ роси купалось,—тильки-тильки зъ села товаръ на толоку выгонылы...

А теперъ вже такъ, що не далеко и до пивдня... Зморылысь кони, та якось зморылысь, розпарылысь и мы. Шляхъ усе одынъ, степомъ та степомъ—немае ни рички, ни доброи балкы. Хлиба́ вже скошено,—де-ни-де побачышъ ще визъ: пара коливъ сопуть, та тягнуть Боже добро до-дому; дядько коло воза навыпередкы зъ воламы йде, люльку смокче... Поздоровкаешся, скажешъ ёму «помогай Бигъ»,—и зновъ оттой самый прямисенькый шляхъ, знову степъ, стерня, рилля де-не-де чорніе, толока та будякы на неи...

Степъ та сонце... палке та ясне—очи заплющуются, злипаются, увесь якъ вывареный, ажъ купяешъ... Прокынешся, розплющышъ очи,—знову степъ та сонце...

И фурмана нашого розпарыло. Сыдыть надъ кіньмы, та спыть. То було усе гукавъ на кони, иншый разъ и батогомъ такъ замирявсь, наче ось-ось вдарыть, а теперъ—голова похылылась, рукы звисылыся, свытка на ёму—и та звысла, якъ на килокъ почеплена, а батигъ тягнется за колесомъ, мовъ гадючый хвистъ, колы йижакъ іи за голову схопывъ «та до дитей волочыть»...

Колы—ось и зовсимъ кони сталы... Спыть нашъ фурманъ, стоять кони, похылывшы головы, дзеренчыть шось на стерни, жайворонокъ спивае, сонце сяе... Тыхо на степу, тыхо на души...

Збудылы мы нашого фурмана,—ледве очунявсь дядько, гукнувъ на кони, подывывся на сонце, почухавъ потылыцю и зпявъ свытку, пидмостывшы іи пидъ себе.

И знову заснувъ... знову потыхеньку тюпають кони по шляху, знову курява зъ-пидъ копытъ, зъ-пидъ колисъ пидіймается, мовъ знехотя за брычкою, та такъ и стоить уся у червоному золоти... И знову сонце сяе, очи заслиплюе, знову гріе та пече, такъ що не знаешъ, якимъ бокомъ до ёго й повернутысь... Хочъ бы витрець...

— Ну, и Панська Круча, бодай ій!—почухавсь мій товарышъ—кажуть, що до іи двадцять верстовъ, а тутъ мабуть и всихъ сорокъ йе!..

— Гм!..—чмыхаю я, бо мени й балакать вже нудно.— Лягты-бъ та спаты, якъ-бы було якъ...

— И чого вона «панська», отта круча?—допытуется товарышъ,—ни одного пана тамъ немае, а панська. Хиба може тымъ, що якъ паны йидуть, то дуже лаются, бо далеко?

Усмихнувся нашъ фурманъ, обернувся до насъ.

— Звыняйте, чы вы паны, чы вы люде,—не втраплю, якъ васъ шануваты... Якъ що хочете, то я вамъ розскажу, чого вона «панською», отта круча, прозывается. Я тоди ще маленькымъ хлопцемъ бувъ, якъ отте сталося,—ще за панського права те було...

А мы зъ товарышемъ и ради,—прохаемо, щобъ розсказавъ.

— Жывъ таки тутъ, бачыте, панъ,—та ще й велыкый панъ... Уся земля скризь, скильки бачыте, уся ёго була. И дали, за Кручею, за Пеломъ на тимъ боци, кругомъ усе ёго земля була. И прозывалось тоди село не «Панська Круча», а якось инакше... забувъ якъ...

Наблыжалась вже воля... Панъ одынъ соби жывъ, зъ дочкою. Удовецъ бувъ. А дочка торикъ до ёго прыйихала, а то десь вчы-

лась. Гарненька така, биленька, гнучка та жвава... Панъ вже бувъ пидстаркуватый, та ще й нездужавъ, а дочка--якъ той вогонь, цилисенькый день стрибае чы по саду, чы у хати, чы по лугахъ, на ричци, у лиси,—куды ни пидешъ, уже десь почуешъ, якъ або спивае, або зъ дивчатамы бавытся, базикае та регочется. Молоде...

А панъ—сумный та сердытый. Боялысь ёго люде, якъ смерти, бо дуже бывъ. То було ранишъ то бывъ, якъ вынни булы, а то таке стало, що хочъ и не навертайся ему на очи, бо винъ знайде вже, завищо «на конюшню» завдаты. И ніякъ на ёго не втрапышъ... Та правду казаты, и люде такы на ёго лыхи булы: тутъ вже чуты, що незабаромъ и воля буде, всихъ крепакивъ одъ панивъ одберуть, а винъ що день дужче та дужче знущается... Було такы, що ёму на зло капостылы, щобъ тямывъ, що не дуже, не дуже вже мы ёго боимося, не довго вже ёму знущатысь... Ну, звистно, винъ ще дужче сатанивъ... Такъ повелося, що якъ день почынается, то й панськый галасъ та лайка почынается, а ризкы такъ мало не возамы «на клуню» возять, за малымъ не уси лозы повыризувалы...

Черезъ те «на клуню», що вже й тутъ старому не було воли: довидалась наша панночка, що робытся, роспытала дивчатъ, якъ колысь побачыла, що за батькамы плачуть,—та до старого.

«Таточку» та «ридненькый», та ще не знаю вже якъ казаты, а такы трохы вгомоныла батька... День—два не чуть було галасу «на конюшни», а потимъ знову пишло... тильки старый здогадавсь,—вже не «на конюшню», а «до клуни» посылае... Ну, та дивчата заразъ до панночкы. Отъ знову вона до батька,—та такъ и пишло, що якъ кого старый до клуни пожене, то вже й самъ ховается, одъ дочкы тикае, бо одмолыть, одпросыть, рукы ёму цилуючы, слизьмы облываючысь...

Отто разъ якось побигла вона до старого до клуни, учепылась за шыю, обнимае, цилуе, прохае, щобъ ослобонывъ чоло вика. И довелось ій сказаты:

— Таточку, воны-жъ таки люде, якъ и мы зъ вамы, воны-жъ скоро вольни будуть ..

Якъ сказала оце, —наче розпеченымъ зализомъ старого опекла. Грымнувъ, якъ невиженый.

— Що? якъ ты сказала?!.. Воны—якъ мы? Вольни будуть?! .

Ажъ посынивъ, очи кровью позалывало, кулакы пидпявъ, на дочку наступае:

— Що ты сказала? Вольни?.. Гей!..—зо всёго голосу зразу гукнувъ:—а несить сюды канчукивъ, —нехай оця дивчына сама туть побачыть, яки вы вольни!..

Дочка знову до батька, за рукы ёго хапае,—винъ іи кулакомъ такъ штовхнувъ, що вона впала. Встала —и за ногы батька схопыла, ногы ёму цилуе.

— Тату мій, голубе мій,—не губы души своеи, самъ-же каятысь будешъ, що людей ни защо мордуешъ... Таточку хиба-жъ ты катъ якый? ты-жъ тато мій любый, просю-жъ тебе, таточку!..

Не чуе, не бачыть, старый, —реве, якъ скаженый, щобъ канчукы швыдче неслы... Прынеслы...

Побачыла ихъ панночка,—якъ та кишка шлыгнула, вхопыла,—а батько за нею, дочку за шыю, та канчукы вырывае. Зомлила дивчына...

Схаменувся тоди й старый, кынувъ канчукы хлопцеви въ пыку, ажъ зуба выбывъ,—и понисъ дочку до хаты...

Давно це було... Я хлопчыкомъ маненькымъ бувъ, по за клунею тежъ стоявъ,—бо то мого батька малы быты... А й доси, якъ прысныться, то такъ плачу, що усихъ порозбужую...

Винъ обернувсь до насъ. Очи—повни слизъ,—и мріють въ ныхъ давни лита, лыха годына, що якъ тымъ туманомъ вкрыла очи, похылыла голову, жалемъ та тугою, якъ гиркымъ полынемъ лягла на серци...

Мынулося... и доси ще похылена голова, и доси зигнута спына несе вагу крепацькыхъ слизъ, зпивеченои доли...

— Тай про що оце я казавъ?.. Эге, бачыте—й забувъ!..

Винъ полизъ до потылыци, по дорози чогось добре рукавомъ зачепывшы по очахъ, знявъ шапку и знову почухавсь, мовъ тамъ, у потылыци воно й сыдило, те, що винъ забувъ.

— Эге-жъ!.. Отто-жъ вона й йе, Панська Круча! Дывится, мріе здалеку!..

Мы подывылысь, куды винъ батогомъ ткнувъ. Справди, на обріи щось мрило, наче невелычка хмара сынило.

— Далеко ще, мабуть! — пытаемо.

— Та ще далеко. Верстовъ може симъ, якъ не бильше...

Такъ про Панську Кручу... Ну, отто-жъ, бачыте, такый панъ у насъ бувъ, и що дня — усе бильше розпалювався, усе клятишый робывся... Вже, було, и панночка ничого зъ нымъ не зробыть. Плаче, небога,—старый тильки того наче й боявся. Якъ вона заплаче, то або дверыма такъ грюкне, що зъ петель зирвутся, або якый стилъ переверне, а вже чимсь-то потишыть себе. Хочъ за чуба, хочъ по потылыци хлопцеви, а такы кому небудь дасть... Такый зробывсь, наче невиженый ..

Тильки чуемо,—занедужавъ, захлявъ. Якъ по правди мовыть—зрадилы уси. Може и вмре... Сестра ёго жинкы, царство ій небесне, тутъ замижъ выдана, верстовъ зъ трыдцять видъ Кручи, жыла соби. Отъ вона й прыйихала, якъ панъ занедужавъ, доглядала ёго зъ панночкою, а якъ трохы одужавъ, то й до себе ихъ повезла. Трохы згодомъ чуемо,—панъ кудысь у чужи земли подавсь, кажуть — личытысь. Панночка у титкы лышылась, у Кручи никого,—сами люде. Оце найкраще було... А тутъ воля пидходыть, що дня про неи чуемо, уси вже балакають, кажуть, що ось-ось ослобонять усихъ крепакивъ... Якъ-бы панъ тоди у Кручи бувъ, то хто ёго зна, щобъ воно й було .. Не до ёго бійкы вже було...

Ось и ослобонылы насъ. Прыйиздывъ и посереднык, панычъ сусидній, такый прывитный, до усихъ каже «вы», якъ до панивъ... Треба, каже, старого пана диждатысь, тоди обрадымось и за землю ..

Що дня мы, усимъ селомъ, якъ вечиръ, збираемось, було, миркуемо, якъ-то воно буде... Хлопци наши,—тай я-жъ зъ нымы туды-жъ,—трохы не спалылы клуни та конюшни, та, спасыби батькамъ, про нашу панночку нагадалы,—завищо іи добро мае гынуты?..

Якось оттакъ у вечери сыдымо биля млына, колы щось по дорози бижыть, дзвинокъ дзеленчыть, колеса стугонять. Ажъ воно—панъ зъ дочкою! Вернувся, одужавъ такы... Йиде, па насъ не дывытся, а сердешна панночка трохы зъ брычкы не падае: до усихъ кланяется, весела та радистна.

День, другый, тыждень,—сыдыть панъ у хати, никого до ёго не допускають, и самъ никуды не вылазыть. А намъ вже й терпиты не можна, що то воно подіется...

Заслалы дивчатъ до панночкы спытаты, якъ наше дило буде.

—Ничого, каже, не знаю,—тато й слухать про волю не хоче...

Отъ-що! Тай що зъ того буде?..

— Не знаю, каже... Хиба,—постривайте! напышу я панычеви—посередныкови, може винъ зъ татомъ побалакае...

А посередныкъ у тимъ сели жывъ, де й титка, у неи щодня бувавъ,—панночка добре вже ёго знала, що добрый и розумный дуже винъ чоловикъ.

Побигъ вершныкъ до титкы, до посередныка. А це чуемо и таке: пасмилылась якось сама наша панночка нисля-обидъ, пытае батька про волю.

Якъ гримнувъ старый на неи:

— Канчукамы, каже, волн имъ дамъ! И воны—мои, и земля—моя! Нехай идуть самы до мене по волю. Хиба въ насъ хлосту вже немае?.. Зъ рушныци, каже, покажу имъ воли!..

Перелякалысь, розбиглысь дивчата, не чулы, що ёму й одмовыла панночка, що тамъ и було. Ще якъ вечерялы, бувъ, кажуть, увесь сыній, ажъ трусывсь.

Прыйихавъ хлопець одъ титкы, прывизъ пысьмо до панночкы. Пышуть, каже, що на симъ тыжни посередныкъ прыйиде.

Ажъ-се й прыйихавъ... Трохы мабуть не усе село тяглось полягать пидъ викнами, та у сины, у хату до дивчатъ, щобъ швыдче почуты, якъ панъ зъ посередныкомъ про волю балакатымуть...

А панча частують. Обидають; потимъ у садъ, на ганокъ имъ вына вынеслы, чаю, та ще-яки закускы... Судять про сусидъ, про музыку, про чужи стороны базикають... А пидъ ганкомъ мало не двадцять душъ лежать, дыхаты боятся...

Отъ, чують люде, якось змовклы паны на ганку... Тоди и каже посереднык:

— А я, каже, ще й дило до васъ маю...

— Яке дило?—пытае старый якось такымъ голосомъ, наче подавывся.

— Та треба намъ зъ вамы уставну грамоту пысаты,—вси сусиды вже скинчылы.

— Яку се таку «уставну грамоту»?—пытае старый, та такъ тыхо, ледве не шепоче.

Тыхо стало на ганку. Трохы не чуть, якъ важко дыхають пидъ нымъ ти, що лежать...

— Ось слухайте, молодый чоловикъ, пиднявся старый зъ мисця,—навищо намъ зъ вамы у Панаса граты: ничого зъ цёго дила не буде! Колы хочете до мене, якъ добрый сусида, заглядаты,—мылости просю, а якъ не въ свое дило встриваты почнете, то вже звыняйте: щобъ я васъ тутъ бильше не бачывъ...

Пиднявсь и посереднык.

— Тутъ, каже, не мого дила немае. Я по закону, по царському указу,—роблю те, що запрысягнувъ робыты. Вашыхъ людей царь ослобонывъ, треба ихъ землею надилыты, треба уставну грамоту пысаты, що воны вамъ вынни...

— А... а може ще по вашому й я имъ выненъ?.. Вонъ!..—зразу зирвався старый,—вонъ зъ моеи хаты!.. Гей, люде! Стой, держы ёго!.. Хлосту сюды!..

Прыбиглы ёго козачкы, ёго вывченыкы, ёго люти собакы, що булы злійши одъ справжнихъ,—схопылы посереднык...

Бижыть на цей галасъ и панночка; якъ побачыла, та до батька:

— Тату, ридный мій, що-жъ то вы робыте?... Пустить панича,—то-жъ женыхъ мій, я-жъ кохаю ёго...

Пустылы козакы посередныка. Стоять уси трое, яхъ крейда били.

— Йидьте до-дому теперь, каже панночка, мы зъ татомъ умовымось.

Пишовъ геть посередныкъ, а старый усе стоить, якъ дерево. Тильки почувшы, що колеса загуркотилы, прокынувся винъ, выбигъ, крычыть знову: «державы»!..

Та вже опизнывся: вдарылы по коняхъ, тильки курява пишла.

Вернувся старый до дочкы. Вона усе тамъ на ганку стоить, наче прыкута.

— Оттакъ спасыби, дочко!.. Такъ оце вы удвохъ зъ панычемъ вашымъ таке на мене умыслылы? Безъ мене-жъ мене оженылы, панове, я ще й самъ не вмеръ...

Мовчыть дочка, на батька тильки дывытся.

— Такъ оттакъ вы за моею спыною робыте?.. Мене зъ свиту збавыты, жывого мене заховаты?.. Чого ты мовчышъ, ледащо?..

— Тату, схамениться, що вы кажете!..

Мовчать! Не дыхай!.. Я тебе самъ зо свита збавлю, у могылу зажену, щобъ ты мене не загнала!

И знову посынивъ старый, впьять увесь затрусывсь!

— Я тебе задавлю, щобъ не бачыть, якы дила ты зъ оцимъ щенямъ робышъ...

— Тату, ось слухайте... любый... схамениться... важко мени... тату... я мерщій пиду до себе, щобъ не чуть, що вы кажете...

— А, такъ ты такъ, ты вже батька и слухаты не хочешъ... Ось-же тоби!..

И вдарывъ іи разъ... и другый... и ще...

Упала дивчына...

Убигъ тоди старый у свою хату, дивчата унеслы дочку до неи у кимнату...

И сталы уси горныци, якъ мертви... Наче покійныкъ у хати лежыть: никого не чуть, уси ходять тыхо, сторожко, балакають пошепкы...

Цилу ничъ не спавъ нихто. Старый, якъ навиженый, ганявъ у себе по своій хати, дочка ледве у-ночи очунялась, плаче...

Глупои ночи выйшовъ старый зъ своеи кимнаты, пишовъ до дочкы. Двери зачыпени,—винъ постукавъ. Одчынылы.

Зайшовъ, бачыть—лежыть дочка на кровати, коло неи дивчата зъ водою, зъ ледомъ... Повернувся и пишовъ знову до себе.

Свитало, якъ вньять винъ пишовъ до дочкы, одчынывъ дверы й каже:

— Иды на часъ, мени треба зъ тобою говорыты...

Пидвелась панночка—и знову упала на подушкы,—не здужае, небога, встаты...

Повернувъ вньять старый, зновъ пишовъ у свою кимнату.

Вже зовсимъ розвыднилось, якъ винъ у трете прыйшовъ. Дочка тильки-тильки втышылась. Выславъ усихъ зъ хаты, сивъ коло неи.

Лежыть дивчына, якъ стина била, мовъ и не дыхае, розплетени косы по подущци простяглысь, по земли стелются. И бачуть дивчата у дирочку кризь двери, якъ пидвився батько, слухае, чы дыхае дочка, якъ нахылывся коло рукы, що звысла зъ кровати,—и прыпавъ до неи губамы...

Якъ ось—схопылась недужа, та якъ крыкне не своимъ голосомъ,--злякалась, мабудь, батька несподивано побачывшы...

И знову побигъ старый до себе, а дочка и плаче, и сміется, и голосыть.

Стыхла трохы дочка, колы чуемо,—нибы регоче хто у пана у кимнати, наче бугай реве...

Кынулысь до старого, а назустричъ зъ рушныци—бахъ!.. бахъ!..

То старый плакавъ такъ, а якъ почувъ, що до ёго бижать, то щобъ нихто не бачывъ, якъ винъ плаче, колы тильки за двери узялысь, винъ схопывъ рушныцю, та й полыхнувъ!.. Добре, що не влучывъ...

Оттака-то ничъ була...

Якъ люде полуднувалы, знову прыйшовъ старый до дочкы, повыгонывъ усихъ зъ хаты й зостався зъ нею балакать.

Довго воны балакалы,—намъ у людскій ничого не чуть було. Стара нянька тильки пидъ дверыма стояла, слухала, та усе плакала та хрестылась... Не вмію вже вамъ казать, якъ воно тамъ у ихъ выйшло... тильки батько усе прохавъ, щобъ дочка не выходыла замижъ за посередныка, а дочка усе свое каже: «одпустить, каже, тату, людей на волю»... Старый про те и слухать не хоче, а дочка про паныча мовчыть, за людей прохае...

Тильки чуемо—голоснишъ панночка каже:

— Такъ справди, тату?.. Такъ вы-жъ не одступытесь?.. Таточку, ридный,—нехай-же такъ и буде... за васъ уси Бога молытымуть...

Незабаромъ и выйшлы зъ хаты. Дивчына сяе, старый—якъ та хмара.

— Омелько, каже до мене панночка, сидлай коня, пойидешь до посередныка!

Я й на несидланному, я-бъ и задомъ напередъ пойихавъ...

Напысавъ старый лыста, узявъ я его, та на коня, выбигъ за двиръ, та якъ вдарывъ, якъ вдарывъ... ледве на кони всыдивъ, одно поганяю,—серце колотытся, ажъ холону, якъ згадаю, що може старый панъ ще одступытся, звелыть мене завернуты... Бижу, та за лыстъ лапаю, чы тутъ винъ, чы не загубывъ: отто-жъ наша воля!...

Наша воля—дивоча доля...

На другый день прыйихавъ посередныкъ: я такы й самъ насмилывсь, прохавъ его: прыйиздить, паночку-добродію, ваше благородіе, не бариться, бо хто его, старого, знае, що у его на думци...

Прыйихавъ. Зустривъ его старый, почалы про дило балакаты, пляпты дывылысь, громаду зибралы, зъ людьмы посередныкъ балакавъ. Наши батькы вже усёму ради булы, абы якъ швыдче хочъ...

Обидавъ посередныкъ зъ паномъ, а панночка не выходыла,—сыдыть у своій хати.

Вже надвечирь зибрався посереднык до-дому, та якъ у свою брычку сидавъ, вынесла ёму стара нянька лысть:

— Одъ барышни, каже...

Узявъ и пойихавъ.

Повечерялы, якъ раптомъ по дорози, мовъ дроченый, бижыть кинь: панычъ на ёму, самъ якъ мертвый. Скочывъ зъ коня, пана пытае.

Якъ-ось назустричъ выйшла зъ хаты сама панночка.

Стоять одно проты одного, мовчать...

Тильки й каже панночка:

— Майте до людей жаль... Тато не одступытся... А я... вы... я... ничіею не буду... Колы вы мене... колы вы... до мене добрый... колы справди людей любыте... покыньте мене...

Хытается панычъ, на ногахъ не держытся, прыпавъ до рукы іи, цилуе...

Легенько вона вытягла свою руку—и знову простягла, и сама нахылылась, у голову ёго поцилувала.

— Прощайте, мій любый, каже,—и зразу, закрывшы очи рукамы, выбигла...

Въ сылу дійшовъ панычъ до коня... пидмоглы ёму систы...

Оттака-то була наша воля, оттакъ іи сповыто...

Кильки разивъ ще прыйиздывъ бувало посереднык,—тильки вже ни пана не бачывъ,—бо той на усе довиренность управытелеви давъ,—а-ни панночка до ёго не выходыла. Оглядается, бувало, на викна, та й у викнахъ никого не выдко...

Такъ и выйшлы мы на волю... Батько нашъ, царство небесне, двирови булы. Далы намъ двиръ, а мы тамъ и зосталыся, де й доты булы: батько коло коней, а я такъ,—коло ёго та коло дому.

Доси не дуже весело було на панськимъ двори, а теперъ и зовсимъ якось тыхо зробылось. А ни нашы никуды, а ни до нашихъ панивъ нихто не йиде... Попереду було хочъ титка до панночкы иноди прыйиде, а це вже й вона покынула йиздыты. Казалы, якеесь пысьмо таке вона до пана прыслала, що той якъ прочытавъ, то й виддавъ хлопцеви назадъ... Панночка наша

колысь весела була, зъ дивчатамы було усе грае, спиваують, а це—замовкла, сумна, смутна... Не чуть іи, не выдко... Спытала якось мене, чы я вмію чытаты. Кажу—ни! Отъ вона мовъ и зрадила.

— Ну, каже, прыходь до мене що-дня въ ранци, и сестру меньшу прыводь (годивъ ій изъ девьять було),—буду васъ вчыты.

Назбирала ще де-кильки дитей,—усихъ було насъ зъ пьятнадцять,—зибралысь мы до неи й почала вона насъ вчыты. Добре вчыла! Якъ чого, було, не тямышъ, то доты розпынается, покы врозуміешъ...

Отъ мы вже й складать почалы; ажъ ось у дивочу, де мы вчылысь, хысть—старый панъ! Мы такъ и подублы...

— Це, каже, що за школа така? Хиба моя дочка вже до хамивъ у учытелькы пишла? Геть!..

Таке его «геть» було, що мы уси й не счулыся, якъ на вулыци опынылысь... Оце й кинець школи бувъ...

Ще сумниша наша панночка стала... Цилисенькый день, було, або ходыть по своій хати, або лежыть, якъ слаба.

Спытае іи нянька, або дивчата:

— Чы не болыть що въ васъ?

- Ни, каже, ничого не болыть... Це я такъ...

Такъ, то й такъ. . Сами знаемо, яке воно «такъ», а ничого не зробышъ...

Вьяне наша люба панночка, марніе, а мы дывымось на неи, журымось,—а ничого не зробымо...

Колы дала такы раду стара нянька.

— Треба, каже, хочъ до титкы вистку даты,—може вона що зробыть.

Нышкомъ, по-ночи, пойихавъ я верхы до титкы, въ-ранци переказавъ ій усе, якъ стара казала.

Того-жъ дня, дывымось, йиде до насъ пани-титка. Прыйихала, жахается, дывлячысь на племинныцю; напалася на старого.

— Чого вы дочку нивечыте? Хиба у труну іи класты хочете, якъ сестру мою положылы?.. Годи, каже, вамъ надъ нею

знущатысь,—я хочъ до царя дойду, а іи у васъ одберу... Ну-мо, лышень,—до племинныци каже,—збирайся, пойидемо до мене!..

А старый,—мовъ и не сердытся, каже такъ до неи, зъ усмишкою:

— Я, каже, сударыня, ще у своему доми хазяинъ... Отъ я людей поклычу, та вамъ таке зроблю... Дознаете, якъ пораду давать тамъ, де не прохають... Гей, хлопци!..

Мовъ паморокы одбывъ у пани... И крычыть, и сміется, а сама и на двери, и на викна позырае, до выходу сунется...

— Що за смишкы, каже... Яки глупости... Я у осены пойиду... я царя бачытыму... усе розскажу... Вы не насміете... я сама генеральша... Отъ ще!..

А сама—до дверей, та за двери...

Прыпала до іи племинныця.

— Йидьте, титочко, до-дому, покыньте мене безталанну...

Такъ и пойихала пани-титка...

А у вечери, якъ сыдила панночка надъ кручею, де вона дуже любыла сыдиты, крадькома до саду прыйихавъ панычъ, перелизъ черезъ тынъ, та на кручу...

Дивчата казалы,—застогнала тильки панночка, якъ винъ ставъ передъ нею...

Хотивъ панычъ іи зъ собою завезты,—прохавъ, молывъ, навколишкахъ прохавъ, нижкы ій цилувавъ,—не пойихала...

— Я, каже, татови такъ обицялась, одъ свого не одступлюсь...

Пиднялась, дивчатъ поклыкала,—и пишла до хаты.

Пишла, та вже мабуть усю ничъ не спала.. Бо якъ сила коло викна, то такъ до свиту й сыдила..

Въ-ранци нянька прокынулась,—викно одчынене и двери навстижь, панночкы немае, постеля якъ зъ вечера послана, такъ и стоить...

Пишла нянька у дивочу, збудыла дивчатъ, пытае, чы не знають, куды панночка подилась. Нихто не знае... Пишлы шукаты... У садку—немае, на ричци—немае...

Роспытують, чы не прыйиздывъ хто, чы не бачылы, щобъ панычъ бувъ,—нихто ничого не чувъ, не бачывъ...

Пишлы знову до кручи... Знайшлы гребинь, що у панночкы у волоссяхъ бувъ... биля самого краю... Колы-жъ вона його загубыла?..

Стоять уси надъ кручею, подывытысь одынъ на одного боятся...

Перехрестывсь старый дидъ Охримъ, пасишныкъ, вытягъ зъ тыну довгый дрюкъ, спустывсь до рички, сивъ у човенъ, дойихавъ пидъ кручу, дрюкомъ на дни шукае... Стоимо мы уси на кручи, не дыхаемо...

— Ось вона... каже Охримъ...

Трохы нижче кручи стояла дуже стара верба, кориння у воду спустывшы. Промижъ кориння, пидъ водою, й намацавъ Охримъ щось мьяке...

Вона-жъ це, панночка наша бидна, й була...

Незабаромъ вытяглы; вынеслы на кручу... Волосся, довге-довге, роспущене, очи заплющени, сама—якъ крейда, та така гарна, якъ тильки по иконахъ пышуть...

Лежыть вона мертва, стоимо мы уси кругъ неи, плачемо мовчкы...

Колы выйшовъ старый Охримъ.

— Дытыно-жъ ты наша люба, каже, сонечко наше, зиронько ясна!.. Невже-жъ царства божого души твоій чыстій не буде? невже-жъ безъ попа, безъ хреста тебе заховаемо?..

Дывымось, поклонывсь Охримъ до землю, ставъ навколишкы коло мертвои, перехрестывъ іи, znявъ зъ себе хреста, положывъ ій на груды.

— Маты Божа тоби помылування выпрохае у Сына за насъ, за всихъ убогыхъ, що ты насъ усихъ вызволыла, за насъ и сама погынула. . Спы тыхенько, серце наше, до страшного суду Божого,—уси мы тоди прохатымемо: осуды, Господы, насъ усихъ на вични мукы, помылуй, Господы, душу рабы твоеи!..

Якъ одынъ, уси мы сталы навколишкы, уси молылысь:

— Осуды, Господы, насъ на вични муки, просты, Господы, рабу твою...

— А теперъ, каже Охримъ, бижить до попа, та поклычте старого пана.

Побигъ я до пана.

— Идить, кажу, пане, до кручи,—тамъ панночка втопылась!

Скочывъ старый, та до мене... побачывъ, мабуть, що я увесь у слизахъ,—тай затрусывсь, и ноги ёго не слухають...

Розступылысь уси, якъ панъ до дочкы прыйшовъ,—а вже иде, якъ завжде, мовъ на паради. Побачывъ людей, каже:

— Гетьте!..

Тильки мы повернулыся, щобъ иты, якъ бачу,—панъ изъ кышени щось вытягъ, руку до головы пиднявъ и... бахъ!.. впавъ коло дочкы..

Колы до ёго,—а винъ вже мертвый, голову наскризь пробыто...

Ажъ на се якъ разъ и пипъ прыйшовъ...

Поховалы панночку и старого пана... поховалы на самій кручи, надъ Псломъ,—зъ того вона и «Панською Кручею» зветься...

— А що-жъ панычъ? Чы винъ ще жывый?

— Паныча мы не скоро побачылы. Винъ писля сего занедужавъ, довго нездужавъ... А до насъ прыйихавъ якыйсь панъ новый, старого пана племинныкъ. Та тутъ винъ не зоставcя, продавъ усе. Купывъ панычъ-посередныкъ. Перейихавъ сюды, та тутъ и жывъ соби. Усе у доми, якъ було за старымъ паномъ, такъ и лышывъ. Самъ у одній хати жывъ, у зали. Панноччыни кимнаты заперъ и ключа завжде зъ собою носывъ. Було, зачынытся тамъ,—и довго, довго сыдыть... Змарнивъ якось, незабаромъ и служыты покынувъ, усе дома сыдивъ,—або на кручи, або у панноччыній кимнати. А у вечери що дня, було, якъ сидае чай пыты, клыче стару няньку, розпытуе про панночку. И та ёму усе про свою «горлыцю» розсказуе: яка вона маненькою була, яка була втишна, яки у неи булы ручепятка—ноженятка манисеньки, якъ іи стару любыла, якъ вчылась... Про усе, усе розсказувала,—а панычъ сыдыть, слухае, чай вже холодный, и

самоваръ вже захолонувъ, а винъ усе слухае,—слёзы сами бижать, на вусы капають...

Довго винъ тутъ жывъ. Самъ не хазяйнувавъ, а усю землю намъ наймавъ. Такъ соби, тильки й того, що мовлявъ «ренда»,—задарма виддавъ...

Колы—ось—чутка пишла, що у Туреччыни щось не добре діется, що дуже невирни надъ нашымы знущаются. Дали—бильше: чуемо, що тамъ вже воюють... Знявся тоди нашъ панычъ, пойихавъ зъ туркомъ бытысь... Тамъ ёго и вбыто...

А згодомъ прыйихалы зъ городу паны, зибралы громаду,—кажуть, що намъ, усій громади, панычъ усе свое добро одпысавъ: и землю, и лукы, и лисъ—усе, чысто усе...

Теперъ на панськимъ двори у насъ волость и школа. У хлыгели вчытель жыве. Стару волость дякови оддалы... Та ось заразъ побачыте!..

И справди, мы вже дойихалы до села. Пишлы добри хаткы, зъ кимнатамы,—высоченьки, чы-малы,—знаты, що лисъ не купованный. Усюды садкы, левады,—добре люде жывуть!.. Ажъ ось церква, нова, мурована, зъ высоченною дзвинныцею. Проты церквы велыкый двиръ, будынокъ у ёму, а за нымъ—садокъ.

— Оце-жъ панськый двиръ, оце й волость! Тпру!..

Мій товарышъ пишовъ до волости, а мени якось не схотилось теперъ иты у ти хаты, де колысь бидна панночка жыла.

— А чы можно, пытаю, у садокъ питы, до кручы?

— А чому-жъ, кажуть, не можно?..

Пишовъ я у садокъ. Дерева уси молодыи, пидчыщени, пидмазани. Дали—школка: ще молодши деревця, до дрючкивъ поувязани, пидризани. Це вже, лыбонь, сами люде хазяйнують, новый садокъ розводять...

Дали до ричкы; бачу—стоять велыки, стари дерева. Пишовъ я туды. Гущавына... Оттутъ мабуть усе такъ, якъ за панивъ було: кущи, стари клены та ясени, тополи надъ кручею, яворы,—де-яки вже повсыхалы, промижъ ныхъ молоди пиднимаются.

Озырнувсь я: дывлюсь: де-жъ те мисце, що бидна дытына у останній разъ на ёму сыдила, де, не здолавшы зъ своею велыкою тугою, загубыла свій молодый викъ?

Промижъ кущамы калыны и глоду блыснувъ проты мене билый хрестъ. Я дійшовъ до кущивъ и втрапывъ на вузеньку, стару стежку. Кущи розступылыся й па невелыкій прогайловыни, па прыгорку, я опынывсь проты двохъ могылъ. Билый хрестъ стоявъ надъ меньшою, що блыжче до кручы. На другій лежавъ чорный каминь. Я пидійшовъ до хреста. Ледве мрило па мидній таблычци напысане: «со святымы... рабу твою...

Тыхо... Бурьяномъ заросла могыла... кризь ёго, якъ дытячи очи зъ пидъ волосся, ще проглядае барвинокъ. Березкою обвыто хрестъ... Кущи нахылылысь, обступылы прыгорокъ, стари тополи мовчкы стоять кругъ долыны. Пидъ кручею, надъ водою—чорною, непроглядною, тыхенько шепочуть яворы, вербы. Мережкою мріе на сынему неби тонке виття—и голосно та радистно десь высоко спивае жайворинокъ...

— Помылуй, Господы, душу твою, бидна дытына!—промовывъ я,—и здалось мени, наче не я одынъ туть молюсь: якъ ставныкы кругъ домовыны, стоялы тополи; якъ зависы у церкви, мрила мережка на ясному неби; якъ тыха молытва, ишовъ до Бога шепитъ одъ яворивъ, лынувъ чыстый голосъ жайворинка,—и молылысь мы уси за тяжкый, ще й доси незамоленный грихъ нашыхъ батькивъ, за щыру молоду душу, що перша туть замолыла ёго,—за ёго оддала и свій радистный дивочій викъ...

Мих. Сосновськый.

Библіографія.

Істория України-Руси, написав Олександр Барвінський. *Коштом і заходом Товариства «Просьвіта». У Львові, 1904, 1—125 in 16⁰+карта.*

Істория України-Руси (з образками), написав Олександер Барвінський. *У Львові, 1904. Накладом Товариства «Просьвіта», 1—39, in 16⁰.*

Г. Олександеръ Барвинській—авторъ, пріобрѣтшій въ Галичинѣ почетную извѣстность многочисленными трудами, преимущественно популярными—«Читанками» для школъ, пособіями и т. п. По украинской исторіи въ 80-хъ г.г. имъ была написана »Історія Руси» въ 5 частяхъ[1]), а также «Ілюстрована Історія Руси» въ 1890 г., второе изданіе которой авторъ предполагаетъ дать въ текущемъ году. Въ настоящее же время предъ нами лежатъ два популярныхъ изданія—краткій и кратчайшій очерки украинской исторіи „для тих, що не мають спромоги і часу читати великих наукових книжок про минувшину“ (Краткій оч., стр. 5), „для тих що не мають часу розчитуватыся в обемистих книжках про нашу бувальщину“ (Кратчайшій, стр. 2).

Понятно, изданія подобнаго рода не только желательны, но и необходимы для ознакомленія широкихъ слоевъ украинскаго общества съ важнѣйшими событіями нашего прошлаго, чтобы каждый сынъ родной земли зналъ

[1]) Реценз. см. въ „Кіевск. Стар.“, 1883, № 2 и 1884, № 8.

„Що діялось в сьвіті,
Чія правда. чія кривда
І чии ми діти!“

Но одного добраго намѣренія автора еще мало, а необходимо, помимо достаточнаго знакомства съ трактуемымъ предметомъ, объективное, безпристрастное отношеніе къ совершавшемуся, безстрастное изложеніе важнѣйшихъ фактовъ... Къ сожалѣнію, этого мы не можемъ сказать о популярныхъ брошюрахъ г. Барвинскаго: имъ руководила извѣстная тенденція, которая хотя и не всецѣло поглотила его, но все же весьма рельефно даетъ себя видѣть въ изложеніи обоихъ очерковъ. Эта тенденція хорошо знакома русскимъ читателямъ въ изданіяхъ опредѣленнаго направленія, и содержитъ въ себѣ три основныхъ тезиса: Богъ, царь и отечество... Оставляя въ сторонѣ послѣднее, какъ нестоящее въ брошюрахъ г. Барвинскаго въ противорѣчіи съ истиной (какъ это обычно бываетъ въ аналогичныхъ русскихъ изданіяхъ), остановимся на первыхъ двухъ. Чрезмѣрное и притомъ спеціально профессіональное (уніатское) благочестіе настолько сильно проявляется въ брошюрахъ г. Барвинскаго, что мы никогда не заподозрили бы въ лицѣ автора особу свѣтскаго званія, если бы доподлинно этого не знали. Наприм. на стр. 10, примѣч. 2. (Кратч. изд.) разсказывается о томъ, что когда Владиславъ Опольскій возвращался въ Польшу, то взялъ съ собой изъ Белзской церкви чудотворную икону Пр. Богородицы, „котрий (образ) по переказу (?) в дарі дістав Володимир Великий за царівною Анною з Царгороду. Сей образъ переніс Владислав Опольский до Ченстохови, де він до нині находится“—фактъ, въ поискахъ котораго дѣйствительно пришлось бы читателю очень долго „розчитуватысь въ обемистих книжках“,—по крайней мѣрѣ въ обширной исторіи Украины-Руси М. Грушевскаго мы его не находимъ. Не забылъ, конечно, авторъ упомянуть и о Мономаховой шапкѣ, присланный изъ Греціи: „Сей вінець, званий „Мономаховою шапкою“, є до нині в Москві (Кратк. стр. 17). По этому поводу мы бы посовѣтовали г. Барвинскому „розчитаться“ въ III т. „Очерковъ по исторіи русской культуры“ Милюкова, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ... Говоря о Даніилѣ Галицкомъ, авторъ тенденціозно трактуетъ объ отношеніяхъ его къ папѣ и видитъ здѣсь начало уніи на Руси. По его утвержденію, „Папа призволив Русинамъ придержуватися обрядів грецькоі церкви, бажаючи довести, до з'единення східноі церкви грецькоі

із західною, римско-католицкою (Кр. оч., стр. 23), и далѣе: „до кінця XI столітя царгородский патріярх *признавав ще Папу Римского головою церкви.* Аж в 12-м столітю розірвалася звязь між Царгородом а Римом і такъ християнська Церква розділилася на західну і східну. А що Русь оставала в звязи з Царгородом, отже й через те *відлучилася* від західноі (римско-католицькоі) Церкви“ (Ibid. стр. 27, прим. 1). Столь же безпристрастно излагаетъ авторъ исторію церковной Берестейской уніи (стр. 45—48), не преминувъ упомянуть о томъ, что православные убили Кунцевича, „котрий з великою ревностю дбав про розширене уніі“, а католическая церковь (съ 1867 г.) причислила его къ лику святыхъ... Не упоминая совершенно о роли братствъ въ дѣлѣ религіозной борьбы съ католичествомъ и уніей (не будемъ забывать, что авторъ пишетъ для уніатовъ!), о выдающихся дѣятеляхъ на этомъ поприщѣ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, авторъ находитъ нужнымъ сказать лишь, что „наслідником Потія на київскім митрополичім престолі став Велямин Рутский, що двигнув із занепаду до давноі слави і сьвітлости чин Св. Василія В.“ (Ib., стр. 46; приложенъ портретъ Рутскаго), а относительно Смотрицкаго *буквально* сказано лишь слѣдующее: „Але найбільший его (Кунцевича) противник, православний архіепископ Смотрицкий покинув відтак (затѣмъ) православіе и приняв унію (стр. 47). Но если здѣсь можно было еще автору извернуться, прибѣгая къ умолчанію и другимъ способамъ то нельзя было уже умолчать о протестѣ козачества противъ уніи. Какъ автору выйти изъ этого затруднительнаго положенія? Оказывается, не трудно... Видите ли, общее недовольство народныхъ массъ на Украинѣ усилила еще и церковная унія, *измѣнившая бывшее общественное устройство украинской церкви* (и только лишь!!) Всѣ должности отъ самыхъ низшихъ и до самыхъ высшихъ были выборныя „а тепер іменувала іх церковна влада або Папа Римский“...—и больше ничего! „*Тимто* (?!) козаки виступили також проти церковноі уніі, котра змінила сей громадский устрій вруській Церкві“ (стр. 61). Неправда ли, коротко, просто и ясно? А что пришлось сдѣлать крупную передержку съ исторіей—это пустяки:

надо же помнить, что книжка пишется для уніатовъ!

О „цісарѣ“ (австрійскомъ) автору, конечно, не было возможности говорить на пространствѣ всей исторіи Руси-Украины до XIX ст., но за то въ этомъ послѣднемъ періодѣ ссылки на его авторитетъ приводятся кстати и некстати. Такъ, напр., заговоривъ объ основаніи во Львовѣ Народного Дому, авторъ не преминулъ вставить, что „сам цісар

окруженнй рускими достойниками і численним народом, промовив: приязно: „Тутъ я між моіми Русынами“ (стр. 110); что въ 1880 г. Францъ-Іосифвъ, услыша о дѣятельности „Просьвіти“, сказалъ: «Се товариство є вельми хосенен» (стр. 115, прим. 3); что гдѣ-то и когда-то архикнязь Рудольфъ выразился: «Русини—се стариний нарід культурний» (стр. 117) и др.

Помимо тенденціозности, брошюры г. Барвинскаго грѣшатъ коегдѣ и противъ истины, свидѣтельствуя о томъ, что авторъ не всегда стоитъ на уровнѣ современнаго историческаго знанія. Правда ли, напр., что когда княгиня Ольга стала христіанкой, то «з того часу починає з Царгороду христіанська віра *помалу ширитися на Руси?*» (Кратчайш., стр. 4). А Церковь Иліи въ первой половинѣ X в. въ Кіевѣ? А почему въ договорѣ 944 г. христіанская Русь выступила рядомъ съ языческой, и даже на первомъ мѣстѣ? Насколько затѣмъ безусловно вѣрно, что Олегъ «зробив Киев столицею всеі Руси?» (стр. 7). Вѣдь на дѣлѣ-то выходитъ, что не Кіевъ былъ пріобрѣтеніемъ Новгода (и Олега), а совсѣмъ наоборотъ... Поэтому и не Олегъ «зробывъ» Кіевъ столицей, а самъ онъ «зробывся» въ силу различныхъ иныхъ историческихъ причинъ... Сомнительно также, чтобы Ольга «перша з княжоі родини на Руси» стала христіанкой. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что христіанство принялъ еще раньше Аскольдъ... Въ томъ, что кіевляне-язычники приносили Перуну кровавыя жертвы (стр. 10)—также новѣйшая исторіографія весьма сомнѣвается... Легенда о томъ, что Владиміръ разсылалъ бояръ для отысканія лучшей вѣры; о томъ, что рѣшилъ креститься, если возьметъ Херсонесъ, и когда по взятіи его потребовалъ отъ греческихъ императоровъ отдать за него сестру Анну, то послѣдніе «урадовані... прислали свою сестру до Корсуня і сьвящеників, котрі охрестили князя, его синів і дружину»—легенда эта потеряла въ настоящее время всякій кредитъ, и дѣйствительность гласитъ, что дѣло было совершенно иначе: Владиміръ добивался руки Анны, и *ему* поставили условіемъ крещеніе; когда онъ крестился, а Анны все-таки за него не отдавали, то тогда онъ въ отместку приступилъ къ осадѣ Херсонеса... Не вѣрно, что князь совѣтовался съ дружиной «про вси справи» и что вѣче «скликував сам князь» (стр. 25); мы знаемъ, что его созывали не рѣдко сами граждане и принимали рѣшенія, которыя князьямъ не рѣдко доставляли мало удовольствія... Пора бы также выбросить изъ книжнаго обихода легенду о Баторіевой реформѣ (Краткій оч. стр. 61, 90, 91 и 21—Кратчайшій)... Откуда также авторъ взялъ, что при Баторіи козаковъ было

до 80 тысячъ? Вѣроятно, онъ подъ этимъ подразумѣваетъ: «всего населенія?» «Королівский уряд не знав добре українських земель і робив великі *похибки* з тим роздаванем земель шляхті» (стр. 63). Хороши сплошныя «ошибки» въ теченіе цѣлыхъ 80 лѣтъ до Хмельницкаго! Не вѣрно также, что во время возстаній реестровые козаки стояли на сторонѣ или помогали полякамъ (стр. 64). Въ дѣйствительности, реестровые очень рѣдко бывали на сторонѣ поляковъ, а въ большинствѣ случаевъ соединялись съ козачествомъ. „Сагайдачного потвердив король кошовим запорожского війска і він *став зватися* гетьманом" (Кратк. оч., 67), «затвердыв Сагайдачного кошевим запорожского війска і *гетьманом»* (Кратчайш., стр. 22)... Вѣрно ли это? Впервые польское правительство признало и объявило *гетьманомъ* лишь Богдана Хмельницкаго... А что Сагайдачний «став зватися» гетьманом, то это не диковина: и Дашковичъ, и Лянцкоронскій, и Ивоня, и Ружинскій и множество иныхъ авантюристовъ и предводителей тоже «звалися» гетьманами... Характерно отмѣтить, что въ болѣе полномъ очеркѣ авторъ выражается нѣсколько осторожнѣе, тогда какъ въ другомъ, еще болѣе популярномъ, считаетъ, что и такъ сойдетъ. Одинъ примѣръ, относительно признанія Сагайдачнаго гетьманомъ, мы уже указали; другой можемъ указать слѣдующій: въ болѣе полномъ очеркѣ...—«Мазепа... піднявъ Киівську Академію до значенія університету» (стр. 84). а въ краткомъ: *перемінив* Киівську академію в університет» (стр. 30). Непросвѣщенный читатель межетъ такъ и остаться въ томъ убѣжденіи, что со временъ Мазепы въ Кіевѣ существуетъ университетъ, и пожалуй готовъ будетъ отнести красное зданіе Кіевскаго университета къ числу мазепинскихъ строеній... И еще одинъ. Въ болѣе полномъ говорится, что въ 1861 г. въ Россіи уничтожено крѣпостное право, до чого головно причинився кріпацкий син Шевченко своіми огненними піснями» (стр. 101). тогда какъ въ краткомъ: «своіми огненними піснями *довів до того, що в 1861 р. знесено кріпацтво в Росиі»* (стр. 37). Какъ это ни пріятно было бы нашему національному самолюбію, но правда дороже всего, и намъ остается лишь удивляться, зачѣмъ это автору понадобилось здѣсь, да и въ другихъ случаяхъ, какъ мы видѣли, переиначивать истину въ... неистину. Ad majorem nationis gloriam?...

Языкъ брошюръ довольно хорошъ, но все же ухо наше не можетъ примириться съ такими выраженіями, какъ племя «підчинило

собі другі», Володимір (і Гедимін) былъ князь «емкий», «лишений (лишенный?) просьвіти», «коротае житя»...

Оба изданія снабжены иллюстраціями. Въ краткое вошли изображенія Владиміра Св., Данила Галицкаго, Петра Могилы, Запорожской Сѣчи, Сагайдачнаго, Б. Хмельницкаго, Цисаря Франца Іосифа I и Шевченка,—подборъ въ общемъ довольно удовлетворительный. Въ болѣе полномъ очеркѣ иллюстрацій горздо больше; за исключеніемъ изображеній Владиміра и Ольги, Веніамина Рутскаго и Смотрицкаго—иллюстраціи весьма умѣстны и интересны (нѣсколько бытовыхъ снимковъ, изображеній гетмановъ). Жаль только, что подъ видомъ Кіево-Софійскаго собора изображена здѣсь какая-то невѣдомая церковь. Къ болѣе полному очерку приложена и карта, не имѣющая однако же никакого значенія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ разберется въ ней малообразованный читатель, увидя на картѣ рядомъ съ надписью «Улічі»—«Катеринослав»; рядомъ съ «Деревлянами» — «Пілявці», «Хмельник»; пониже надписи «Сіверяне»—«Гадячъ», «Харків», «Слобідска Украіна» и т. п.

Вообще же появленіе брошюръ г. Барвинскаго, какъ популярныхъ очерковъ для народа, мы не можемъ привѣтствовать, съ точки зрѣнія нашего, ни галицкаго читателя; думаемъ, что и для галицкаго читателя нельзя ихъ считать крупнымъ прібрѣтеніемъ...

В. Д.

Леонидъ Глибивъ. Творы. Выдавныцтво „Викъ" № 14. *У Кыиви, 1904. 365 стор. цина 75 коп., на кращому папери 1 р. 25 коп.*

Басня, какъ простѣйшій родъ поэзіи, встрѣчается у каждаго народа на первыхъ же ступеняхъ его культурнаго развитія. Довольно часто однѣ и тѣ же фабулы обрабатываются многими писателями, причемъ произведеніе ихъ цѣнится главнымъ образомъ въ зависимости отъ того, насколько автору его удалось общечеловѣческій мотивъ культивировать на родной почвѣ, примѣнивъ его содержаніе къ понятіямъ и свойствамъ родного народа.—Задача эта, на первый взглядъ повидимому несложная, но на дѣлѣ требующая для успѣха несомнѣннаго дарованія, привлекала къ себѣ многихъ писателей, но среди многихъ званныхъ почти вездѣ оказывалось мало избранныхъ.

Въ новѣйшей украинской литературѣ писаніемъ басенъ занимались Гулакъ-Артемовскій, Гребинка, Боровиковскій, Шевченко, Старицкій, Гринченко, Зинкивскій, Жарко и друг., но, какъ у великороссовъ высшаго своего совершенства басня достигла лишь у Крылова, такъ въ украинской литературѣ пальма первенства въ этомъ родѣ творчества принадлежитъ Леониду Ивановичу Глибову.

До послѣдняго времени изъ произведеній Глибова въ продажѣ обращались только его „Байки", пользовавшіяся, благодаря своимъ достоинствамъ, неизмѣннымъ успѣхомъ среди публики при каждомъ новомъ изданіи. Но значительную часть своихъ произведеній Глибовъ принужденъ былъ печатать не въ Россіи, а въ заграничныхъ украинскихъ изданіяхъ не потому, конечно, чтобы въ своихъ твореніяхъ онъ старался подрывать основы государства Россійскаго, а по той простой причинѣ, что они предназначались для дѣтскаго чтенія, а извѣстный циркуляръ 1876 года лишаетъ украинскихъ дѣтей, какъ и украинскую дѣтскую литературу, правъ на существованіе и „до сего дне" признаетъ ихъ плодомъ запрещеннымъ. Такимъ образомъ Глибовъ, подобно большинству своихъ собратій по перу, живя на Украинѣ, принужденъ былъ писать для закордонной страны Галичины, гдѣ изъ журналовъ и сборниковъ его имя сдѣлалось извѣстнымъ и близкимъ во всякой интеллигентной русинской семьѣ. На родинѣ же нашъ поэтъ, благодаря указанной выше посторонней причинѣ, пользовался при жизни гораздо меньшей извѣстностью, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ заслужилъ.

Но никакимъ искусственнымъ преградамъ не порвать той внутренней, духовной связи, которая устанавливается помимо канцелярскихъ распоряженій между народомъ и лучшими его сынами. У Глибова эта связь сказалась въ томъ, что многіе образы и выраженія изъ его басенъ сдѣлались ходячими въ народѣ, а нѣкоторыя стихотворенія его усвоились народомъ и распѣваются по всей территоріи Украины, какъ настоящія народныя пѣсни (напр. „Стоить гора высокая").

Въ послѣднее время книгоиздательство „Викъ" подъ № 14 своей серіи украинской библіотеки выпустило „Творы" Глибова, которые заключаютъ въ себѣ все написанное покойнымъ поэтомъ по-украински, за исключеніемъ самаго ранняго его стихотворенія „Остапова правда", оракула „Ворожка" и двухъ смѣшаннымъ языкомъ написанныхъ—

комедій: „Типическія сцены съ живыми картинами“ и „Веселые люди или кровь-не вода“ („Хуторяночка“), которыя не имѣютъ особыхъ литературныхъ достоинствъ.

Кромѣ печатавшихся раньше, значительная часть произведеній Глибова появляется въ печати тутъ впервые, будучи извлечена изъ рукописей и автографовъ покойнаго поэта.

„Творы“ раздѣлены на четыре отдѣла; въ первый отдѣлъ вошли байкы (107 №№), во второй—загадки (27 №№), жарты, акростихи (12 №№) и двѣ стихотворныхъ сказки, изъ которыхъ одна неокончена; въ третій—стихотворенія различнаго содержанія (36 №№), а также отрывки изъ неоконченной поэмы „Перекотыполе“; наконецъ въ четвертомъ отдѣлѣ помѣщена комедія въ одномъ дѣйствіи „До мырового “. Въ каждомъ отдѣлѣ произведенія расположены въ хронологическомъ порядкѣ съ обозначеніемъ. за рѣдкими исключеніями, мѣста и времени перваго напечатанія каждаго произведенія. Въ началѣ книги помѣщена біографія поэта, написанная его другомъ Ол. Тыщинськымъ, и приложены два портрета Глибова, а также видъ его могилы.

Такимъ образомъ въ настоящемъ изданіи украинская публика имѣетъ, можно сказать, первое полное собраніе сочиненій одного изъ даровитѣйшихъ своихъ поэтовъ. Намъ особенно пріятно отмѣтить эту новинку на украинскомъ книжномъ рынкѣ въ виду того, что всѣ почти сочиненія Глибова по своей формѣ и содержанію доступны самому простому, даже дѣтскому пониманію. У насъ очень мало хорошихъ дѣтскихъ книгъ, а „дидусь Кениръ“ (обычный псевдонимъ поэта) такъ прекрасно понималъ дѣтскую душу, умѣлъ заинтересовать ее своими твореніями, полными глубокой наблюдательности и живой мысли, заключенной въ изящную поэтическую форму, съ блестящимъ стихомъ, мѣткимъ остроуміемъ и тонкимъ юморомъ.

Но сочиненія Глибова прочтутся съ интересомъ не только дѣтьми; многія его произведенія написаны на общественные мотивы и доставятъ много пищи для ума и сердца всякаго развитаго читателя.

Чисто народные обороты рѣчи, выраженія, образы и сравненія придаютъ особую живость языку Глибова. Среди персонажей его байокъ вы не встрѣтитесь съ Зевесомъ, Нептуномъ, Зефиромъ, Аквилономъ, Авророй и тому подобными, излюбленными баснописцами, классическими именами, зато съ удовольствіемъ остановитесь на сценкѣ

или залюбуетесь типомъ, какъ-бы выхваченнымъ изъ дѣйствительной украинской жизни. Олицетворенные герои мѣстной фауны и флоры также надѣлены Глибовымъ хорошими и дурными сторонами типичныхъ украинцевъ. Авторъ оказывается также мастеромъ и въ описаніяхъ украинской природы, изображая ее съ особенной теплотой и любовью.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько о комедіи „До мырового". Она появляется въ печати уже во второй разъ; первое ея изданіе уже давно разошлось и представляетъ собою библіографическую рѣдкость.

При современномъ положеніи украинскаго театра, комедія эта имѣетъ значеніе больше историческое, хотя и теперь, появляясь иногда на любительской сценѣ, пользуется успѣхомъ, подобно комедіи М. П. Старицкаго „Якъ ковбаса та чарка, то мынется и сварка", съ которой она имѣетъ очень много общаго.

По внѣшности изданіе представляетъ собою отпечатанный на хорошей бумагѣ изящный томикъ въ 365 стр., цѣна которому 75 коп. должна быть признана вполнѣ общедоступной.

М. П—скій.

Т. Рыльскый. Про херсоньски заробиткы. Выдавныцтво „Викъ" *коштомъ кныгарни „Кіевской Старины". 90 стор. цина 10 коп.*

Настоящая брошюра является результатомъ многолѣтнихъ наблюденій извѣстнаго знатока народной жизни Фаддея Рыльскаго. По его словамъ „до 125,000 народа иде що року на заробиткы въ Херсоньску губернію зъ Подольськои, Кыивськои, Полтавськои и Черниговськои губерніи. Дуже часто чоловикъ иде даремне туды, де ёго праця слыве непотрибна, або платять за неи дуже мало. Часомъ може винъ втратыты добри заробиткы тоди, колы воны есть. Щобъ сёго не було, треба-бъ знаты, якый въ якому повити врожай, чы багато ихъ ще треба, по чому платять. Такыхъ порядкивъ, щобъ про це все сповищаты людей, не заведено ще й доси, але можна де-що тутъ и самымъ за для себе зробыты"... Приходя на помощь „заробитчанамъ", Рыльскій называетъ главнѣйшіе рабочіе рынки въ херсонщинѣ, указываетъ стоимость проѣзда къ нимъ и приводитъ сроковыя, помѣсячныя и поденныя цѣны на рабочія руки за восьмилѣтній періодъ (1889—1896 г.). За тяжелую (лѣтомъ до 15 рабочихъ часовъ въ сутки) работу

иногда въ самыхъ антигигіеническихъ условіяхъ (напр. при молотилкахъ), рабочій получаетъ плату, колеблющуюся отъ 30 коп. до 1 р. 20 коп. въ день, отъ 7 до 25 руб. въ мѣсяцъ и до 60 руб. за срокъ съ мая по сентябрь. Авторъ даетъ много практическихъ совѣтовъ: не особенно спѣшить съ весны въ дорогу, предварительно сноситься всякій разъ по телеграфу съ завѣдующими продовольственными пунктами о спросѣ и предложеніи-рабочихъ рукъ, непремѣнно уговариваться съ работодателями объ условіяхъ труда, харчахъ, жилищѣ, возможной болѣзни и т. п.

Другая половина книжки содержитъ въ себѣ самыя точныя указанія стоимости проѣзда на рабочіе рынки по желѣзной дорогѣ или пароходомъ отъ болѣе извѣстныхъ мѣстечекъ и городовъ сосѣднихъ съ Херсонской губерніей. Въ концѣ приложена карта херсонщины и пересѣкающихъ ее желѣзныхъ дорогъ.

Приведенныя въ брошюрѣ цифровыя данныя могли конечно за послѣднихъ 8 лѣтъ измѣниться, тѣмъ не менѣе книжка не утратила своего значенія и въ настоящее время. Намъ не приходится распространяться на тему о насущной потребности популяризаціи свѣдѣній подобныхъ приведеннымъ въ этой брошюрѣ: за самое короткое время она выходитъ уже третьимъ изданіемъ при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, которыми обставленъ сбытъ украинской книжки.

М. П—скій.

„Щаслывою стежкою“. *Оповидання № 45.* **Выдавныцтво „Викъ“** *1904 р. Кыивъ. 112 стор. цина 10 коп.*

Книжка эта заключаетъ въ себѣ три переводныхъ разсказа изъ дѣтской жизни. „Щаслывою стежкою“ пошелъ герой перваго разсказа мальчикъ Матвій, сдѣлавшійся хорошимъ кузнецомъ и своей честностью, обходительностью и трудолюбіемъ снискавшій себѣ всеобщія симпатіи. Хорошо устроилась также судьба бѣднаго Юрка, случайно попавшаго къ добрымъ людямъ послѣ того, какъ онъ въ отчаяніи бѣжалъ куда глаза глядятъ отъ невыносимыхъ истязаній хозяина сапожника. Особенно интересенъ разсказъ въ видѣ дневника дѣвочки Насти—„Що зо мною було“. Предъ нами цѣлый рядъ злоключеній подвижного ребенка, непосредственной натуры, еще неиспорченной ложью, пропитавшей собою всю жизнь взрослыхъ. Всѣ три разсказа

вполнѣ подходятъ къ дѣтскому чтенію, хотя первому въ значительной степени вредитъ нѣкоторая сухость и монотонность изложенія— качества нерѣдко сопутствующія переводамъ съ иностранныхъ языковъ.

Такимъ образомъ, какъ содержаніе, такъ и рисунокъ на обложкѣ, изображающій нарядную дѣвочку съ куклой въ рукахъ, говорятъ о томъ, что сборничекъ этотъ предназначенъ не для мужицкихъ ребятъ, а для дѣтей украинской интеллигенціи и является первымъ опытомъ такихъ изданій, которыя должны вытѣснить глупѣйщія книженки съ раскрашенными картинками, рекомендуемыя книгопродавцами въ качествѣ лучшихъ подарковъ для дѣтей. Будемъ надѣяться, что благое дѣло не замедлитъ принести свои добрые плоды. Пока нѣтъ ничего лучшаго, приходится ограничиваться и тѣмъ, что имѣемъ. Отъ души привѣтствуемъ новое направленіе въ незамѣтной упорной культурной работѣ неутомимыхъ тружениковъ, находящихъ въ себѣ силы трудиться на пользу родной земли при самыхъ невыносимыхъ условіяхъ.

М. П—скій.

Иванъ Франко. „Безъ праци“. *Казка.* **Выдавныцтво „Викъ“ № 41.** *Кыивъ 1904 151 стр.; цина 12 коп.*

Въ основѣ фантастическаго разсказа Ивана Франка „Безъ праци“ лежитъ мысль о необходимости труда. Всѣми признанный за лѣнтяя „наймытъ“ Иванъ Линюхъ увидѣлъ во снѣ старика волшебника и въ благодарность за оказанную ему услугу получилъ отъ него въ награду чудодѣйственный перстень, который удовлетворялъ всѣ пожеланія своего владѣльца. Сначала онъ былъ очень доволенъ подаркомъ старика: онъ могъ ничего не дѣлать и пользоваться всѣми благами жизни; но скоро это перестало его удовлетворять. „Перстинь сповнявъ тильки ясно означени бажання, а такыхъ загальныхъ, якъ „хочу буты вдоволенымъ“, або „хочу буты счаслывымъ“ перстинь не мигъ сповныты. Все дававъ ёму перстинь кримъ счастя и внутришнёго вдоволення. Тысячу разивъ пробувавъ винъ занятыся чымъ-небудь, але завсигды якась невыдыма рука вытручувала ёму зъ рукъ роботу, що винъ самъ хотивъ зробыты; все въ одній хвыли вже лежало передъ нымъ, зроблене безъ ёго. Забавкы наскучылы ёму, товарыство було ёму не до душы. Зовсимъ стратывъ охоту до жыття; сохъ що разу

бильше и спадавъ изъ сылъ. Ликари нарадылы ёму рухъ и змину повитря. Воля ёго, не находячы соби нигде стрыму, а ни перепкодъ, а ни границь, ослабла. Тильки теперъ винъ дознався настояще, *що праця—це не тильки твердый обовязокъ чоловика, але прямо умова ёго жыття, конечна для жыття такъ, якъ повитря до дыхання. Дизнався, що безъ праци чоловикъ звильна перестае буты чоловикомъ, самостійною истотою. Недостача тои людськои самостійносты не надгородять ёму ніяки скарбы, ніяки роскоши, бо все здобуте безъ праци является чымось чужымъ для чоловика, якымось прывыдомъ, холодною лудою, яка не насычуе духа, а тильки ёго знеохочуе и затроюе.*"

Наконецъ Иванъ пришелъ къ сознанію, что этотъ перстень является несчастьемъ его жизни, и возвращаетъ его волшебнику. „Позбувшыся перстеня, винъ почувъ себе въ десятеро сыльнищымъ здоровшымъ и смилишымъ, нижъ бувъ передъ хвылею. И тоди тильки пизнавъ, яке то добро для чоловика праця".

На этомъ мѣстѣ онъ просыпается. „И хочъ уси прыгоды булы тильки сномъ, але любовъ до праци, яку зъ ёго вынисъ, лышылася у ёго на весь викъ".

Таково вкратцѣ содержаніе сказки Франка. Разсказъ обладаетъ всѣми достоинствами, свойственными перу этого писателя. Умѣлый разсказчикъ Франко способенъ заинтересовать своего читателя, заставить его призадуматься, поразмыслить надъ вопросомъ, въ чемъ заключается счастье, поглубже присмотрѣться къ жизни— и такимъ образомъ цѣль автора несомнѣнно будетъ достигнута. Побольше бы намъ такихъ сказокъ.

М. П.

Обзоръ украинскихъ изданій 1904 года.

Просматривая за минувшій годъ каталоги книжныхъ магазиновъ, публикаціи о новоизданныхъ книгахъ, газетныя и журнальныя замѣтки и отзывы, мы встрѣчаемъ очень мало извѣстій о новыхъ украинскихъ изданіяхъ. Три-четыре солидныхъ книги, да кромѣ того десять популярныхъ брошюръ, частію научныхъ, но преимущественно беллетристическаго содержанія—вотъ и все, что далъ украинской литературѣ истекшій 1904 годъ. Съ другой стороны, раскрывая изящно из-

данный юбилейный сборникъ, вышедшій въ Кіевѣ подъ названіемъ *«На вичну памъять Котляревському»*, содержащій въ себѣ рядъ болѣе или менѣе талантливыхъ произведеній всѣхъ видовъ литературнаго творчества, мы констатируемъ наличность въ данное время въ украинской литературѣ нѣсколькихъ десятковъ силъ. И при такомъ числѣ литературныхъ работниковъ такая слабая въ количественномъ отношеніи продукція! Фактъ изумительный, особенно если вспомнить, что 25 милліоновъ украинскаго народа ждетъ и проситъ духовной помощи на доступномъ ему языкѣ. Нашему изумленію отъ этого грустнаго явленія не было бы предѣла, если бы мы не знали иистинныхъ его причинъ. Къ счастію, въ послѣднее время приподнята завѣса надъ тѣмъ, что до сихъ поръ роковымъ образомъ тяготѣло надъ украинской литературой и что обыкновенно принято было туманно называть «независящими обстоятельствами». Въ цѣломъ рядѣ ходатайствъ, петицій, заявленій и пр., поданныхъ какъ отдѣльными лицами и собраніями, такъ и учрежденіями, съ совершенной ясностію указаны тѣ условія, примѣненіе которыхъ, какъ сказано въ извѣстномъ постановленіи комитета министровъ, вредно отзывается на подъемѣ культурнаго уровня широкихъ массъ украинскаго народа. Эти невозможныя условія, подъ гнетомъ которыхъ безусловно опускаются руки у дѣятелей украинскаго слова въ предѣлахъ Россійской Украины, существовали во всей силѣ въ минувшемъ году, продолжаютъ существовать и въ настоящее время. А при такомъ положеніи вещей, не можетъ вызывать истиннаго уваженія къ себѣ любовь къ дѣлу и энергія украинскихъ работниковъ, давшихъ родной литературѣ въ минувшемъ году такъ, повидимому, немного. Говоримъ *«повидимому»*, такъ-какъ ихъ трудъ, помимо своей качественной стороны, пріобрѣтаетъ особенную цѣнность еще въ силу условій самого своего появленія.

При отсутствіи въ Россіи украинскаго литературнаго органа, произведенія украинскихъ писателей, и то лишь беллетристическія, періодически появлялись до сихъ поръ на страницахъ нашего журнала. «Кіевская Старина» въ минувшемъ году помѣстила произведенія И. Франка, М. Коцюбинського, М. Чернявського, В. Винниченка, Днипровои Чайкы, Лысака-Тамаренка, Майорського, Непыйводы, Степанця, Трубы и др. Кромѣ того помѣщенъ историческій очеркъ Л. М. *„Останній Гирей“* на украинскомъ языкѣ; также на украинскомъ языкѣ этнографическое изслѣдованіе М. Г. *„Дытячи забавкы та гры всяки“*.

Изъ альманаховъ, усиленное появленіе которыхъ за послѣдніе годы находитъ себѣ объясненіе въ неудовлетворенной потребности въ самостоятельномъ украинскомъ органѣ, вышелъ, изданный *„Викомъ"*, упомянутый уже нами сборникъ *„На вичну памьять Котляревському"*. Это едва ли не самое солидное изданіе за минувшій годъ. Другимъ крупнымъ изданіемъ являются *„Творы Леси Украинкы"*,—собраніе стихотвореній извѣстной украинской поэтессы, вышедшее въ Кіевѣ подъ поэтическимъ названіемъ *„На крылахъ писень"*. Далѣе, изъ отдѣльныхъ изданій назовемъ весьма цѣнное во многихъ отношеніяхъ изданіе *„Творы Леонида Глибова"*, представляющее намъ первое полное собраніе всѣхъ литературныхъ произведеній покойнаго баснописца. *„Творы Леонида Глибова"* изданы *„Викомъ"* въ качествѣ 14 тома „Украинской библіотеки". Въ 13 томѣ этой библіотеки помѣщена „беллетрыстычна спадщына" проф. Львовскаго университета М. Грушевскаго—*„Оповидання"*

Кромѣ упомянутыхъ трехъ изданій „Вика", этой фирмой изданы еще слѣдующія книжки: *Марко Вовчокъ—„Кармелюкъ"; Марко Вовчокъ—«Сестра; 300 найкращыхъ украинськыхъ писень"; Панасъ Мырный—„Морозенко"; І. Франко—„Безъ Праци»; О. Марковычъ,—„У наймы"; Н. Кобрынська—„Выборецъ"; Ѳ. Рыльскый—„Херсонськи заробиткы"; „Мижъ хмарамы сонечко"; „Щаслывою стежкою"; Л. Глибовъ „Байкы"*—являющіяся продолженіемъ серіи народныхъ изданій (№№ 37—47).

Другая фирма, издающая преимущественно популярно-научныя брошюры,—„Петербургское Общество изданія общеполезныхъ и доступныхъ книгъ"—въ минувшемъ году, кромѣ нѣкоторыхъ повторенныхъ изданій (*„Бжильныцтво" Ф. Немоловскаго, „Якъ дбаешъ, такъ и маешъ" М Ганька)*, дало намъ прелестную брошюру *„Прыгода на хутори" О. Русова* (популярная метеорологія) и кромѣ того книжечку про Рафаэля С. Русовой *„Божа искра"*..

Кажется, что если мы къ указанному нами ряду изданій присоединимъ еще перепечатку извѣстной уже у насъ повѣсти М. Коцюбинського, *„За-для загального добра"* (Черниговъ), да третье изданіе *„Повистокъ та эскизивъ"* А. Крымського, то исчерпаемъ все, что было издано въ предѣлахъ Россіи въ минувшемъ году и что представляется въ той или иной степени имѣющимъ извѣстное литературное значеніе. Объ изданіяхъ другого рода, объединяющихся подъ однимъ общимъ названіемъ литературнаго муссора, въ родѣ *„Жарта въ 1 діи"* А. Грабыны, *„Мужычкы"* или же *„Корынь. Народна драма въ V діяхъ.*

И. Писаренко", намъ едва ли слѣдовало бы говорить, если бы одно обстоятельство не возбуждало нашего недоумѣнiя. Въ Харьковѣ существуетъ почтенная фирма—это Издательскiй Комитетъ Харьковскаго Общества Грамотности, заявившая себя рядомъ изданiй какъ на русскомъ, такъ и на украинскомъ языкѣ, предназначенныхъ для обращенiя въ народѣ. Къ сожалѣнiю, среди украинскихъ изданiй Комитета встрѣчаются такiя, появленiе которыхъ въ лучшемъ случаѣ можетъ быть объяснено только непредусмотрѣннымъ стеченiемъ обстоятельствъ. Категорiя этого рода изданiй представлена у Издательскаго Комитета книжонкой г. Каленыченка „*Нелюдымъ*". *Розмова про те, якъ треба въ свити жыты, щобъ буты багатымъ.* Авторъ сдѣлалъ необычайное открытiе, что причиной бѣдности крестьянъ являются плотники, печники, портные и прочiе ремесленники, къ услугамъ которыхъ онъ совѣтуетъ крестьянамъ не обращаться ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ эти враги метерiальнаго благополучiя крестьянъ только отбираютъ у нихъ деньги и такимъ образомъ лишаютъ ихъ возможности лежать, по примѣру выведеннаго авторомъ героя „Нелюдимаго", „зимою дома, якъ бабакъ на печи". Будемъ надѣяться и желать, чтобы почтенная фирма впредь относилась строже къ выбору матерiала для изданiй на украинскомъ языкѣ.

Въ настоящемъ своемъ обзорѣ мы не касались Галицiи, преднамѣренно остановившись только лишь на украинскихъ изданiяхъ, вышедшихъ въ минувшемъ году въ предѣлахъ Россiи, въ виду того, что здѣсь украинская литература и книгоиздательство находятся въ особыхъ условiяхъ существованiя, въ такомъ исключительномъ, тяжеломъ положенiи, какое не имѣетъ для себя ничего подобнаго въ Украинѣ австрiйской.

В. Поточный.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующiе журналы: 1) Русскiй Архивъ, № 1—4; 2) Русская Старина, № 1—4; 3) Историческiй Вѣстникъ, № 1—4; 4) Всемiрный Вѣстникъ, № 1—4; 5) Вѣстникъ Европы, № 1—4; 6) Мiръ Божiй, № 1—3; 7 Образованiе, № 1—3; 8) Живая Старина, № 1—2; 9) Записки Науков. Товар. iмени Шевченка, т. 62 и 63; 10) Chronik der Ukrainschen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenchaften in Lem-

berg. H. III, № 19; 11) Archiv für Slavische Philologie, B. 27, H. 1; 12) Варшав. Унив. Изв., кн. 1; 13) Извѣстія Истор.-Филол. Инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, т. XXI; 14) Сборникъ Отд. Рус. яз. и Слов. Имп. Акад. Наукъ. т. 76 и 77; 15) Сборникъ Харьков. Истор.-Филол. Общ., т. 14; 16) Учен. Зап. Юрьевск. Унив., № 1; 17) Зап. Новорос. Унив., т. 99; 18) Mittheilungen der Instituts für oester. Geschichte, B. 26, H. 1; 19) Revue archéologique, № 1—4; 20) Revue des traditions populaires, т. 20, № 1—3; 21) Zeitschrift für Ethnologie, H. 1; 22) Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, H. 1; 23) Извѣстія Импер. Акад. Наукъ, т. XXI, 1—2.

Русскій Архивъ 1905 г. № 1—4.

Изъ Елисаветграда. А. П. К. (№ 2. стр. 366—369). Въ этой маленькой замѣткѣ говорится о возникновеніи крѣпости Св. Елисаветы, о могилѣ С. А. Порошина въ Елисаветградѣ и о воспоминаніяхъ въ Елисаветградѣ, связанныхъ съ именемъ кн. Потемкина.

Русская Старина № 1—4.

Н. Лернеръ. Къ исторіи освобожденія крестьянъ (№ 1, стр. 138—153). Въ этой статьѣ приводятся факты крестьянскихъ возмущеній противъ своихъ помѣщиковъ, заимствованные изъ дѣлъ Одесскаго архива бывшаго новороссійскаго генералъ-губернаторскаго управленія. Дѣла эти, начавшіяся въ 1860 году, т. е. за нѣсколько мѣсяцевъ до акта освобожденія крестьянъ, свидѣтельствуютъ о томъ помѣщицьемъ произволѣ, благодаря которому угнетенное крестьянство оказывалось еще привлекаемымъ къ отвѣтственности за тѣ дѣянія, которыхъ не учиняло. Здѣсь-же приводятся выдержки изъ замѣчательной записки новомосковскаго предводителя дворянства Н. Герсеванова, автора знаменитой книжки „Гоголь передъ судомъ обличительной литературы“, знаменитой по своему клеветническому тону. Въ такомъ-же тонѣ написана и эта записка въ обличеніе дѣйствій коммиссіи по крестьянскому вопросу. Читая эту записку, лишній разъ убѣждаешься, что опытъ исторіи не можетъ научить тѣхъ, кто упрямо

склонивъ бодливые рога, идетъ впередъ не озираясь: какъ разъ въ наши дни подобныя-же писанія на современныя темы можно встрѣтить въ опредѣленномъ лагерѣ.

І. А. Горновскій. Къ исторіи харьковскаго земскаго ополченія въ 1812 году (№ 3, стр. 576—598). Здѣсь разсказаны, на основаніи семейнаго архива рода Хорватовъ, эпизоды изъ исторіи харьковскаго ополченія 1812 года, когда Іосифъ Ивановичъ Хорватъ, помѣщикъ харьковскаго уѣзда, единомысленно съ нѣкоторыми другими помѣщиками, выступилъ съ протестомъ противъ сформированія по почину самого дворянства, безъ высочайшаго на то соизволенія, своего земскаго ополченія. Хотя ополченіе и не составилось за ненадобностью его, но Хорвату поставлено было на видъ монаршее неудовольствіе, за его протестъ такъ что Хорватъ въ 1813 году подалъ на высочайшее имя прошеніе, въ которомъ всю вину сваливаетъ на губернатора Бахтина и предводителя дворянства А. Ф. Квитку съ намеками на какія-то личныя причины злобныхъ донесеній на него со стороны губернатора. И Бахтинъ, и Квитка писали по этому поводу длинныя объясненія, текстуально приведенныя въ статьѣ І. А. Горновскаго.

Историч. Вѣстн., № 1—4.

Б. Глинскій. Литературная дѣятельность Д. Л. Мордовцева (№ 2, стр. 579—608). Статья эта написана по поводу исполнившагося въ декабрѣ прошлаго года 50-тилѣтія литературной дѣятельности Д. Л. Мордовцева, извѣстная доля которой была посвящена и нашему украинскому писательству. Краткой оцѣнкѣ этой стороны его литературнаго и научнаго творчества посвящены страницы 601—604.

Д. А. Пахомовъ. По Днѣстру на лодкѣ. (№ 1 и 2). Это есть рядъ путевыхъ замѣтокъ, въ которыхъ въ живомъ изложеніи разсказывается о видахъ, картинахъ, селеніяхъ и городахъ подольской и бессарабской губ., расположенныхъ по Днѣстру.

П. Л. Юдинъ. Н. И. Костомаровъ въ ссылкѣ. (№ 4, стр. 136—153). Здѣсь передано нѣсколько эпизодовъ изъ жизни Н. И. Костомарова въ Саратовѣ, куда онъ былъ сосланъ по дѣлу Кирилло-Меѳодіевскаго Общества въ 1848 г. и гдѣ прожилъ, состоя на службѣ, до 1859 г.

Въ отдѣлѣ *„Критика и библіографія“* помѣщены отзывы о слѣдующихъ книгахъ, касающихся Украины: 1) *М. Грушевскій.*

Очеркъ исторіи украинскаго народа Спб. 1904 г. (№ 2 стр. 694—695); 2) *Иванъ Франко.* Збирныкъ творивъ, 2 тома. Кіевъ 1904 г. (Ibid,, стр. 696—697)—рецензія А. И. Яцимирскаго; 3) *А. Крыловскій.* Львовское Ставропигіальное братство. Кіевъ 1904 г. Ibid. стр. 707—709)—реценз. А. И. Яцимирскаго; 4) *На вичну памъять Котляревському.* Литературный збирныкъ. Кіевъ 1904 г. (Ibid. стр. 709—710)—реценз. А. И. Яцимирскаго; 5) *А. Е. Крымскій.* Филологія и Погодинская гипотеза. Кіевъ 1904 г. (Ibid. стр. 711—717)—рецензія Я. Ав—ва; 6) *И. Абрамовъ.* Царь Максимиліанъ Святочная комедія. Спб. 1904 г. (№ 4, стр. 324—325).

Вѣстникъ Европы, № 1—4.

Ек. Юнге. „Изъ моихъ воспоминаній. 1843—60 гг.“ (№ 2—4). Въ 9-й главѣ этихъ воспоминаній разсказано о моментѣ полученія графомъ Ѳ. П. Толстымъ (отцемъ г-жи Е. Юнгъ) извѣщенія о томъ, что ходатайство его объ освобожденіи Шевченка изъ ссылки привело къ желаннымъ результатамъ (№ 3-й, стр. 170—171). 11-я глава почти вся посвящена превосходнымъ воспоминаніямъ о Шевченкѣ, въ связи съ воспоминаніями о знаменитомъ трагикѣ Ольдриджѣ (№ 4, стр. 763—772).

Въ отдѣлѣ „*Литературное обозрѣніе*“ помѣщена замѣтка о слѣдующихъ книгахъ: 1) „*На вичну памъять Котляревському.* Литерат. збирныкъ. Выдавныцтво „Викъ“. У Кыиви 1904 г. (№ 1, стр. 405—406); 2) *Н. П. Василенко.* „О. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи“. Кіевъ 1904 г. (№ 2, стр. 855—858); 3) *проф. М. Грушевскій* „Очеркъ исторіи украинскаго народа“. Пет. 1904 г. № 3, стр. 410—422); 4) *А. Ефименко.* „Южная Русь“. Очеркъ, изслѣдованія и замѣтки. Т. I. Спб. 1905. (№ 4, стр. 861—862); 5) Статьи по славяновѣдѣнію. Вып. I; Изд. Имп. Ак. Наукъ. Спб. 1904 г. (№ 4, стр. 864—865).

Міръ Божій, 1905 г., № 1—3.

Въ *Библіографическомъ отдѣлѣ* помѣщенъ отзывъ В. Сторожева о книгѣ проф. М. С. Грушевскаго „Очеркъ исторіи украинскаго народа“ (№ 2, стр. 49—51).

Живая Старина, 1905 г., I—II.

Г. Яковлевъ. Пословицы, поговорки, крылатыя слова, примѣты и повѣрья, собранныя въ слободѣ Сагунахъ, Острогожскаго уѣзда (стр. 141—180). Въ краткомъ предисловіи авторъ отмѣчаетъ, что населеніе Острогожскаго уѣзда состоитъ по преимуществу изъ малороссовъ, но малороссійская рѣчь подверглась здѣсь сильнымъ измѣненіямъ и между прочимъ въ ней замѣтно книжное вліяніе. Характеризуя этнографическія черты населенія Острогожскаго уѣзда, авторъ говоритъ, что въ средѣ сельской аристократіи народная старина сохраняется въ болѣе чистомъ видѣ, и отъ нея добыта большая часть издаваемаго имъ матеріала. Авторъ характеризуетъ собранный имъ матеріалъ и объясняетъ тѣ рубрики, на которыя онъ подраздѣленъ въ настоящемъ изданіи. Рубрики эти слѣдующія: а) Общаго характера. б) Религіозно-бытового характера: 1) Болѣзнь. 2) Смерть. 3) Личнаго характера. 4) Несчастье, неудача. 5) Ворожба. 6) Ссора и оклеветанье. 7) Гость. в) Различнаго характера. г) Семейнаго характера. д) Хозяйство: 1) Домъ. 2) Пожаръ. 3) Купля и продажа. 4) Сельское и домашнее. е) Погода: 1) По звѣздамъ. 2) По солнцу. 3) По лунѣ. 4) По общимъ признакамъ. 5) По вѣтру. 6) По человѣку. 7) По животнымъ. 8) По птицамъ. 9) По земноводнымъ. 10) По насѣкомымъ. 11) По растеніямъ. ж) Луна. з) Дни недѣли. и) Дополненія ко всѣмъ отдѣламъ.

Авторъ соединилъ пословицы и т. д. на малорусскомъ языкѣ съ тѣми, которыя записаны имъ на книжномъ языкѣ.

Образованіе, 1905 г., № 1—3.

Л. Македоновъ. Н. Ф. Бунаковъ. По личнымъ воспоминаніямъ (№ 1 стр. 147—162). Характеризуя вообще личность извѣстнаго педагога и общественнаго дѣятеля Н. Ф. Бунакова, авторъ даетъ цѣлый рядъ интересныхъ воспоминаній о дѣятельности послѣдняго въ Воронежской губерніи.

Въ отдѣлѣ „*Критика и Библіографія*" даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ, представляющихъ интересъ для украинскаго читателя: Брошюры „Благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ": № 23. *М. Загирня*. Мудрый учытель. № 24. Якъ выгадано машыною издиты. № 25. *М. Ганька*. Якъ дбаешь,

такъ и маешь. № 26. *Т. Шевченко.* Наймычка. 27. *О. Русовъ.* Прыгода на хутори. № 6. *Ф. Немоловськый.* Бжильныцтво. № 9. *Е. Чикаленко.* Розмова про сельске хазяйство. Кн. IV. Выноградъ. Отзывъ о всѣхъ этихъ книгахъ данъ г. А. А. (№ 1, стр. 147—169).

Записки Наук. Товариства імени Шевченка, р. 1904.

Т. LXII. Др. Ів. Франко. Матеріали до історії Коліівщини. III. Польська поема про уманську різню (стр. 1—40). Въ рукописномъ отдѣлѣ библіотеки Оссолинськихъ во Львовѣ есть рукопись (під ч. 266.) новаго письма, которая вся занята матеріалами къ исторіи уманской рѣзни 1768 года. Текстъ этой рукописи исполненъ однимъ хорошимъ, писарскимъ почеркомъ, при чемъ переписанные здѣсь матеріалы представляютъ копіи съ какихъ-то оригиналовъ, о которыхъ въ рукописи ничего не сказано. Зато въ началѣ и въ концѣ отдѣльныхъ статей сдѣланы приписки, изъ которыхъ видно, что настоящая рукопись представляетъ копіи съ матеріаловъ, собранныхъ барономъ Шодуаромъ въ Ивницѣ, и переписана тамъ въ 1840 году для князя Г. Любомірскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ тѣхъ-же приписокъ, сдѣланныхъ, повидимому, рукою князя Любомірскаго мы узнаемъ, что баронъ Шодуаръ въ 30-хъ годахъ XIX ст. занялся собираніемъ матеріаловъ по исторіи Коліивщины и, кромѣ неизвѣстныхъ намъ произведеній, собралъ также копіи съ нѣкоторыхъ документовъ Базиліанскаго монастыря въ Умани и у какого-то шамбеляна Штайна. Др. Франко извлекъ изъ этой рукописи «дві українські вірші зложені якимсь поляком з нагоди Коліівщини» и издалъ ихъ въ 1894 въ «Житю і Слові» (т. II, ст. 65—67). Въ настоящее время онъ рѣшилъ издать и остальные матеріалы этой рукописи, при чемъ начинаетъ съ польской поэмы объ уманской рѣзнѣ. Давъ описаніе всѣхъ статей рукописи, авторъ указываетъ, что ему пришлось поправить кое-какія явныя ошибки, вкравшіяся въ текстъ рукописи, несомнѣнно при перепискѣ. Затѣмъ онъ предлагаетъ самый текстъ поэмы (стр. 5—25). Во второй главѣ своей статьи др. Франко даетъ обзоръ мемуаровъ про уманскую рѣзню, такъ какъ въ этомъ вопросѣ существуетъ большая путаница". Мемуари про уманську різню можемо розділити на кілька груп, які визначають ся тим, що кожда з них має дещо спільного в фактах, іх

групованю й тенденції; очевидно. користуючи сяними, історик мусить мати се в тямці і прикладати до тих реляцій відповідну критичну міру". Къ первой группѣ авторъ относитъ базиліанскіе мемуары, числомъ 3: 1) свѣдѣнія объ уманской рѣзнѣ, изданные Е. Рачинскимъ въ Познани въ 1842 году (очень рѣдкое изданіе—Obraz Polaków i Polski w XVIII wieku); 2) записки О. Корн. Сорочинського, игумена базиліанскаго монастыря въ Кристинополѣ; 3) изданная въ настоящей статьѣ поэма. Во вторую группу авторъ зачисляетъ сообщенія дѣтей уманскаго губернатора Младановича—Вероники Кребсъ (перевелъ И. И. Рева. К. 1878) и сына П. Младановича (Варшава. 1862), а кромѣ того, сюда же нужно отнести тенденціозныя воспоминанія Липомана, изданныя въ упомянутомъ выше изданіи Рачинського. Совершенно отдѣльно отъ нихъ стоятъ воспоминанія Адама Мотчинського, открывки которыхъ изданы въ 1839 году въ „Przeglądzie dziejów polskich"; полностью они вышли въ 1858 г. въ Познани подъ заглавіемъ—„Pamiętnik do historyi polskiej". Затѣмъ другіе мемуары (ген.-м. Кречетникова и русина уніата) не даютъ интересныхъ свѣдѣній о рѣзнѣ, такъ какъ авторы ихъ находились далеко отъ Умани. Затѣмъ д-ру І. Франку мало извѣстны мемуары кс. тринитарія Брусиловскаго, находящіеся въ рукописи (ч. 4504) Краковскаго университета, но они, конечно, тоже будутъ изданы въ „Запискахъ". Въ заключеніе др. Франко даетъ характеристику изданной имъ поэмы и коментируетъ доставляемыя ею историческія данныя.

В. Доманицький. Козаччина на переломі XVI і XVII в. (1591—1603). VI—X (стр. 65—113). Въ настоящей книжкѣ помѣщено продолженіе изслѣдованія В. Доманицького, первыя главы котораго напечатаны въ 60 и 61 томахъ „Записокъ" (Кіев. Старина, 1904, XI стр., 122 и 1905, III, 204—205). Въ VI главѣ авторъ сначала говоритъ о войнѣ въ Угорщинѣ, а потомъ описываетъ отношенія козаковъ къ Молдавіи и Валахіи въ 1595 году, такъ какъ смѣна господаря въ первой изъ нихъ доставила удобный предлогъ для вторженія и Замойскому, и козакамъ Лободы. Между тѣмъ Наливайко совершилъ не особенно удачный походъ на Тегінь, Білгород, и Килію и возвратился на Украину лишь передъ Великоднемъ, а затѣмъ двинулся въ Угорщыну въ помощь эрцгерцогу Максиміліану. Описавъ этотъ походъ Наливайка, авторъ говоритъ о томъ погромѣ, который учинилъ на возвратномъ пути Наливайко въ маетности своего врага Калиновського. Слѣдующая глава вся занята изложеніемъ событій, послѣдовавшихъ послѣ

возвращенія Наливайка изъ упомянутаго похода. При этомъ авторъ останавливается на вопросѣ о сношеніяхъ Наливайка съ королемъ и выясняетъ роль Яна Мешковскаго въ этомъ дѣлѣ. Авторъ не довѣряетъ сообщеніямъ источниковъ, будто Мешковскій дѣйствовалъ по порученію короля, не вѣритъ также мнѣнію, будто Наливайко хотѣлъ примириться съ королемъ. Изложивъ въ началѣ VIII главы событія въ первые мѣсяцы 1596 года, В. Доманицький говоритъ о расправѣ козаковъ съ главами уніи Терлецкими и др., а затѣмъ описываетъ мѣры, принятыя польскимъ правительствомъ относительно козаковъ. Какъ извѣстно, смирить козаковъ приказано было гетману Жолкевскому. Дѣйствію его и козаковъ авторъ и посвящаетъ IX и X главы, доводя свой разсказъ до извѣстной осады козацкаго лагеря поляками въ урочищѣ Солониця, около Лубенъ.

Въ отдѣлѣ „*Miscellanea*“ помѣщены слѣдующія статьи:

1) А. Крижановськиӣ. Руська „кройника“ з XVII в. (стр. 1—3). Какой-то монахъ Николаевскаго монастыря въ Креховѣ, около Жовквы, переписалъ себѣ „Лимонаръ“, изданный въ Кіевѣ въ 1628 г., а на свободныхъ листахъ, среди всякихъ замѣтокъ, написалъ „для памяти“ безъ всякаго порядку краткія замѣтки о событіяхъ XV—XVII вв. кончая смертью Владислава IV въ 1648 году. Этой „кройникой», какъ назвалъ ее монахъ, пользовался о. А. Петрушевичъ въ своей „Сводной галицко-русской лѣтописи“, но цитаты его отличаются крайней неопредѣленностью. Издавая текстъ „кройники“, А. Крижановський расположилъ записи въ хронологическомъ порядкѣ.

2) *М. Грушевськиӣ. П. Литвинова-Бартош. (Некрольог)* (стр. 3). Авторъ даетъ краткій некрологъ П. Литвиновой-Бартошъ, имя которой извѣстно всѣмъ изслѣдователямъ и любителямъ украинской этнографіи.

3) *М. Грушевськиӣ. Олександр Пипін. (Некрольог)* (стр. 4—5). Давъ краткій некрологъ покойнаго ученаго, проф. М. Грушевський выясняетъ значеніе его трудовъ для украинскаго народа и науки.

Въ отдѣлѣ „*Наукова хроника*“ помѣщены статьи разныхъ лицъ „*Огляд часописей за р. 1903*“ (стр. 1—64), въ которой авторы даютъ обзоръ русскихъ, польскихъ и венгерскихъ періодическихъ изданій, а также извѣстнаго журнала „*Archiv für slavische Philologie*“. Наиболѣе значительное мѣсто отведено „*Кіевской Старинѣ*“ (стр. 1—13). Въ концѣ приложенъ списокъ разсмотрѣнныхъ журналовъ (стр. 63—46).

Въ отдѣлѣ *„Библіографія“* даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) Археологическая Лѣтопись Южной. Россіи, за 1903 г. (стр. 1); 2) *Dr. H. Kadaczek.* Złote skarby michałkowskie. Краків. 1904 (стр. 2); 3) *С. Гамченко.* Раскопки въ бассейнѣ р. Случи (Труды XI археолог. съѣзда, т. I); (стр. 2—4); 4) *Е. Н. Мельникъ.* Раскопки въ землѣ Лучанъ (ibid.) (стр. 4—5); 5) *И. И. Срезневскій.* Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ. IV—VIII (Извѣстія Отд. Рус. яз. и Словесн. Имп. Академіи Наукъ, 1903 г, I) (стр. 5—6); 6) *Д. Айналовъ.* Лѣтопись о начальной порѣ русскаго искусства (Отчетъ С.-Петерб. университета за 1903 г.) (стр. 6—8); 7) *В. В. Святловскій.* Очерки по экономической исторіи древней Руси (Всемірный Вѣстникъ, за 1903 г., III) (стр. 8); 8) *А. Ефименко.* Литовско-русскіе данники и ихъ дани (Журн. Мин. Нар. Пр., 1903 г., I) (стр. 8—9); 9) *Н. А. Максимейко.* Русская правда и литовско-русское право (Сборникъ, посвященный М. Ф. Владимірскому Буданову) и *М. Н. Ясинскій.* Закупы Русской Правды и памятниковъ западно-русскаго права (ibid.) (стр. 9—11); 11) Archiwum Jana Zamojskiego. Tom I. Warszawa, 1904 (стр. 11—16); 12) *A. Jablonovsky.* Atlas historyczny rzeczypospolitej Polskiej. Dział II; Варшава—Відень. 1889—1904 (стр. 16—17; 13) *В. Ө. Миллеръ.* Къ былинѣ о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1903, кн. VI) (стр. 17—18) 14) *В. Крыловъ.* Екатерининская коммиссія въ ея отношеніи къ духовенству, какъ сословію (Вѣра и Разумъ, кн. IX—XII) стр. 18—19); 15) *Dr. Jòzef Buzek.* Wpływ polityki żydowskiej rządu austryackiego w latach 1772—do 1778 na wzrost zaludnenia żydowskiego w Galicyi (Czasopismo pravniczne i ekonomiczne, 1903) (стр. 19—25); 16) *М. Довнаръ-Запольскій.* Историческій процессъ русскаго народа въ русской исторіографіи (Рус. Мысль, 1902, III) (стр. 25—26); 17) *В. Даниловъ.* Пѣсни села Андреевки, Нѣжинскаго уѣзда (Сборникъ Историко-филологическаго Общества при Институтѣ князя Безбородка, въ г. Нѣжинѣ, т. V) (стр. 26—29); къ этой рецензіи, въ примѣчаніи, данъ списокъ иcлѣдованій и сборниковъ по украинской народной поэзіи (стр. 29—30); 18) Рецензія о 3 изслѣдованіяхъ (стр. 30—31): а) *A. Siewiński.* Bajky, legendy i opowiadania ludowe, zebrane w powiecie Sokalskim (Lud, 1903, I); б) *H. Grochowska.* Gadania zwyczaje i wierzenia we wsi Trościanću w powiecie Sniatyńskim (ibid., IV); в) *H. Goldstein.* Przyczynki do księgi przysłow, przypowiesci i wyrażeń przysłowiowuch polskich S. Adalberga (ibid.); 19) Розвідки у справозданнях руських гімназий въ Галичині за $190^{1}/_{2}$ і $190^{2}/_{3}$

р. (стр. 32--33): *Др. Стефан Рудницкий.* Про звязь періодычноі діяльности сонця з температурою земскоі атмосфери, стр. 38 (Звіт дирекциі ц. к. академічноі гімназиі у Львові за р. шк. 190½); б) *Др. Михайло Пачовский.* Народний похоронний обряд на Руси, ст. 32 (ibid, р. 190⅔)—див. бібліографію т. LXI; в) *Сильвестр Яричевский.* Франц Прешерен, найбільший словіньский поет (його житє і твори), ст. 32 (Звіт дирекциі ц. к. II гімназиі в Перемишли за р. шк. 190½); г) *В. Кмицінневич.* Платонова оборона Сократа, ст. 32 (ibid. р. 190⅔); д) *М. Зибачекъ.* Льогична будова математичних докладів, ст. 32 (Звіт дірекциі ц. к. II гімназиі в Коломиі за р. шк. 190½); е) *Іван Раковский.* Astacus Dybowskii, ст. 40 (ibid., р. 190⅔).

Въ концѣ этого библіографическаго обзора приложенъ списокъ разсмотрѣнныхъ въ немъ книгъ.

Т. LXIII. *І. Кревецький. Оборонна організація руських селян на галицько-угорськім пограничу в 1848--49 р.р (стр. 1—26).* Настоящая статья была доложена на историческомъ семинаріи проф. Грушевського и печатается здѣсь съ нѣкоторыми поправками согласно сдѣланныхъ профессоромъ замѣчаній. Какъ извѣстно, бурные 1848—49 годы имѣли весьма важное значеніе для галицкихъ русиновъ. Независимо отъ того національнаго движенія, которое происходило въ это время въ Галиціи, «хід історичних подій зложився так, що перед галицьких русинів виринула велика роля---рішати своім кроком політичний уклад кордонів». Вся Австрія была охвачена революціоннымъ движеніемъ, которое достигло наибольшей силы въ Венгріи. Въ самой Галиціи поляки готовы были ежеминутно поднять возстаніе, а ихъ примѣру послѣдовали-бы и русскіе поляки, и тогда императоръ Николай I не могъ-бы двинуть свои войска противъ венгровъ. «Тоді Австрия сама не була-б нічого вдіяла і австрийський кордон виглядав бы нині инакше. Та воно, як звісно, так не сталося. Історична консеквенция перехилила Галицьку Русь на другий бік і вона дуже поважно зашахувала революцийну Польщу. Страшна різня въ Тарнівщині въ 1846 р. була для польськоі шляхти грізним memento. Але вага русинів показала ще більше наглядно. Коли відділи мадярських повстанців загрозили нападомъ на Галичину, а революцийні галицькі елементи чим раз більше позирали на той бік Карпат, тоді австрийське правительство, щоб не ангажувати правильного війська,

яке тоді було дуже потрибне в Італіі, Відні і в самій Угорщині, віддало оборону краю галицько-руським селянам і стало в тій ціли формувати три військові организациі і селянську оборону галицько-угорського погранича, шість відділів добровольців, т. зв. руських стрільців і не доведені до значнійшого результату руські міщанські гвардиі». Настоящая статья посвящена первой изъ этихъ трехъ организацій.

Уже въ концѣ 1848 года венгерскіе отряды начали переходить галицкую границу и безпокоить пограничныя села. Вслѣдствіе этого тогдашній президентъ Залеский, по совѣщанію съ Пехеромъ, издалъ инструкцію (27 падолиста) съ указаніемъ тѣхъ мѣръ, которыя надлежало принять для обороны края отъ вторженій венгровъ. Въ 4-мъ пунктѣ этой инструкціи рекомендовалось привлечь къ участію въ защитѣ Галиціи отъ венгерскихъ отрядовъ также сельское населеніе, но при этомъ губернаторъ долженъ былъ передать организацію этого дѣла въ руки избранныхъ окружныхъ коммиссаровъ. Послѣдніе обязаны были дѣйствовать при обращеніи къ селянамъ разумно и осторожно и, подъ угрозой строгой отвѣтственности, слѣдить за тѣмъ, щоб тих покликаних селян, коли вони сповнять свою задачу, себто дадуть потрібну помоч, *«завертати назад до іх звичайних занятів»*. Вслѣдъ за этой инструкціей старостамъ пограничныхъ округовъ были посланы подробныя указанія (6 січня), какъ организовать эту оборону съ помощью селянъ. Конечно, дѣло не остановилось на указанныхъ распоряженіяхъ. Венгерское возстаніе все болѣе и болѣе разросталось. Поляки въ Галиціи тоже находились въ сильномъ волненіи, а около 3000 поляковъ дѣйствовали даже въ венгерскихъ войскахъ. Защищать границы Галиціи отъ повстанцевъ не было возможности, такъ какъ въ странѣ не хватало войска. Все это заставило поспѣшить съ устройствомъ обороны изъ галицкихъ селянъ, и «в другій половині січня 1849 р. оборонна организация селян була покінчена на цілій лініі східно-галицьких Карпат».

Изложивъ нѣкоторыя подробности защиты Галиціи съ помощью селянъ, авторъ отмѣчаетъ настроеніе, наблюдавшееся въ то время въ странѣ. Сами нѣмцы дивились той рѣдкой преданности Габсбургамъ, какую обнаружили галицкіе-русины. «Руські селяни готові були на всьо відважити ся, щоби тільки оборонити державу і цісаря... Громадські варти відбували завсіди з охотою і вправою без найменьшого нарушення публичного спокою; коли був алярм, завсіди збирали ся в великім числі, а коли не було кого в дома, заступала його жінка або

хлопці. Цілий нарід був одушевлений до цісаря. При оклику „то робимо для нашого цісаря“ кождий від старця до дитини був готовий на кожду жертву. Коли треба було сіна, то його приносили мущини і жінки по наибільшій части безплатно, а коли в місяці жовтні прийшла виплата, зложили значну суму на руських інвалідів з полку Парма».

Въ настоящемъ томѣ «Записокъ» помѣщено лишь начало статьи.

В. Доманицький. Козаччина на переломі XVI і XVII в. (1591—1603). XI—XII (стр. 115—136). Въ настоящемъ томѣ помѣщено продолженіе изслѣдованія В. Доманицького (см. выше), состоящее изъ XI и XII главъ. Въ XI главѣ авторъ описываетъ осаду табора Наливайки и Лободы поляками у Лубенъ. Какъ извѣстно, среди козаковъ царили страшные нелады, сильно тормозившіе ихъ защиту отъ поляковъ. Въ козацкомъ станѣ образовались двѣ партіи—Наливайка и Лободы. Въ результатѣ дѣло окончилось бунтомъ, при чемъ Лобода былъ убитъ, такъ какъ его заподозрили въ сношеніяхъ съ польскимъ гетманомъ. Это еще ухудшило дѣло, и козаки, не имѣя силъ продолжать борьбу дальше, заключили мирный договоръ съ гетманомь Жолкевскимъ, выдавъ ему еще раньше Наливайка и 12 другихъ старшихъ козаковъ. Между тѣмъ Підвисоцький старался подойти къ Лубнамъ, чтобы помочь козакамъ. Тогда Жолкевскій увѣдомилъ его о капитуляціи отряда Наливайка Это извѣстіе заставило Каспра Підвисоцького скликать раду, и тутъ рѣшили присягнуть на вѣрность королю и Рѣчи Посполитой. Гетманъ удовольствовался этимъ и не тронулъ Підвисоцького. Въ дальнѣйшемъ авторъ занимается судьбой Наливайка, такъ какъ свѣдѣнія источниковъ и мнѣнія ученыхъ по этому вопросу даютъ много фантастическаго и часто противорѣчатъ другъ другу. Установивъ на основаніи точныхъ данныхъ день казни Наливайка (11-го квітня 1597 р.), авторъ указываетъ, какъ мало дѣйствовали на козачество тѣ репрессивныя мѣры, которыя поспѣшило пустить въ ходъ польское правительство въ томъ-же 1597 году. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ казни Наливайка, «як козацтво досягло знову такоі сили, що навело страхи на Польщу .... Поки Запороже... не опинилося в руках панів—не можна було задушити козаччину». Въ XII главѣ авторъ говоритъ о событіяхъ на Запорожьи послѣ несчастнаго для козаковъ исхода Солоницкой битвы. Отмѣтивъ, что эта неудача вызвала стремленіе у небольшой группы запорожцевъ выказать свою лойяльность польскому правительству, авторъ говоритъ, что вслѣдствіе этого

гетманомъ («старшим») былъ выбранъ шляхтичъ-козакъ Христофоръ Нечковський. Разсмотрѣвъ имѣющіяся свѣдѣнія объ этомъ гетманѣ, авторъ говоритъ, что лѣтомъ 1597 года гетманомъ былъ уже другой сторонникъ Польши—Н. Василовичъ. Но въ 1597—98 годахъ на Запорожьи возникли серьозные нелады: запорожскіе козаки разбились на двѣ различныхъ партіи, которыя наблюдаются въ козачествѣ и послѣ, особенно въ періодъ отъ Сагайдачного до Острянина: одна была болѣе радикальной и стояла за независимость ни отъ кого и свободу дѣйствій, а другая отличалась склонностью къ миролюбію и угодливости польскому правительству. Главою послѣдней партіи во второй половинѣ 1597 года является Тихонъ Байбуза. Очертивъ дѣятельность и личность этого лица, авторъ указываетъ, что радикальная партія на Запорожьи все возрастала, и во главѣ ея стали нѣкто Мітла и Фльоріян Гедройтъ, извѣстный соучастникъ обоихъ Наливайківъ. Они подняли новый походъ на панскія маетности, но предпріятіе ихъ окончилось неудачно: Мітла былъ убитъ, а Гедройтъ попалъ въ плѣнъ. На этомъ прекращаются извѣстія о запорожцахъ вплоть до половины 1600 года. Авторъ заключаетъ главу разсмотрѣніемъ мнѣнія ученыхъ, что въ 1599 году въ Січи кошевымъ былъ Семенъ Скалозубъ. «У всякім разі, говоритъ онъ, певних доказів отамановання чи гетьманування Скалозуба в р. 1599 не маемо жадних».

М. Грушевський. Матеріали до історії суспільно-політичних і економічних відносин західньої України. Серія перша (1361—1530), ч. 1—43 (стр. V+1—46). Въ настоящей книжкѣ проф. Грушевський началъ опубликовывать серію матеріаловъ, которые имѣютъ цѣлью пополнить наши пробѣлы по общественно-политической и экономической исторіи Западной Украины подъ польскимъ владычествомъ, начиная съ перваго момента подчиненія Галичины и Поділя Польшѣ. Опубликовываемый матеріалъ дѣлится на нѣсколько цикловъ, а послѣдніе, въ свою очередь, распадаются на меньшія группы. Проф. Грушевскій опубликовываетъ пока документы перваго цикла (80 №№), при чемъ въ настоящемъ томѣ напечатаны 43 документа, а остальные войдутъ въ слѣдующій томъ. Главное мѣсто въ первой серіи занимаютъ матеріалы по исторіи шляхетскаго землевладѣнія конца XIV и первой половины XV вѣковъ преимущественно въ западной части Поділя (головно для повітів Хмельницького і Летичівського) и только часть относится къ Галичинѣ. Затѣмъ идутъ документы, освѣщающіе слѣдующіе вопросы: 1) привилеи Витовта; 2) общественно-экономи-

ческое положеніе селянъ во второй половинѣ XVI и первой половинѣ XVII вѣковъ; 3) привелеі сіл на праві німецьким; 4) нѣмецкое право въ городахъ; 5) администрація; 6) положеніе православныхъ и православной церкви; 7) торговля, мытная система. Всѣ эти документы извлечены изъ слѣдующихъ архивовъ: Львівський краєвий архивъ, Кіевскій центральный архивъ, Коронная метрика въ Варшавскомъ центральномъ архивѣ и Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи.

Въ отдѣдѣ «*Miscellanea*» помѣщены слѣдующія статьи:

1) *Др. Ів. Франко. Дві вихідні карти* (стр. 1—6). Авторъ говоритъ, что «старі руські друкарі мали звичай при кінці книжки, особливо коли се було більше та коштовнійше видане, містити коротке оповидане, коли і при яких обставинах друкувала ся книжка, які перешкоди спиняли її друк або які иньші цікаві обставини варті були зазначеня. Остатня карта книги з такою увагою від друкаря зветь ся в бібліографіі вихідною картою, а само оповідане вихідною літописью». Такія «вихідні літописи» имѣютъ большое значеніе для библіографовъ и должны быть собраны и изданы. Къ сожалѣнію, большая часть ихъ погибла, такъ какъ уніатское духовенство, желая уничтожить на книгахъ всякіе слѣды православія, подвергало ихъ гоненію и тщательно уничтожало. Даже оба митрополита Сембратовичи занимались этимъ. Автору удалось найти двѣ «вихідні картки», которыя онъ и издаетъ здѣсь. Одна изъ нихъ приложена къ Осьмогласнику, изданному львовскимъ Ставропигійскимъ братствомъ въ 1639 г., а другая —къ Ирмологіону, изданному «в р. 1700 у друкарні сьвятоюрській у Львові, яку заснував був епископ Йосиф Шумлянський для конкуренції з православною ще тоді Ставропігією».

2) *Ю. Романчук. Незнані вірші на смерть Шевченка* (стр. 7—8). Въ бумагахъ съ произведеніями Артемовського-Гулака нашлось стихотвореніе на смерть Т. Г. Шевченка, подписанное какимъ-то Иваномъ Богомоловымъ. Оно написано на той-же бумагѣ и такимъ-же почеркомъ, какъ и всѣ стихотворенія Артемовського-Гулака, присланныя Житецькимъ, но безусловно принадлежитъ не ему. Представляетъ-ли указанная фамилія псевдонимъ или нѣтъ, авторъ не можетъ сказать утвердительно. Но во всякомъ случаѣ видно, что Богомоловъ не зналъ близко ни Шевченка, ни его произведеній, и былъ ярымъ славянофиломъ, такъ какъ сопоставляетъ смерть Шевченка со смертью Ганки.

3) *В. Гнатюк. Чи бачванський говір словацький (стр. 8—12).* Авторъ приходитъ къ заключенію, что бачванскій говоръ нельзя причислить къ безусловно словацкимъ, при чемъ ссылается на авторитетъ покойнаго проф. Потебни. Въ приложеніи къ своей статьѣ онъ перепечатываетъ пять заблудившихъ пѣсенъ, изданныхъ О. Потебней, при чемъ отмѣчаетъ формы и слова, «що відмінні в бачванськім говорі», а для сравненія съ ними издаетъ одну бачванскую пѣсню.

Въ отдѣлѣ „*Наукова хроніка*" помѣщенъ очеркъ *З. Кузелі „Антропольогічні й археольогічні часописи за р. 1903*" (стр. 1—20). Здѣсь данъ обзоръ исключительно западно-европейскихъ антропологическихъ и археологическихъ періодическихъ изданій.

Въ отдѣлѣ „*Бібліографія*" даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ. 1) *Światowit*, т. I—V. Варшава 1899—1904 (стр. 1—6), 2) *Д. Иловайскій.*. Вторая дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и болгаро-гуннскому. М. 1902 (стр. 6); 3) *E. v. Bogusławski.* Einführung in die Geschichte der Slawen. Jena. 1904 (стр. 6—8); 4) *Н. М. Карпинскій.* Остромирово Евангеліе какъ памятникъ древне-русскаго языка (Журн. Мин. Нар. Пр., 1903 г., кн. V) (стр. 8—10); 5) *А. И. Черепнинъ.* О кіевскихъ денежныхъ гривнахъ (Труды XI археол. съѣзда, т. II) (стр. 10—12); 6) *Kállay Ubul.* Mikor koronáztákmeg Kálmánt, Halics felkent királyát a pápátol küldött koronával? (Századok, XXXVII, 1903 (стр. 12); 7) *В. Сергѣевичъ.* Древности русскаго права. Т. 3. Спб. (стр. 12—13); 8) *Dr. St. Kutrzeba.* Starostowie ich początki i rozvój do końca XIV w. Rozprawy wydz hist.-filoz, т XLVI, 1903) (стр. 13—14); 9) *И. В. Якубовскій. Земскіе привилеи вел. княж. Литовскаго, ч. II* (Ж. М. Н. П., 1903, VI) (стр. 14—15); 10) *Dr. S. Rundstein.* Ludnośc wieśniacza zemi halickiej w wieku XV Львів. 1903 (стр. 15) 11) Русско-еврейскій архивъ. Т. III. Спб. 1903 (стр. 15—16); 13) *J. Zubrzycki.* Miasto Jarosław i jego zabytki (Sprawozdania komisyi do badania historyi sztuki w Polsce, т. VII, вып. III. 1903) (стр. 16—17); 13) *L. Kubala.* Przysięga w Perejasławiu i «stati» B. Chmelnickiego (Kwari. hist, 1904) (стр. 17—19); 14) *О. Левицкій.* Объ актов. книгахъ, относящихся къ исторіи Юго-Зап. края и Малороссіи (Труды XI археолог. съѣзда, т. II) (стр. 20—21) 15); *Е. Радакова.* О ревизіяхъ въ Малороссіи XVIII ст. (ibid.) (стр. 21—22); 16) *П. А. Ивановъ.* Къ исторіи Запорож. козаковъ

послѣ уничтоженія Сѣчи (Записки Одес. Общ. Ист. и Др., т. XXV) (стр. 22—23); 17) *Л. Орда.* Страничка изъ исторіи просвѣщенія на Волыни. Луцкъ. 1903 (стр. 23--24); 18) *Br. Łoziński.* Z historyi stanów galicyjskich (Bibl. Warsz., t. II, 1904) (стр. 24--25); 19) Dr. Br. Łoziński. Galicyjski Sejm Stanow 1817—1845. Львів. 1905 (стр. 25—26); 20) *T. Lechoczky.* A beregmegyev görögszertartásu katholikus lelkészségek története a XIX század végeig. Мункачъ 1904 (стр. 26—27); 21) *A. Brückner.* Dzieje literatury polskiej w zarysie. I—II. Warszawa. 1902 (стр. 27—29); 22) *В. Лесевичъ.* Е. П. Гребенка. (Рус. Мысль, 1904, кн. I) (стр. 29); 23) *Н. Василенко.* І. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи. К. 1904 (стр. 29—30); 24) *A. Schachmatov.* Wie im Kleinrussischen die Palatalisation der Consonanten *e* und *i* verloren ging (Arch. f. sl. Philol., XXV, 1903), (стр. 30—31); 25) *M. Sokołowski.* Drzeworyty ludowe (Spr. kom. do bad. hist. szt. w Pol., т. VII, вып. III, 1903) (стр. 31—32).

Въ концѣ обзора книгъ и журналовъ, перечисленныхъ выше, приложенъ списокъ ихъ (стр. 32—33).

Къ этому тому «Записокъ» приложены: 1) *Показчик до томів LVII—LXII Записок Наукового Товариства імени Шевченка* (стр. 1—24); 24) *Зміст т. I—LXII (по німецьки)* (стр. 25—33).

Chronik der Ukrainischen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg, H. III, № 19.

Большая часть настоящей тетради «Хроники» занята протоколами общаго собранія 29 іюня 1904 года, Правленія Общества, секцій и коммиссій. Въ концѣ приложена слѣдующая замѣтка съ особымъ заглавіемъ:

Dr. S. Dnistrjanškyj. Teilnahme der Geselschaft an dem čechischen Juristentag (стр. 30—31). Въ этой замѣткѣ авторъ даетъ отчетъ о съѣздѣ юристовъ въ Паргѣ 21 мая 1904 года.

Въ концѣ «Хроники» приложенъ, по обыкновенію, списокъ новыхъ изданій Общества.

Archiv für slavische Philologie, 1905, в. 27.

K. Štrekeli. Slavische Wortdeutungen (стр. 41—72). Авторъ даетъ изслѣдованіе объ измѣненіяхъ въ значеніи нѣкоторыхъ славянскихъ словъ, при чемъ не только разсматриваетъ постепенное измѣненіе ихъ значенія, но также сопоставляетъ ихъ смыслъ въ различныхъ славянскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ. При этомъ онъ пользуется также данными украинскаго языка.

Варшав. Унив. Извѣстія, 1905 г., кн. I.

А. Д. Погодинъ. Изслѣдованія въ области народной пѣсни (стр. 1—64). Въ первой большой главѣ своего изслѣдованія авторъ останавливается на еврейскихъ народныхъ пѣсняхъ въ Россіи. Интересъ къ этимъ пѣснямъ вызванъ у автора изданіемъ редактора „Восходъ"—*„Еврейскія народныя пѣсни въ Россіи. Собраны и изданы подъ редакціей и съ введеніемъ С. М. Гинзбурга и П. С. Марека"*. Эти пѣсни записаны преимущественно въ Литвѣ и на Волыни. Авторъ останавливается на данной книгѣ, чтобы познакомить русскую публику съ идеалами и особенностями еврейскаго міросозерцанія, насколько это выражается въ разсматриваемыхъ имъ пѣсняхъ. Впрочемъ, онъ не ограничивается этой задачей и касается языка, на которомъ сложены еврейскія народныя пѣсни. Вторая глава этого изслѣдованія посвящена литовской пѣснѣ-сказкѣ.

Извѣстія Истор.-Филол. Инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, т. XXI.

М. Сперанскій. Рукописное собраніе библіотеки Историко-Филологическаго Института князя Безбородко въ г. Нѣжинѣ. Пріобрѣтенія 1901—1903 гг. (стр. 1—28). Авторъ даетъ описаніе рукописей, поступившихъ въ институтскую библіотеку въ 1901—1903 годахъ. Изъ описанныхъ здѣсь рукописей для украинскаго читателя могутъ представить тотъ или иной интересъ слѣдующія: 128 (16240). Тріодь конца XVII в. (стр. 5); 133 (16808). Письмо Н. В. Гоголя 1852 года къ И. И. Барановскому (издано въ Гоголевскомъ сборникѣ Института) (стр. 9); 134 (16248). Бумаги, относящіяся къ Н. В. Го-

голю (стр. 9—10): 1) Письмо В. А. Гоголя въ гимназію высшихъ наукъ въ г. Нѣжинѣ отъ 12 февраля 1821 года; 2) Отвѣтъ (черновой) Конференціи Гимназіи высшихъ наукъ; 4) Письмо М. Щербака, родственника Н. В. Гоголя, отъ 25 іюня 1821 года съ просьбой объ отпускѣ послѣдняго; 5) Письмо гр. А. Г. Кушелева-Безбородка отъ 22 марта 1822 года о принятіи Н. В. Гоголя въ число гимназическихъ пансіонеровъ; 6) Прошеніе Н. В. Гоголя отъ 20 августа 1827 года о допущеніи его, ученика IV класса, къ экзамену по языкамъ; 7) Показанія учениковъ о лекціяхъ по естественному праву, читанныхъ проф. Бѣлоусовымъ; 8) Журналы Конференціи Гимназіи высшихъ наукъ по фортификаціи, исполненной Н. В. Гоголемъ въ 1828 году. 139 (16856) Руно орошенное, списанное около половины XVIII в. съ печатнаго черниговскаго изданія 1691 года (стр. 11). 140 (16854). Рукописи Н. Е. Скворцова, бывшаго директора Института (стр. 11—12). 142 (Общ.). Сборникъ, вторая часть котораго написана южно-русскимъ почеркомъ XVIII—XVIII в. (стр. 13—17). 143 (16984). Заговоры изъ Ични черниговской губерніи (стр. 17). 144 (16791). Школьное дѣйство начала XVII в. (стр. 17—21) (16790). Школьное дѣйство XVIII в. (стр. 21—26). 146 (19895). Лечебникъ второй половины XVIII в. (стр. 26—28). 147 (16933). Жалованная грамота 1696 года войсковому товарищу стародубскаго полка с. Улѣзнѣ (издана въ Сборникѣ Общества при Институтѣ, т. V) (стр. 28). 148 (16934). Росписка нѣжинскаго жителя М. Сердюченка Прокопу Пилипчаку 1749 года (издана тамъ-же) (стр. 28). Письмо императора Александра I къ епискспу черниговскому Виктору отъ 8 апрѣля 1801 года (издано тамъ-же) (стр. 28).

Сборн. Отдѣл. Рус. яз. и Слов. Имп. Акад. Наукъ, т. 76.

Е. Ѳ. Будде. О говорахъ тульской и орловской губерній (стр. I—II и 1—148). Авторъ собиралъ матеріалы, чтобы выяснить и рѣшить два вопроса: 1) есть-ли въ орловской губерніи признаки говора, считаемаго вятичскимъ? 2) существуютъ-ли въ говорѣ крестьянъ орловской губерніи слѣды смѣшаннаго населенія вятичей и сѣверянъ? Въ силу этого настоящій трудъ извѣстнаго ученаго представляетъ интересъ и для украинскихъ читателей. Онъ состоитъ изъ предисловія, матеріаловъ, изслѣдованія въ области фонетики этихъ говоровъ.

словарика и перечня особенностей этихъ говоровъ. Матеріалы собраны въ новосильскомъ уѣздѣ, тульской губерніи, въ орловскомъ, мценскомъ, карачевскомъ и брянскомъ уѣздахъ, орловской губерніи.

П. Н. Тихановъ Брянскій говоръ. Замѣтки изъ области русской этнологіи (стр. I—IV и 1—263). Появленіе въ „Сборникѣ" этой статьи, въ сильной степени причастной также къ публицистикѣ въ духѣ ретроградныхъ газетъ и журналовъ, вызываетъ невольное изумленіе, потому что мы привыкли встрѣчать только серьезные научные труды въ разсматриваемомъ органѣ столь солиднаго учрежденія, какъ Отдѣленіе Русскаго языка Словесности Императорской Академіи Наукъ. Между тѣмъ въ каждой строчкѣ этого произведенія виденъ дилетантъ, которому совершенно чужды общепринятые методы научнаго изслѣдованія вопроса. Зато столь крупный недостатокъ восполняется съ избыткомъ большимъ апломбомъ автора и его тенденціозностью, благодаря чему и нашему несчастному украинскому языку преподносятся упреки, заимствованные изъ „Кіевлянина" и компаніи. Содержаніе этого произведенія изложить невозможно, такъ какъ оно принадлежитъ къ числу литературныхъ винигретовъ. Научнаго матеріала въ немъ почти нѣтъ.

М. Г. Халанскій. Народные говоры курской губерніи (стр. 1—382). Настоящее прекрасное изслѣдованіе представляетъ крупный интересъ для изслѣдователей и любителей украинской этнографіи, народной поэзіи и языка. Авторъ даетъ сначала краткое изслѣдованіе о народныхъ говорахъ курской губерніи (стр. 1—48), въ населеніи которой имѣется значительное количество украинцевъ, а затѣмъ издаетъ собранные имъ матеріалы по діалектологіи и народной поэзіи курской губерніи и волчанскаго уѣзда, харьковской губерніи. Большая часть матеріала относится къ великороссамъ, а часть пѣсенъ записана среди украинскаго населенія (стр. 321—360). Конечно, настоящее изслѣдованіе автора, какъ и всѣ его произведенія, отличается строгой научностью и объективностью и не имѣетъ ничего общаго съ отмѣченнымъ выше произведеніемъ г. Тиханова.

Сборникъ Харьков. Истор.-Филол. Общества, т. 14.

Настоящій томъ „Сборника" раздѣленъ на шесть отдѣловъ съ особой нумераціей страницъ въ каждомъ изъ нихъ. Въ I отдѣлѣ

всѣ статьи представляютъ тотъ или другой интересъ для украинскаго читателя. а потому мы и остановимся нѣсколько на нихъ.

1) *Двадцатипятилѣтіе Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ (1877—1902). Торжественное засѣданіе 22 февраля 1902 г. (стр. 1—16).* Настоящая статья содержитъ краткій протоколъ торжественнаго засѣданія общества 22 февраля 1902 года и полученныя имъ по случаю юбилея привѣтствія.

2) *Н. Ф. Сумцовъ. Двадцатипятилѣтіе Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ (стр. 17 - 27).* Настоящая статья представляетъ рѣчь. произнесенную проф. Н. Ф. Сумцовымъ въ торжественномъ засѣданіи Общества 22 февраля 1902 года. Представивъ краткую картину развитія историческихъ знаній вообще, ораторъ говоритъ о возниковеніи и дѣятельности историческихъ обществъ въ Россіи и переходитъ затѣмъ къ характеристикѣ трудовъ и значенія Ист.-Фил. Общества при Харьк. Университетѣ не только для мѣстнаго края, но и въ ряду другихъ обществъ, занимающихся исторіей и соприкасающимися съ ней науками.

3) *З. Е. Рѣдинъ. Ученая дѣятельность Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Университетѣ за первыя двадцать пять лѣтъ его существованія* (стр. 29—74). Авторъ характеризуетъ въ своемъ очеркѣ ученую дѣятельность Общества и сообщаетъ фактическія данныя по этому вопросу.

4) *Е. М. Ивановъ. Харьковскій Историческій Архивъ (стр. 75—108).* Архивъ находится въ вѣдѣніи Ист.-Фил. Общества, вслѣдствіе чего историческій очеркъ его и включенъ въ число статей, посвященныхъ 25-лѣтнему юбилею Общества. Авторъ даетъ исторію Архива и характеризуетъ его организацію и составъ. Какъ извѣстно, Архивъ содержитъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи Лѣвобережной и Слободской Украинѣ.

5) *А. В. Ветуховъ. О дѣятельности педагогическаго отдѣла Х. И.-Ф. Общества въ первое десятилѣтіе 1899 - 1902 года (стр. 109—122).* Авторъ излагаетъ кратко исторію отдѣла и характеризуетъ его дѣятельность. Въ приложеніи онъ даетъ списки докладовъ, прочитанныхъ въ отдѣлѣ, членовъ его и общедоступныхъ научныхъ чтеній съ свѣтовыми картинами, устроенныхъ отдѣломъ.

Второй отдѣлъ „Сборника" (стр. I—XCIV) занятъ протоколами засѣданій Общества за 1899—1903 академическіе годы.

Третій отдѣлъ (стр. 1—34) посвященъ памяти проф. И. Н. Миклашевскаго и содержитъ. рѣчи, статьи и замѣтки (числомъ 10) В. Ф. Левитскаго, Д. И. Багалѣя. Н. А. Гродескула, Н. А. Максимейка и др. лицъ.

Четвертый отдѣлъ (стр. 1—174) „Сборника" посвященъ памяти проф. А. И. Кирпичникова и состоитъ изъ 34 статей разныхъ лицъ. Статьи характеризуютъ личность, общественную и ученую дѣятельность покойнаго профессора. Очерки Е. К. Рѣдина, Д. Языкова и М. Г. Попруженка даютъ библіографическіе обзоры трудовъ проф. А. И. Кирпичникова.

Шестой отдѣлъ „Сборника" (стр. 1—6) содержитъ списокъ изданій Общества.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ украинскому вопросу. Въ 1896 году поступило въ Императ. Публичн. Библіот. интересное собраніе бумагъ статсъ-секретаря Ѳ. П. Корнилова, съ 1849 года занимавшаго важныя административныя должности; управляющаго канцеляріей Московск. генералъ-губернатора, Московск. гражданскаго губернатора, управляющаго дѣлами комитета министровъ и, наконецъ, члена Государственнаго совѣта. Среди бумагъ этихъ находится связка дѣлъ по такъ называемому западному комитету, вѣдавшему дѣлами сѣверо-западнаго и юго-западнаго края. Здѣсь, между прочимъ, мы встрѣтили „Сводъ предположеній, относящихся до западняго края, изложенныхъ во всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ кн. Васильчикова (кіевскаго генералъ-губернатора) и В. И. Назимова (генералъ-губернатора западнаго края) за 1861 и 1862 гг.“ На основапіи этихъ донесеній, въ министерствѣ внутрен. дѣлъ былъ составленъ „Очеркъ общаго хода дѣлъ въ западномъ краѣ съ начала 1861 года“. Въ бумагахъ Ѳ. П. Корнилова имѣется рукопись „Замѣчанія“ на этотъ „Очеркъ“, кѣмъ написанныя — не поименовано. Глава 9-я этихъ замѣчаній касается украинскаго вопроса и высказываетъ слѣдующія мысли:

„Князь Васильчиковъ не признаетъ полезнымъ ни преподаваніе простолюдинамъ малороссійскаго языка, ни изданіе на этомъ языкѣ учебниковъ, священныхъ книгъ и правительственныхъ распоряженій. Между тѣмъ онъ не отвергаетъ пользы проповѣдыванія слова Божія на малороссійскомъ языкѣ. Едва-ли можно соединить эти двѣ мысли. Министръ внутрен. дѣлъ въ подтвержденіе мысли кн. Васильчикова

замѣчаетъ, что въ усиліяхъ разныхъ лицъ къ поддержанію и развитію отдѣльнаго чувства малороссійской народности лежитъ стремленіе къ федеративному началу. Можетъ быть это и такъ: министръ внутрен. дѣлъ объ этомъ можетъ судить лучше, нежели частное лицо. Нельзя однако-же при этомъ не замѣтить, что не только стремленіе къ федеративному началу, но и осуществленіе его можетъ проявляться въ средѣ населеній, принадлежащихъ къ одной народности, говорящихъ однимъ языкомъ; доказательствомъ служитъ Сѣверная Америка, Швейцарія и, наконецъ, Германія, и напротивъ — единое и самодержавное начало можетъ лежать въ основаніяхъ государственной связи между разнородными племенами: доказательство—наши Остзейскія губерніи, соединеніе которыхъ съ прочими частями Имперіи конечно основано не на федеративномъ началѣ, между тѣмъ въ этихъ губерніяхъ даже оффиціальный языкъ нѣмецкій, и въ училищахъ народъ обучается его природнымъ языкамъ—эстонскому (даже двумъ нарѣчіямъ) и латышскому. Шотландское нарѣчіе почти непонятно для англичанъ; на немъ много пишется и печатается, между тѣмъ Шотландія и Англія живутъ въ тѣснѣйшемъ соединеніи подъ единодержавіемъ. Изъ того, что нѣкоторые стараются возстановить или лучше—создать письменность на малороссійскомъ языкѣ, едва ли можно заключать о стремленіи къ федераціи, если на то нѣтъ другихъ, болѣе положительныхъ доказательствъ. Но еслибъ и было что-либо подобное, то между желаніемъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ и стремленіемъ массы народа огромное разстояніе".

Оказывается, что и этому благопріятному для украинскаго вопроса заключенію, составленному въ Западномъ комитетѣ, не удалось отвратить тѣхъ злоключеній, которыя постигли украинскую письменность въ 1863-мъ году.

В. Науменко.

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его отношенія къ евреямъ. Бѣдна исторіографія русскихъ евреевъ. Несмотря на то, что евреи проникли въ Россію, вѣроятно, еще при первыхъ Рюриковичахъ и что во многихъ мѣстностяхъ нашего обширнѣйшаго отечества евреи поселились задолго еще до появленія тамъ такъ называемаго кореннаго населенія, мы до сихъ поръ не имѣемъ еще обстоятельной, научно написанной исторіи нашего народа въ этой странѣ.

Мало того. До послѣдняго времени не извлечена еще и не разработана даже ничтожная часть многочисленныхъ и цѣнныхъ матеріаловъ, хранящихся въ различныхъ архивахъ и книгохранилищахъ и могущихъ разсказать очень много интереснаго и поучительнаго о прошломъ нашего народа въ Россіи. Даже тотъ научный историческій матеріалъ, заключающійся въ регестахъ и надписяхъ, собранныхъ и изданныхъ членами историко-этнографической коммисіи при обществѣ Распространенія Просвѣщенія, матеріалъ, могущій освѣтить ту или другую эпоху изъ исторіи евреевъ въ Россіи, ту или другую сторону ихъ прошлой частной и общественной жизни, а главнымъ образомъ, ихъ юридическое и соціальное положеніе въ этой странѣ, отношенія къ нимъ оффиціальныхъ сферъ,—даже этотъ матеріалъ почти еще не использованъ и ждетъ еще своего историка. Русскіе антисемиты. въ оправданіе существующихъ ограничительныхъ законовъ о евреяхъ, продолжаютъ называть этихъ послѣднихъ пришлымъ и вреднымъ элементомъ, явившимся сюда чуть ли не со вчерашняго дня; лицемѣрные глашатаи „Новаго Времени“ не перестаютъ доказывать своимъ читателямъ того историческаго абсурда, будто русскій народъ всегда относился враждебно къ евреямъ и что вражда эта объяснялась и объясняется дурными и отрицательными особенностями еврейскаго характера и еврейской морали. А между тѣмъ, для безпристрастнаго историка, ищущаго одной только объективной правды, теперь вполнѣ ясно. что отношенія русскихъ къ евреямъ во всей ихъ совмѣстной жизни были всегда добросовѣстны и благожелательны; что не только простой народъ, но и многіе представители свѣтской и духовной власти смотрѣли на евреевъ, какъ на полезныхъ гражданъ, не мало способствовавшихъ экономическому процвѣтанію страны. Я не буду приводить существующихъ на этотъ счетъ печатныхъ матеріаловъ, доступныхъ всякому интересующемуся этимъ вопросомъ. Я приведу здѣсь содержаніе одного въ высшей степени любопытнаго документа, отражающаго взгляды на евреевъ одного изъ выдающихся и авторитетнѣйшихъ южно-русскихъ пастырей, кіевскаго митрополита первой половины XVII столѣтія, *Петра Могилы*. Документъ этотъ до сихъ поръ не изданъ еще и извлеченъ изъ такъ называемыхъ Грамотъ Образцовыхъ – рукописнаго сборника Московской Синодальной Типографской библіотеки, № 390, листъ 16 [1]).

---

[1]) Документъ этотъ любезно доставленъ намъ С. Т. Голубевымъ.

Документъ этотъ носитъ названіе „Грамоты, благословляющей евреевъ рѣзь ихъ христіанамъ покупать". Вотъ его содержаніе.

„Всѣмъ вообще священникамъ и христіанамъ набожнымъ людямъ, кому то потребуется, мы объявляемъ, что смиреніе наше, принявъ во вниманіе 1) свободу христіанскую и несвободу ветхозавѣтную и людей ветхозавѣтныхъ, которые подъ страхомъ проклятія обязаны соблюдать записанные въ законѣ Моисеевѣ обрѣзаніе и ограниченіе относительно яствъ (бракованіе яствъ), между тѣмъ, какъ христіане свободны отъ этихъ ограниченій, и имъ позволено и благословлено все, что на рынкѣ и въ лавкахъ продается съѣстнаго; 2) *что христіане мирно ведутъ съ ветхозавѣтными людьми торговлю другими предметами*,—позволяется и благословляется христіанамъ, сынамъ нашимъ духовнымъ, съ благословенья Божьяго покупать и съ благодарностью Господу Богу за Его дары употреблять съѣстныя вещи, мясо говяжье и баранье *рѣзанья еврейскаго. Сверхъ того мы приглашаемъ всѣхъ, живущихъ подъ однимъ закономъ, къ сосѣдской дружбѣ, согласію и пріязни*, а челяди храстіанской, служащей у евреевъ, соблюдать законы и обряды христіанскіе, соблюдать воскресенье, чего господа ихъ старозаконные не должны возбранять; мы побуждаемъ ихъ учить челядь свою боязни Божіей".

Какъ мало гармонируетъ этотъ проникнутый любовнымъ отношеніемъ къ евреeямъ призывъ авторитетнаго митрополита Петра Могилы съ лживыми и лицемѣрными бреднями „Новаго Времени" объ исконной русско-еврейской ненависти, доказываемой и оправдываемой будто бы исторіей, и какъ громко возвышается истино-пастырскій голосъ упомянутаго митрополита надъ ядовитой и непростительной проповѣдью человѣконенавистничества, избиравшей своей трибуной органъ русскаго духовенства—«Церковный Вѣстникъ»...

И. В. Галантъ.

—

Всѣмъ весполъ братіямъ священникомъ и христіанскимъ побожнымъ людемъ, кому то належати будетъ, вѣдомо чинимъ, ижъ смиреніе наше, уваживши свободу христіанскую и неволю закона старего и людей старозаконныхъ, где подъ проклятствомъ до всего обовязаны, што въ законѣ Моисеевомъ написано, зостаючи, обрѣзкою и бракованемъ покормовъ зневолены будучи не всѣхъ даровъ Божіихъ уживаютъ, а христіаномъ, браку или бракованя старозаконнего вызволенымъ, все што колвекъ на рынку и въ яткахъ ѣдомое

продавано есть, благословено, и позволено, ижъ они пожитки, купли и гандли христіане з старозаконными людьми ведуть и в политицѣ отправуютъ, теды и речей ядомыхъ, мясъ яловичихъ и баранихъ рѣзаня жидовского. з благословеніемъ Божіимъ куповати и з подякованемъ Господу Богу за его даръ уживати, людемъ христіанскимъ, сыномъ своимъ духовнымъ, позволяемъ и благословляемъ, и всѣхъ вмѣстѣ живучих подъ единымъ закономъ до сусѣдское звычайности и згоды и пріязни напоминаемъ, и челяди хрестианской, абы у жидовъ служачи закону своего христианского и набоженства церковного што недели заживати и пилновати хотѣли, приказуемъ, чого панове ихъ старозаконные взбороняти имъ не манетъ и овшемъ до того побужати, абыся боязни Божое челядь ихъ учили. До того за таковую противъ людей еврейскихъ нашу зычливость, по оныхъ самыхъ того потребуемъ, абы панове арендари, кгдысе трафитъ въ свяченю каноновъ и въ вареню пивъ на празники святъ нарочитыхъ, безъ браня приходовъ броварныхъ и арендарскихъ, тымъ братіи нашой христіяномъ на церковную потребу позволяти абы не отмовилися чимъ, по иныхъ мѣстехъ и обѣтницею ихъ естесми упевнены: и то тымъ писанемъ нашимъ по братіахъ нашихъ и по нихъ самих мѣти хотѣчи, при печати митрополитанской с подписомъ руки нашое ствержаемъ. Писанъ в N: року N мѣсяца N дніа,

Такъ какъ спискъ грамоты включенъ въ сборникъ грамотъ образцовыхъ, то изъ нея исключена дата и подпись Могилы.

Неизвѣстное стихотвореніе К. Д. Думитрашка. Произведенія художественной украинской литературы хотя и крайне медленно, но все же проникаютъ въ народную среду и нерѣдко, при посредствѣ лубочной литературы, или путемъ изустной передачи лицами интеллигентными, попадаютъ даже въ репертуаръ украинскихъ сельскихъ пѣсенъ. Для примѣра укажемъ на «Черныцю Марьяну», «На що мени чорни бровы» и стихотвореніе Щоголева «У поли». (Гей у поли бувъ коняка), распѣваемыя населеніемъ с. Андреевки, нѣжинскаго уѣзда [1]; балладу В. Кулика «Загублени души» (Чы ты вирно мене любышъ)—записанную въ м. Веркіевкѣ, нѣжинск. у. [2]), два стихотворенія Ру-

---

[1]) В. Даниловъ. Пѣсни с. Андреевки, нѣжинскаго у. К. 1904, предисловіе.

[2]) Б. Гринченко. Этнографич. матеріалы, т. III, № 466.

данскаго и опять таки Щоголева «У поли»—въ рукописныхъ пѣсенныхъ матеріалахъ, принадлежащихъ Н. В. Лисенку. Этотъ перечень ненародныхъ произведеній, готовыхъ стать или уже обратившихся въ народныя, безъ сомнѣнія не ограничивается этими нѣсколькими примѣрами, и можетъ быть значительно увеличенъ. Съ другой стороны, въ сельской средѣ можно иногда услышать стихотврныя произведенія украинскихъ писателей, почему либо особенно понравившіяся и потому заученныя наизусть тѣмъ или инымъ лицомъ, съ чужихъ словъ или же по записи... Такъ, намъ приходилось слышать отъ одного изъ старожиловъ с. Колодистаго, звенигородск. у., извѣстное стихотвореніе Руданскаго «Вареныкы», слышанное имъ лѣтъ 25 тому назадъ отъ мѣстнаго дьяка, стихотвореніе про польское возстаніе 1863 г. («Схаменится вы, паны»), принадлежащее, какъ извѣстно, перу нѣкоего Палія Мостыголовы [1]), наконецъ, стихотвореніе К. Думитрашка, начинающееся словами: «Чумакъ повизъ рыбу на базаръ»... На этомъ послѣднемъ мы и остановимся. Стихотвореніе это, не появившееся донынѣ въ печати, пользовалось въ свое время большой популярностью. О немъ мы находимъ въ замѣткѣ Ѳ... ободы (Ѳ. Г. Лебединцева) (некрологъ К. Думитрашка) нѣсколько строкъ слѣдующаго содержанія: «... авторъ (Думитрашко) стоитъ на историко-политической почвѣ, воспроизводя былыя отношенія между малороссами, поляками и русскими и ихъ индивидуальныя черты». Послѣднее еще съ большею силою проглянуло въ его неизданномъ, но пользовавшемся въ свое время большою популярностію стихотвореніи: «Чупрына и Борода», въ которомъ съ добродушнѣйшимъ юморомъ воспроизведены бытовыя черты украинца-хлѣбороба и кабатчика-москаля. Послѣдній

Лито й зиму похожае
У сорочци рябеньки,
Въ матню іи не ховае,
Бо штаны куценьки.

И далѣе:

А якъ пиде танцюваты,—
Зовсимъ не до ладу:
Де бъ ногамы выбираты,
А винъ крутыть задомъ [2])

[1]) „Кіевская Старина“, 1889, V—VI, стр. 627—629.

[2]) „Кіев. Старина. 1886, V, 190.

Это стихотвореніе еще въ 60-хъ годахъ неизвѣстно откуда усвоилъ кіевскій «маляръ» Павелъ Каноновъ Бабенко, и въ бытность свою въ с. Колодистомъ, звенигор. у., въ 1867 г. на работѣ въ мѣстной церкви передалъ его изустно мѣстному жителю крестьянину Моисею Полевому, отъ котораго мы и получили запись [1]). Къ сожалѣнію, запись, безъ сомнѣнія, значительно далека въ настоящее время отъ оригинала: причиной ли этому то, что почти 40 лѣтъ какъ М. Полевой слышалъ это стихотвореніе, или «маляръ» Бабенко не вполнѣ точно передалъ его Полевому, т. к. самъ, быть можетъ, пользовался плохимъ спискомъ или слышалъ тоже отъ кого-нибудь третьяго,—судить не беремся Во всякомъ случаѣ, считаемъ не лишнимъ сообщить стихотвореніе хотя бы въ томъ видѣ, въ какомъ оно передано намъ, питая надежду, что авось оно у кого-либо изъ любителей родной словесности окажется въ памяти или въ спискѣ, и так. образомъ можно будетъ возстановить дефекты нашего списка.

Чумакъ пойихавъ на базаръ..
Продавъ рыбу и капчоню,
Избувъ рыбу й абыяку,
Продавъ и чехоню,
Набравъ грошей капшукъ повный
Самыхъ чыстосрибныхъ,
Ще й у жмени осталося
Лыбонь зъ копу мидныхъ...
Отъ ставъ винъ та й думае,
Щó робыты мушу?
Треба питы пидкрепыты
Чумацькую душу.

---

[1]) Упомянутый Моисей Полевой, нынѣ старикъ лѣтъ 60, личность недюжиная, и въ свое время получилъ весьма порядочное образованіе въ существовавшей въ сосѣднемъ селѣ Новоселицѣ двухклассной сельской школѣ. Образованіе въ этой школѣ было настолько солидно, что Моисей Полевой и понынѣ помнитъ опредѣленія подлежащаго, сказуемаго и т. п. Любопытно отмѣтить, что дѣятельнымъ наставникомъ въ школѣ былъ мѣстный священникъ о. Романъ Вышинскій (нынѣ 90 лѣтній старикъ), который по словамъ М. Полевого, сообщалъ имъ, ученикамъ, (это было въ 40-хъ г.г.) немало свѣдѣній о Шевченкѣ, какъ о выдающемся *нашемъ* писателѣ, пишущемъ *по нашему* и т. п.

Оттакъ соби чумакъ думавъ,
Тай побривъ до шынку,
А въ тимъ шынку та кацапы
Пьють одкупну горилку.
Препогана горилуха
Та й кацапъ пребрыдкый...
Нехай люде сами скажуть,
Чымъ же кацапъ гарный (вѣроятно, пропущена
Волохатый якъ ведмидь, [строфа).
Борода—якъ стриха,
И на тимни щось проскубло
Неначе для смиху.
Лито й зиму похожае
Въ сорочци рябеньки,
Въ матню іи не сховае,
Бо штаны вузеньки [1]).
А якъ пиде танцюваты,
Зовсимъ не до ладу:
Де тра быты тропака,
То винъ крутыть задомъ,
Та й прыспивуе:
„Гей колокольня, чаво недовольна?"
. . . . [2])
Пишовъ же винъ межы челядь...
То ёму й сказала одна чорнобрыва:
Пиды трычи ты умыйся,
Тварюко соплыва!
Та й тоди ще не зривняю
Тебе зъ чумакомъ..
Хиба жъ такы проминяю
Чобитъ зъ лычакомъ?
Оттаке то чумакъ думавъ,
Покы пывъ горилку,
А якъ выпывъ—трычи плюнувъ
Та й пишовъ изъ шынку.

В. Доманицкій.

---

[1]) Этотъ варіатъ правильнѣе, чѣмъ въ цитированномъ выше четверостишіи „купеньки".
[2]) Какой-то пропускъ.

По поводу одной мнимо-народной пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ. Въ іюльской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1886 г. (стр. 570—573) помѣщены были г. М. В.(асильевымъ) двѣ „народныя“ пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ,—по мнѣнію автора, волынскія, при чемъ не сообщено ни мѣста, ни времени записи. По поводу этихъ пѣсенъ г. Ювеналій Тиховскій въ V—VI кн. „Кіевской Старины“ за 1889 г. (стр. 626—529) замѣчаетъ, что пѣсни эти—искусственныя стихотворенія: „Искусственныя—такъ какъ приводимыя авторомъ замѣтки двѣ „народныя“ пѣсни представляютъ въ сущности неудачную спайку кусковъ виршей Палія Мостыголовы (продукта досужаго сочинительства), спайку почти нетронутую творчествомъ народа“ (стр. 627), и затѣмъ г. Тиховскій приводитъ вирши Мостыголовы: „Схаменитесь вы, паны!“ съ разночтеніями по другому списку. Но и г. Тиховскій, сѣтующій на то, что г. Васильевъ не сообщаетъ данныхъ ни о мѣстѣ, ни о времени записи, дѣлаетъ то же самое: кромѣ указанія, что авторъ стихотворенія—нѣкій Мостыголова, никакихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній у него не находимъ. Нѣкоторыя подробности объ этихъ „виршахъ“ находимъ въ статьѣ П. Кузьмичевскаго (Драгоманова) „Малороссійскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ“ („Кіев. Старина“, 1887, IV, 621—632). Процитировавъ отрывокъ изъ записи г. Васильева, авторъ добавляетъ: „Пѣсня эта отзывается семинарско-дьяковскою книжностью и, по всей вѣроятности, сочинена грамотѣемъ клерикальнаго воспитанія, но она, очевидно, получила нѣкоторое распространеніе. Не знаемъ еще, насколько она распространена въ крестьянствѣ, но мы слышали, что семинаристы и бурсаки въ подольской и волынской губерніяхъ поютъ слѣдующій варіантъ ея послѣднихъ словъ, какъ особую пѣсню“ (приводится 8 строкъ, служащихъ, въ дѣйствительности, началомъ „виршей)... Г. Кузмичевскій вполнѣ былъ правъ: стихотвореніе, какъ доказалъ позже г. Ю. Тиховскій, искусственнаго происхожденія, а что оно пользовалось успѣхомъ въ бурсѣ и семинаріи—свидѣтельствуетъ, между прочимъ, наша запись въ с. Колодистомъ, звенигор. у., отъ старика крестьянина Моисея Полевого, видѣвшаго 30 нѣтъ тому назадъ списокъ стихотворенія у мѣстнаго дьячка Григорія Туржанскаго. Запись эта почти ни въ чемъ не разнится отъ текста, напечатаннаго г. Ю. Тиховскимъ, лишь въ заключеніе прибавлено четверостишіе, отсутствующее въ упомянутомъ текстѣ, а именно:

„Чы багата, чы то й бидна,
Вона мужу всегда вирна,
Дитокъ мылыхъ прыголубыть,
Пизно або рано збудыть“...

да въ серединѣ текста произведена, послѣ словъ: „та на це лыхо не дывиться, щобъ описля не журыться“, вставка четверостишія:

„Бо ще й не те було зъ намы,
Якъ булы мы пидъ панамы:
Опухла дытына зъ голоду мре,
А маты на панщыни пшеныченьку жне“.

Послѣднее, можно думать, явилось позднѣйшимъ наслоеніемъ подъ вліяніемъ поэзіи Шевченка.

Относительно сомнѣнія г. Кузмичевскаго на счетъ степени распространенности этой „пѣсни“, можно съ увѣренностью сказать, что въ народный репертуаръ она не вошла вовсе, и далѣе любительскаго списыванія въ свое время молодежью духовнаго вѣдомства не пошла.

В. Д.

Дѣдъ П. А. Кулиша. Недавно мнѣ случилось просматривать различные списки, хранящіеся въ архивѣ Соборно-Михайловской церкви, находящейся въ мѣст. Воронежѣ, черниговской губ. глухов. уѣзда, на родинѣ П. А. Кулиша. Тамъ, между прочимъ, имѣется слѣдующая запись, относящаяся къ 1788 г.:

„Дворъ 11-й. Дворъ и домъ апшетованный. Атаманъ сотенный Яковъ Ивановичъ Кулишъ 35 лѣтъ. Жена Марія Григорьевна 35 лѣтъ. Дѣти Александръ [1]) 12 лѣтъ, Евфросинія 16 лѣтъ. Дворовые—Прохорякъ и др.“—Біографы П. А. Кулиша обыкновенно сообщаютъ, что онъ сынъ простого козака; между тѣмъ, его дѣдъ былъ сотеннымъ атаманомъ и имѣлъ дворовыхъ людей.

Иванъ Абрамовъ.

---

[1]) Отецъ писателя П. А. Кулиша.

Грамота св. Θеодосія, архіепископа Черниговскаго. Въ «Черн. Губ. Вѣдомостяхъ» (1905 г. № 66) помѣщенъ журналъ засѣданія черниговской губ. ученой архивной коммиссіи, 22 декабря 1904 г. Въ коммиссіи доложено было, что проживающій въ с. Шатрищахъ, новгородсѣв. у., козакъ Терентій Конча, по просьбѣ губернатора, прислалъ подлинный документъ, относящійся къ личности св. Θеодосія, съ тѣмъ, чтобы документъ этотъ, по разсмотрѣніи, возвращенъ былъ г. Кончѣ. Текстъ документа слѣдующій (воспроизводимъ по автограф. снимку, такъ какъ въ журн. коммиссіи онъ приведенъ съ ошибками):

«Θеодосий Углицкий, Милостіею Божіею Православный Архіепископъ Чернѣговский, Новгородский, и всего Сѣвера. Архімандрита Елецкий.

Вѣдомо да будетъ, ижесмо Прокопію Сенченку, атаману Шатринскому, позволили в грунтах нашых катедралных, в бору, под селом Шатрищами, на речцѣ Драчѣ, греблю засыпати, млынъ при ней построити; з которого млына онъ и потомкове его третую часть мелницкую, ведлугъ звычаю мелницкого, одбирати мают, а нам двѣ части належати будуть. Варуем зась тое, абы помененый Прокопий, атаманъ, зажываючи своей части, церковныхъ собѣ не важился привлащати, анѣ за заслуги войсковіе тіе части собѣ выправляти и церковъ кривдити; а еслибы ся важилъ, буди вовѣки неблагословенъ и одъ млына оддаленъ. Шо абы в лѣпшой памяти и твердости зоставало, сей листъ нашъ з подписомъ руки власной и з притисненіем печати катедралной тому жъ Прокопію, атаману, выдати росказалисмо. Писанъ в Новгородку, року божого 1694, мѣсяця августа 29 дня».

Приписка внизу справа, рядомъ съ печатью: «Для охотнѣйшого зас и поряднѣйшого того млына строенія, тому жъ Прокопію, атаману, по построеню млина позволяем слободы на цѣлый рокъ». Подпись слѣва, нѣсколько выше приписки: «Вышменованый архіепископъ рукою власною». Печать съ изображеніемъ кн. Бориса и Глѣба и съ гербомъ (сердце съ крестомъ, пронзенное двумя стрѣлами) оттиснута на красномъ воскѣ. Документъ, вообще, хорошо сохранился.

Въ журналѣ архивной коммиссіи (напечатанномъ въ Губ. Вѣд.) текстъ этого листа приведенъ съ ошибками. Такъ, употребительная въ актахъ буква ꙗ принята за букву ѣ («для порѣднѣйшого того млына

строеніѧ.... позволѧем» и т. п.). Такая систематическая замѣна одной буквы другою указываетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ опечаткой. Есть и другія ошибки.

Изъ приведеннаго тамъ же «современнаго перевода» документа мы убѣждаемся, что въ Черниговской архивной коммиссіи не только плохо читаютъ такіе четкіе документы, но еще хуже понимаютъ ихъ смыслъ. Напр., фраза: „Варуем зась тое, абы помененый Проконий атаманъ, заживаючи своей части..."—переведена такъ: „Гарантируемъ также и то, чтобы атаманъ Прокопий, добывая свою часть...", тогда какъ эти слова значатъ: „Предупреждаемъ о томъ, чтобы упомянутый Прокопій атаманъ, пользуясь своей частью..." *Заживати*—не значитъ *добывать;* да и добывать-то будетъ Прокопій не одну свою, а всѣ три части, и только пользоваться будетъ одною частью. Но это еще мелкая ошибка, по сравненію съ слѣдующею. Послѣдняя фраза документа: „томужъ Прокопію атаману по построеню млына позволяем слободы на цѣлый рокъ",—переведена совсѣмъ произвольно: „Мы позволяемъ атаману Прокопію, по окончаніи постройки мельницы, заарендовать слободы на цѣлый годъ". Въ поясненіяхъ сказано: „Вѣроятно, дабы Прокопій Зенченко (т. е. Сенченко) не поскупился и построилъ хорошую мельницу, ему и позволено святителемъ, по окончаніи постройки, т. е. когда ее возможно было и осмотрѣть, заарендовать, повидимому, безъ всякаго платежа, каѳедральныя слободы на цѣлый годъ". Это уже совершенная выдумка. Ни о какой арендѣ *(посессіи, держаніи)* нѣтъ рѣчи. Фраза о „слободѣ" приписана, очевидно, по изготовленіи документа (послѣ даты) и такая важная вещь, какъ отдача въ аренду монастырскихъ слободъ, конечно, потребовала-бы болѣе обстоятельнаго опредѣленія, переименованы были бы самыя слободы и т. д. Рѣчь идетъ не объ арендѣ, а о томъ, что строителю мельницы *дается льгота* на одинъ годъ, т. е. онъ освобождается отъ обязанности представлять катедри „двѣ части мелницких".

Такъ теперь идутъ дѣла въ этой „ученой" коммиссіи, изъ которой мѣрами администраціи были изгнаны, а отчасти сами ушли, живыя силы. Злоключенія этой несчастной коммиссіи были своевременно отмѣчаемы въ газетахъ и произошли отчасти потому, что коммиссія не имѣетъ опредѣленнаго устава, который въ значительной части замѣняется усмотрѣніемъ.

Гр. Коваленко.

Замѣтка къ работамъ П. А. Кулиша по переводу „Положенія о крестьянахъ. Въ №№ 2 и 3-мъ нашего журнала за текущій годъ напечатанъ былъ сохранившійся въ корректурныхъ листахъ довольно большой отдѣлъ перевода «Положенія о крестьянахъ» на украинскій языкъ П. А. Кулиша. Предисловіе Г. С. Вашкевича, предпосланное напечатанному у насъ переводу, знакомитъ со всѣми тѣми недоразумѣніями, которыя произошли между переводчикомъ и канцеляріей Государственнаго Совѣта и которыя были причиной того, что начатая уже печатаніемъ работа Кулиша была, по его желанію, прервана. А между тѣмъ, до какой степени онъ былъ увлеченъ своимъ дѣломъ, насколько онъ считалъ его важнымъ, видно изъ нѣкоторыхъ строкъ его писемъ въ началѣ 1861 года. Такъ, въ письмѣ къ М. И. Гоголь (матери Н. В. Гоголя) отъ 3 апрѣля 1861 г. Кулишъ между прочимъ пишетъ изъ Петербурга: «Я взялся перевести «Положенія о крестьянахъ» на украинскій языкъ и вотъ почему сижу въ Петербургѣ» (Чтенія въ Истор. Общ. Нестора Лѣтоп., кн. 16-я. вып. 4, стр. 112). Вѣроятно, объ этой-же работѣ говоритъ Кулишъ и въ письмѣ отъ 15 апрѣля: «Не удивляйтесь, что я не назначаю времени своего пріѣзда: я занятъ работою, которую ни въ коемъ случаѣ не долженъ оставить». (Ibid., стр. 113). И вотъ, менѣе черезъ мѣсяцъ послѣ этого письма, 10 мая, Кулишъ совершенно отказался отъ продолженія начатой работы.

Извѣщеніе редакціи. 1) *На поддержаніе въ порядкѣ могилы Т. Г. Шевченка* прислано А. С. Фесенкомъ *2 р.*, что, вмѣстѣ съ прежними 434 р. 75 к. (см. № 4-й), составитъ *436 р. 75 к.* 2) *На образованіе капитала имени И. С. Левицкаго* прислано изъ Екатеринослава С. В. Бачинскимъ 2 р., что, вмѣстѣ съ прежними 133 р. 11 к. (см. № 4), составитъ *135 р. 11 к.* Эти 2 рубля присланы при слѣдующемъ интересномъ письмѣ.

Милостивый Государь!

Препровождая при этомъ письмѣ 2 (два) рубля, считаю нужнымъ сообщить, при какихъ обстоятельствахъ я ихъ посылаю.

Одинъ разъ въ разговорѣ съ крестьянами (с. Каменка, Екатер. губ. Новом. у.), я между прочимъ упомянулъ, что въ настоящее время поднятъ вопросъ о введеніи малороссійскаго языка въ школахъ и объ образованіи капитала имени И. С. Левицкаго (съ произведеніями ко-

тораго они отчасти знакомы по дешевымъ изданіямъ), для изданія книгъ для народа.

Къ этой инициативѣ они отнеслись съ живѣйшимъ сочувствіемъ, высказывая мысль, что слишкомъ мало попадаетъ книгъ на ихъ родномъ языкѣ въ деревню, и тутъ же (безъ моего приглашенія) сложившись, они мнѣ вручили свою лепту для этого дѣла.

Съ совершеннымъ почтеніемъ *С. Бачинскій.*

Текущія извѣстія.

Фразы и факты [1]). Дружеская рука переслала мнѣ номеръ «Гражданина» (№ 22), гдѣ какой-то господинъ, подписавшійся словомъ „Кіевлянинъ", выдергивая фразы изъ моей книги («Очеркъ исторіи украинскаго народа») и дополняя ихъ своими изобрѣтеніями и соображеніями, изобличаетъ тайныя помышленія «украинофиловъ» и рисуетъ страшныя перспективы, грозящія въ случаѣ освобожденія украинства отъ репрессій, тяготѣющихъ на немъ въ Россіи. Эта посылка была снабжена замѣткой, что упомянутая статья считается голосомъ кіевскаго «Русскаго собранія». Это обстоятельство даетъ нѣкоторое право на вниманіе къ этой статьѣ и побуждаетъ меня написать предлагаемыя строки.

На слова, обращенныя ко мнѣ лично, я не буду отвѣчать. Я, конечно, никогда не разсчитывалъ на одобреніе сотрудниковъ „Гражданина" и не могу огорчаться бранью, раздающеюся изъ устъ господъ изъ «Русскаго собранія». Я не могу также состязаться въ отгадываніи чужихъ намѣреній и прорицаніи будущаго, въ которомъ чувствуетъ себя такимъ сильнымъ г. Кіевлянинъ. Предпочитаю остаться на почвѣ фактовъ прошлаго и настоящаго, доступныхъ простому человѣческому уму.

Г. Кіевлянинъ предостерегаетъ комитетъ министровъ не открывать «свободы пропаганды украинофильства», такъ какъ «дать сво-

---

[1]) Подъ такимъ заглавіемъ помѣщенъ въ № 50 „Сына Отечества" отвѣтъ проф. Грушевскаго на извѣстныя уже нашимъ читателямъ клеветническія выходки „Гражданина". Перепечатываемъ цѣликомъ этотъ спокойный голосъ ученаго, съ историческими фактами въ рукахъ разбивающаго голословныя обвиненія невѣжественнаго охранителя.

боду малороссійскому слову во всѣхъ областяхъ науки и жизни—это значитъ подвергнуть пересмотру постановленіе переяславской рады 8-го (18-го) января 1654 года и царскій указъ 27-го марта 1654 года». Съ разрѣшеніемъ св. писанія на украинскомъ языкѣ, Малороссія, «пожалуй, промѣняетъ православіе на штунду». Снятіемъ запрещенія съ украинскаго слова воспользуются прежде всего «проповѣдники штунды и соціалъ-демократическіе агитаторы». Свободою собраній «наши украинофилы» воспользуются для организаціи «сѣчей», т. е. сообществъ среди крестьянъ крайне бунтарскаго направленія, создаваемыхъ для борьбы съ государствомъ, съ церковью, съ крупной поземельной собственностью, со всѣмъ вообще современнымъ строемъ не только при помощи стачекъ и т. д., но и при содѣйствіи топоровъ, револьверовъ и ручныхъ бомбъ.

«Можно себѣ представить, что дѣлалось бы въ нашихъ деревняхъ, если бы затѣи украинофиловъ осуществились! Безъ ужаса и дрожи объ этомъ нельзя даже и подумать!»—восклицаетъ въ пророческомъ экстазѣ г. Кіевлянинъ.

Разгулявшееся воображеніе, конечно, можетъ представить все, что угодно, особенно если оно соединяется съ изобильною дозою невѣжества и беззаботнаго отношенія къ фактамъ и логикѣ, какъ это обыкновенно бываетъ у товарищей по оружію г. Кіевлянина. Какъ смѣло, напр., онъ воюетъ актами 1654 г.! А вѣдь этотъ царскій указъ 27-го марта 1654 г. заключаетъ въ себѣ такія гарантіи самоуправленія и правопорядка Малороссіи, которыя несомнѣнно показались бы также поразительно дерзкими, если бы были высказаны въ качествѣ постулята какимъ-нибудь современнымъ «вождемъ украинофильства». Вѣдь этотъ указъ вкратцѣ резюмировалъ знаменитыя «статьи Богдана Хмельницкаго», впродолженіе столѣтій бывшія затѣмъ лозунгомъ украинскихъ патріотовъ въ ихъ стремленіяхъ къ автономіи Малороссіи; онъ гарантировалъ Малороссіи выборное управленіе и судъ, въ которые не долженъ былъ вмѣшиваться никто, автономію церкви, свободный выборъ гетьмана и право сношеній съ заграничными державами [2]),—словомъ ставилъ Малороссію относительно Московскаго государства въ положеніе, которое авторитетнѣйшій изъ историковъ права Россіи проф. Сергѣевичъ опредѣляетъ какъ личную унію, т. е. союзъ

---

[2]) Акты Южной и Западной Россіи т. X, стр. 491—8.

двухъ автономныхъ государствъ подъ властью одной династіи [1]). Призывъ къ актамъ 1654 г., обращенный г. Кіевляниномъ по адресу комитета министровъ, равносиленъ призыву разорвать съ политикою порабощенія Малороссіи, репрессій и стѣсненій свободнаго развитія украинскаго общества, которую боярская бюрократія Москвы повела вопреки идеѣ свободнаго соединенія, лежавшаго въ основѣ актовъ 1654 г. И дѣйствительно пора, пора разорвать съ этой недостойной, губительной, развращающей политикой гнета и запрещеній.

Г. Кіевлянинъ поправляетъ комитетъ министровъ, назвавшій украинофильское движеніе явленіемъ наноснымъ, и доказываетъ, что явленіе это домашнее и старое, выросшее на украинской почвѣ и ведущее свою исторію со временъ Мазепы. Пріятно видѣть, что сотрудники «Гражданина» сдѣлали такіе значительные успѣхи въ отечественной исторіи и уже не считаютъ украинства польско-австрійскою интригою самоновѣйшаго изобрѣтенія, какъ то еще недавно утверждали, а можетъ быть и теперь еще утверждаютъ писатели этого образца. Расширяя впредь свои познанія, они узнаютъ со временемъ, что т. н. украинскій сепаратизмъ—явленіе еще болѣе старое и еще болѣе близкое имъ по своему происхожденію. Они узнаютъ, что его создали боярскіе бюрократы Москвы, опутывая Украину паутиною бюрократической интриги, шагъ за шагомъ стѣсняя ея автономію и подводя ея жизнь подъ московскіе шаблоны, пользуясь для этого затруднительнымъ положеніемъ украинскихъ политиковъ, тщательно ловя ихъ на неосторожныхъ обѣщаніяхъ и принуждая къ уступкамъ, противнымъ ихъ общественной и національной совѣсти. Эта-то беззастѣнчивая, холодно-разсчетливая политика вызвала среди вождей украинскаго общества XVII в. отвращеніе къ Москвѣ и отчаянныя попытки разорвать связь Украины съ нею, опираясь то на ту, то на другую политическую силу—то, что называется украинскимъ сепаратизмомъ. Богданъ Хмельницкій, которому М. Юзефовичъ на нашей памяти сооружалъ памятникъ[2]), былъ не только присоединителемъ Украины къ

---

[1]) В. Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права, 3 изд. 1903 г., стр. 107: „Присоединеніе имѣло характеръ личный, а не реальный. Малороссія не соединилась съ Московскимъ государствомъ, а только признала своимъ государемъ царствующаго въ Москвѣ государя съ его потомствомъ".

[2]) Мих. Юзефовичъ, иниціаторъ указа 1876 г., запретившаго украинское слово, былъ предсѣдателемъ правительственной комиссіи по сооруженію памятника Б. Хмельницкаго и награжденъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника при открытіи памятника.

московскому государству, но и первымъ украинскимъ сепаратистомъ, такъ какъ, убѣдившись, что московское правительство рѣшительно не хочетъ считаться съ стремленіями и желаніями украинскаго общества въ своей централистической политикѣ, рѣшилъ разорвать связь съ Москвою, опираясь на Швецію. Мазепа только исполнилъ планъ, принятый Хмельницкимъ и неосуществленный потому только, что смерть застигла его среди этихъ плановъ. Но создателемъ украинскаго сепаратизма нельзя назвать ни того, ни другого. Его создала московская бюрократическая политика, и положить конецъ украинскому сепаратизму можно, только положивъ конецъ этой политикѣ гнета и порабощенія, унаслѣдованной петербургской бюрократіей отъ московской.

Обладая весьма недостаточными, какъ видно, познаніями въ исторіи XVII в., г. Кіевлянинъ имѣетъ совершенно ложныя представленія объ эпохѣ религіозной борьбы въ Украинѣ. Онъ говоритъ, что «Малороссія читала по-славянски святое Писаніе въ эпоху борьбы за православіе и осталась ему вѣрна», и предвѣщаетъ поголовное распространеніе штунды, по разрѣшеніи св. Писанія на украинскомъ языкѣ. Въ дѣйствительности именно въ періодъ борьбы за православіе украинское общество пришло къ сознанію о необходимости перевода св. Писанія на «простую», «посполитую» народную рѣчь, для сознательнаго усвоенія его народомъ, и въ XVI, затѣмъ въ XVII в. появляется рядъ такихъ переводовъ, авторы которыхъ объясняютъ необходимость такихъ переводовъ аргументами, которые можно только повторить теперь въ защиту необходимости разрѣшенія украинскихъ переводовъ св. Писанія по адресу неумѣренныхъ защитниковъ славянскаго текста [1]). А штунда возникла и распространилась во второй половинѣ XIX в., какъ народный протестъ противъ омертвѣнія церковной организаціи, противъ бюрократизаціи духовенства, во время наибольшихъ репрессій украинскаго слова, совершенно независимо отъ «украинофильскихъ» вліяній. Стремясь къ достиженію религіозной вѣротерпимости, вожди и послѣдователи штунды вообще сторонились отъ политическихъ и національныхъ теченій, вѣроятно боясь усугубить адми-

[1]) См., напримѣръ, предисловіе къ Евангелію Тяпкинскаго 1570 г. Переводчикъ Учительнаго Евангелія 1616 г. ставитъ своею цѣлью сдѣлать этотъ трудъ, который въ славянскомъ текстѣ „про способность слухачовъ немногимъ пожиточенъ былъ“, доступнымъ широкимъ кругамъ общества „въ простѣйшемъ языку“.

нистративныя преслѣдованія своего вѣроученія. Они пользовались священнымъ писаніемъ и собраніями пѣснопѣній, литургическими книгами на великорусскомъ языкѣ и, вообще, насколько мнѣ извѣстно, національной украинской окраски штунда никогда не имѣла. Повліяетъ ли на ея дальнѣйшее развитіе самый фактъ разрѣшенія св. Писанія на украинскомъ языкѣ, не берусь судить, но что она развилась достаточно сильно въ періодъ запрещеній украинскихъ переводовъ св. Писанія и вообще украинскаго слова, это, вѣроятно, признаютъ и сотрудники «Гражданина».

Распространеніе огромной массы „книгъ и брошюръ революціоннаго содержанія на малорусскомъ нарѣчіи", которое констатируютъ корреспонденты „Гражданина", не нуждалось въ разрѣшеніи украинскаго слова въ Россіи. Аграрныя крестьянскія движенія въ украинскихъ губерніяхъ для своего появленія не ожидали закона о свободѣ собраній и обществъ Передъ ихъ стихійною силою и напряженностью совершенно блѣднѣютъ галицкія «Січи», такъ перепугавшія г. Кіевлянина, повѣрившаго на слово выдумкамъ галицкой шляхты и полиціи о револьверахъ, ручныхъ бомбахъ и т. п.[1]). Революціонныя движенія среди интеллигенціи украинскихъ губерній, точнѣе сказать—ея участіе въ революціонныхъ движеніяхъ Россіи, развивавшееся въ періодъ подавленія всякаго національнаго проявленія украинства, также совершенно не находятъ себѣ параллели въ жизни украинской интеллигенціи конституціонной Галиціи.

Всѣ тѣ страхи, которыми г. Кіевлянинъ пугаетъ комитетъ министровъ на случай допущенія свободы украинства, уже на-лицо, и вызвала ихъ къ жизни именно эта система бюрократической опеки, мертвящей регламентаціи и національнаго гнета, сохраненіе которой онъ такъ усиленно рекомендуетъ. Сотрудникамъ «Гражданина» желателенъ старый курсъ расширенія периферій государства съ усиленной ассимиляціей, порабощеніемъ окраинъ, хотя этотъ курсъ ведется цѣною полнаго истощенія центра, той «коренной Россіи», объ интересахъ которой такъ много говорится. Имъ желательно полицейско-бюрократическій, все нивеллирующій и все регламентирующій режимъ,

---

[1]) „Січи" гимнастическо-пожарныя общества преслѣдовались, такъ какъ администрація и правящая шляхта вообще враждебно относятся къ крестьянскимъ организаціямъ, но многочисленные обыски и процессы не обнаружили ничего подобнаго тому, что пишетъ о нихъ со словъ Kraj'я г. Кіевлянинъ.

облѣпившій государственный организмъ гноящимися болячками всевозможныхъ національныхъ и соціальныхъ «вопросовъ», вызвавшій къ жизни безчисленные «сепаратизмы»; имъ нужна эта всегнетущая опека, тщательно устраняющая интеллигенцію отъ всякаго вліянія на народъ, заковавшая общество, омертвившая церковь, держащая въ темнотѣ и нищетѣ народныя массы и толкающая къ революціонной дѣятельности всѣ классы общества за невозможностью легальной общественной самодѣятельности. Они держатся ея еще и теперь, послѣ того, какъ ея банкротство открылось во всей ужасающей наготѣ при встрѣчѣ Россіи съ самой младшею изъ культурныхъ державъ міра... О вкусахъ спорить трудно, но можно сильно сомнѣваться, чтобы этотъ консерватизмъ на изнанку, рекомендуемый комитету министровъ г. Кіевляниномъ, нашелъ сочувствіе не только тамъ, но и гдѣ бы то ни было въ средѣ людей, владѣющихъ своими умственными способностями и слѣдившихъ за жизнью Россіи. Несостоятельность стараго курса и неотложная необходимость коренной перестройки Россіи на основахъ правопорядка, общественной и національной справедливости должна быть очевидна для всякаго здравомыслящаго человѣка безъ различія его взглядовъ, консервативныхъ или прогрессивныхъ. Въ этой перестройкѣ, которая можетъ быть удовлетворительно произведена руками только самихъ общественныхъ классовъ и національныхъ элементовъ Россіи, должны найти свое разрѣшеніе ея національные вопросы, въ томъ числѣ и украинскій. Но устраненіе ограниченій, которыхъ вредъ и нераціональность признаны въ самихъ правительственныхъ сферахъ, нѣтъ надобности откладывать до этой общей перестройки—они должны быть отмѣняемы немедля, какъ только сознается ихъ вредъ или ненужность. Самъ комитетъ министровъ и запрошенные имъ органы администраціи и ученыя учрежденія указали единодушно на ненужность и вредъ ограниченій украинскаго слова—какая же цѣль откладывать ихъ отмѣну до болѣе общихъ законодательныхъ мѣръ? Мѣры, явившіяся какъ исключенія изъ общаго правила, должны быть прекращаемы немедля, когда ихъ ненужность сознана. А устраненіе всякаго стѣсненія все же вноситъ извѣстное облегченіе, устраняетъ извѣстную дозу горечи изъ современной жизни Россіи, въ которой этой горечи накопилось слишкомъ-слишкомъ ужъ много.

Мих. Грушевскій.

Львовъ.
2-го (15-го) IV. 905.

О св. писаніи на украинскомъ и русскомъ языкахъ. Въ № 94 «Полтавщины» помѣщена замѣтка П. Р.—«Потребность св. писанія на малорусскомъ языкѣ», въ которой авторъ выражаетъ пожеланія «о скорѣйшемъ предоставленіи малорусскому народу (равно какъ и другимъ народамъ), полной духовной свободы, т. е. дать ему возможность не только издавать на его родномъ языкѣ переводы св. писанія, но разрѣшить также издавать на томъ же языкѣ газеты и журналы и предоставить право преподаванія на малорусскомъ языкѣ на ряду съ другими въ школахъ: низшей, средней и высшей тамъ, гдѣ въ этомъ явится необходимость».

Отмѣтимъ кстати, что по поводу извѣстнаго постановленія комитета министровъ о снятіи запрещенія съ украинскаго евангелія въ русской печати высказано было мнѣніе о необходимости отмѣнить также монополію на русскій переводъ св. писанія. «Дѣло въ томъ,—говорятъ «Новости»,—что изданіе св. писанія на русскомъ языкѣ, для православныхъ составляетъ почему то монополію типографіи св. синода и никому, кромѣ этой типографіи, печатать и издавать св. писаніе на русскомъ языкѣ не разрѣшается. Исключеніе было сдѣлано въ восьмидесятыхъ годахъ по отношенію къ «Библіи» съ иллюстраціями Густава Доре, но съ тѣхъ поръ строгое запрещеніе кому либо печатать книги священнаго писанія на русскомъ языкѣ возстановлено во всей его силѣ. Какъ это ни странно, но невѣроятная монополія по отношенію къ св. писанію вызвана исключительно соображеніями матеріальнаго свойства» («Кіевскіе Отклики», № 69).

Правила о присужденіи преміи имени Н. В. Гоголя. Въ общемъ собраніи Академіи наукъ выработаны слѣдующія правила для присужденія преміи имени Н. В. Гоголя.

Преміи имени Н. В. Гоголя учреждаются при Императорской Академіи наукъ Полтавскимъ губернскимъ земствомъ и выдаются изъ суммы 1500 р., вносимой земствомъ въ Академію чрезъ каждыя пять лѣтъ. Къ соисканію премій допускаются оригинальные научные труды, печатные и рукописные, посвященные: а) исторіи южной Россіи, б) этнографіи украинскаго племени и в) археологіи Полтавской губерніи. Первое присужденіе премій имѣетъ быть въ 1906 г., слѣдующія—въ 1911, 1916 и т. д. годахъ, черезъ каждыя пять лѣтъ. Авторы, желающіе принять участіе въ конкурсѣ, представляютъ свои труды въ Ака-

демію наукъ не позже 21 февр. конкурснаго года. Отчетъ о присужденіи объявляется во всеобщее свѣдѣніе въ публичномъ засѣданіи Академіи наукъ 29 декабря. Преміи имени Н. В. Гоголя состоятъ: 1) изъ 1.000 руб. за труды историческаго содержанія; 2) изъ 500 р. за труды по этнографіи и археологіи. Труды, не удостоенные преміи, могутъ быть удостоены почетнаго отзыва имени Н. В. Гоголя («Разсвѣтъ», № 31).

Музей и библіотека имени Котляревскаго въ Полтавѣ. Почитатели памяти Котляревскаго предполагаютъ вторично ходатайствовать передъ полтавской думой объ устройствѣ при школѣ имени писателя музея и библіотеки. Когда этотъ вопросъ разсматривался думой, послѣдняя поручила управѣ войти въ переговоры съ земскимъ музеемъ и библіотекой относительно учрежденія особыхъ отдѣловъ имени Котляревскаго. Вскорѣ будетъ созвана управой коммиссія по разработкѣ вопросовъ. связанныхъ съ именемъ Котляревскаго, которой и будетъ предложено высказаться относительно библіотеки и музея при школѣ Котляревскаго («Полтавщина», № 87).

Украинская пѣсня въ Стокгольмѣ. Въ № 102 «Кіевскихъ Откликовъ» помѣщена интересная корреспонденція г. М. Л. изъ Стокгольма о концертѣ нашего галицкаго земляка, извѣстнаго тенора М. Е. Менцинскаго въ залѣ Шведской академіи наукъ.

Г. Менцинскій уже около года съ блестящимъ успѣхомъ подвизается на сценѣ Стокгольмской Королевской Оперы Происходя изъ семьи галицкаго священника, онъ воспитывался во Львовскомъ университетѣ, а потомъ, когда страсть къ пѣнію побѣдила унаслѣдованныя теологическія традиціи, сдѣлался ученикомъ знаменитаго проф. пѣнія Штокгаузена (Франкфуртъ на Майнѣ). Три года г. Менцинскій пѣлъ въ оперномъ театрѣ въ Эльберфельдѣ, пока случай не занесъ его въ Скандинавію. Здѣсь съ самаго начала и публика, и критика единодушно оцѣнили выдающійся голосъ М. Е., и отдали ему пальму первенства предъ туземными тенорами. Въ настоящее время дирекція Королевской Оперы уже заключила съ нимъ контрактъ на два года.

Программа упомянутаго концерта, состоявшагося 29 марта, была составлена весьма разнообразно. Здѣсь были исполнены и Вагнеръ (котораго такъ любитъ и превосходно исполняетъ нашъ пѣвецъ), и Шубертъ, и Шуманъ, и Чайковскій. Но самый шумный успѣхъ выпалъ на долю малороссійскихъ пѣсенъ Н. В. Лисенка: 1) Ой послала мене маты 2) На вгороди калыноньки, по дорози теренъ, 3) Спать мени не хочеться, а также «Гетьмани, гетьмани» и «Гомоніла Україна». Вся зала была охвачена энтузіазмомъ и громко аплодировала, требуя повтореній.

Критика съ большимъ единодушіемъ дала самые лестные отзывы какъ объ оригинальной красотѣ музыки, такъ и о талантливомъ исполненіи. Такъ, Affonbladet говоритъ, что «эти украинскія народныя пѣсни поразили своимъ своеобразнымъ характеромъ и своей эпиграмматической краткостью». «Веселое отдѣленіе, — замѣчаетъ Stockholme Dagbladet,—составили южно-русскія пѣсни, отчасти компанированныя, отчасти аранжированныя Лисенкомъ. Оригинальныя по характеру ритма и такта, переданныя съ любовью и прекраснымъ настроеніемъ, онѣ вызвали больше всего аплодисментовъ». «Новостью были,—пишетъ Dagen,—украинскія пѣсни. Что Менцинскій съ такимъ большимъ успѣхомъ сумѣлъ передать ихъ своеобразные напѣвы, объясняется тѣмъ, что это звуки его родины. Онѣ произвели необычайное впечатлѣніе, и послужили поводомъ къ номерамъ сверхъ программы». Съ особенной похвалой отзывается самая распространенная шведская газета «Stockholme Tidningen», которая, воздавая должное могучему и красивому тенору г. Менцинскаго и его необычайной выдержкѣ и искусству, пишетъ, что украинскія пѣсни вызвали такой энтузіазмъ, что приходилось бисировать и пѣть сверхъ програмы.

Народная художественная выставка и школа. Народная выставка картинъ съ весны будетъ размѣщена въ трехъ палаткахъ и посѣтитъ 6 украинскихъ губерній. На-дняхъ въ засѣданіи совѣта Императорской академіи художествъ было рѣшено предоставить художнику В. К. Развадовскому, иниціатору народныхъ выставокъ, въ его распоряженіе 28 картинъ, пріобрѣтенныхъ для музея Императорской академіи художествъ въ разное время. Въ общемъ число картинъ превыситъ 300. Академія энергично пришла на помощь ини-

ціативѣ В. К. Развадовскаго, давъ ему и въ нынѣшнемъ году денежную субсидію („Южный Край", № 8418).

Г. Развадовскій обратился въ академію художествъ съ ходатайствомъ объ учрежденіи въ Каменецъ-Подольскѣ рисовальной школы по образцу академическихъ школъ въ Пензѣ, Казани и Одессѣ, субсидируемыхъ академіей. Мотивами для этого ходатайства послужили слѣдующія обстоятельства: масса учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ города украинцевъ, выказывающихъ большія способности какъ вообще къ живописи, такъ и къ различнымъ прикладнымъ искусствамъ, а также наличность въ каменецъ-подольскомъ уѣздѣ до 40 гончарныхъ мастерскихъ и залежей подольскаго мрамора, изъ котораго мѣстные крестьяне дѣлаютъ всевозможные предметы, и для нихъ новое училище, если при немъ будутъ устроены и художественно-промышленные классы—явится настоящимъ благодѣяніемъ. Совѣтъ академіи пошелъ навстрѣчу этому начинанію и назначилъ изъ академическихъ суммъ 1200—1500 руб. въ годъ субсидіи на содержаніе преподавателя («Сынъ Отечества», № 49).

Выставка народныхъ художественныхъ произведеній. Художественной комиссіей Кіевскаго литературно-артистическаго общества рѣшено устроить въ будущемъ зимнемъ сезонѣ выставку мѣстныхъ кустарныхъ произведеній съ печатью художественности (глиняныхъ и деревянныхъ издѣлій, вышивокъ, ковровъ и проч.). Предположено назначить и небольшія преміи мастерамъ за лучшія издѣлія. Мѣстность по отношенію къ выставляемымъ предметамъ не будетъ ограничена лишь Кіевщиной; къ участію въ выставкѣ приглашаются также экспоненты изъ другихъ мѣстъ Украины («Полтавщина», № 97).

Украинскій театръ. Великопостный и праздничный сезонъ украинская труппа г.г. Саксаганскаго и Садовскаго играла въ Житомирѣ, а послѣ окончанія сезона часть труппы съ г. Саксаганскимъ во главѣ предполагаетъ посѣтить рядъ менѣе крупныхъ городовъ и мѣстечекъ правобережной и лѣвобережной Украины (Бѣлая-Церковь, Умань, Винница, Ромны и др.).—Труппа г. Гайдамаки съ 18 апрѣля по 1 мая играла въ Елисаветградѣ; репертуаръ состоялъ изъ слѣдующихъ пьесъ: «Без просвіту» г. Суслова, «Глум і помста» и «Чайковський»

г. Кропивницкаго, «Кара Божа» и «Розбыте щастя» г. Манька, „Житейське море“ г. Карпенка-Карого, „Маруся Богуславка“ г. Старицкаго, „Нахмарило“, „Серед бурі“ и „На громадській роботі“ г. Гринченко, „Погибель“ Сластина, «Каторжна» г. Барвинскаго, «Така її доля» г. Третьякова, «Чарівниця» Перебыйноса и «Галька», опера Монюшки,—послѣдняя на русскомъ языкѣ.—Труппа г. Дубравина въ апрѣлѣ играла въ Кривомъ Рогѣ.—Въ Саратовѣ, какъ сообщаетъ „Приволжскій Край“ (№ 69), неназванной труппой поставлена новая пьеса г. Оршанова „Гріх або чорна порада», одно изъ послѣднихъ произведеній драматурга-Банавентуры: кровь льется на сценѣ потоками, а отъ раздирательныхъ воплей стонъ стоитъ Во второмъ дѣйствіи какой-то Микита убиваетъ отца, въ третьемъ убитый отецъ лежитъ все время на сценѣ, покрытый простыней, а фельдшеръ, производившій вскрытіе трупа, убираетъ инструменты и т. д.—Разрѣшена драматической цензурой новая пьеса И. Тенеромо «Розвдъі» (изъ еврейской жизни); какъ сообщаютъ «Елисаветградскія Новости» (№ 453), первое представленіе названной пьесы предполагается труппой г.г. Саксаганскаго и Садовскаго въ Житомирѣ.

Къ исторіи украинскаго театра. О томъ, съ какимъ упорствомъ преслѣдовалъ украинскій театръ кіевскій генералъ-губернаторъ Дрентельнъ, небезынтересныя свѣдѣнія сообщилъ сотруднику „Биржевыхъ Вѣдомостей“ М. Л. Кропивницкій. „Сколько ни хлопотали, ни бились,—разсказывалъ г. Кропивницкій,—а снять запрета, пока былъ живъ Дрентельнъ, такъ и не могли. Однажды играли мы въ Петербургѣ въ присутствіи императора Александра Ш. Государь остался доволенъ нашимъ исполненіемъ и, призвавъ къ себѣ въ ложу меня и Заньковецкую, выразилъ намъ свое удовольствіе. Въ это время случайно былъ въ Петербургѣ и генералъ Дрентельнъ. Я и рѣшилъ воспользоваться случаемъ ипросить его о разрѣшеніи снять для малорусскаго театра запретъ съ губерній его генералъ-губернаторства. Генералъ принялъ меня очень любезно и еще не успѣлъ я приступить къ изложенію моей просьбы, какъ самъ первый заговорилъ:

— Слышалъ о высочайшей милости, которой вы удостоились; вотъ вамъ и указаніе, что играть слѣдуетъ здѣсь. Очень радъ. очень радъ, поздравляю, а *ужъ мои (!) владѣнія вы оставьте въ сторонѣ.*

Послѣ этого заявленія было ясно, что всякія просьбы излишни. Умеръ Дрентельнъ, но его взглядъ на малорусскій театръ остался живъ, и только со вступленіемъ въ генералъ-губернаторство М. И. Драгомирова для насъ открылись сцены малороссійскихъ губерній. Но и теперь, кромѣ того, что намъ на малорусскомъ языкѣ не позволяютъ читать на вечерахъ, запрещены еще къ постановкѣ пьесы переводныя съ другихъ языковъ на малорусскій, а въ оригинальныхъ не разрѣшается выходить за черту жизни Малороссіи, точно для говорящихъ на этомъ языкѣ нѣтъ общечеловѣческихъ интересовъ. Поэтому то малороссійскій репертуаръ и кажется однообразнымъ".

Приведя этотъ отрывокъ изъ воспоминаній старѣйшаго дѣятеля украинскаго театра, „Южныя Записки" (№ 14, стр. 79) интересуются узнать—„когда же этому будетъ конецъ? когда же прекратится это расхищеніе богатствъ, которыхъ никто и ничто не можетъ вернуть?.."

Лекціи о Шевченкѣ и Котляревскомъ. Въ началѣ апрѣля въ Екатеринославѣ состоялась публичная лекція о Шевченкѣ, подробный отчетъ о которой находимъ въ № 901 „Вѣстника Юга". Лекторъ, проф. И. И. Ивановъ, охарактеризовавъ то тяжелое время, въ которое выступилъ на поприще литературной дѣятельности Шевченко, перешелъ къ страдальческой жизни самого поэта, явившейся въ значительной степени лишь отголоскомъ общаго положенія крѣпостной Россіи наканунѣ крымскаго разгрома. Въ послѣдовавшей затѣмъ характеристикѣ Шевченка лекторомъ допущены нѣкоторыя болѣе чѣмъ спорныя положенія. Такъ, отмѣтивъ въ качествѣ отличительной черты Шевченковской поэзіи ея полное и безраздѣльное служеніе—какъ формою, такъ и содержаніемъ —интересамъ того народа, изъ нѣдръ котораго вышелъ самъ поэтъ, г. Ивановъ полагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Шевченко „не имѣлъ въ виду интеллигентнаго читателя". Невѣрность подобной мысли очевидна съ перваго же взгляда; ей противорѣчитъ и дальнѣйшее положеніе лектора, что „поэзія Шевченка давала отвѣтъ рѣшительно на всѣ запросы малорусской жизни". Уже самый поверхностный обзоръ содержанія произведеній Шевченка, который иногда прямо и непосредственно обращался къ интеллигенціи (хотя бы въ извѣстномъ „Посланіи до живих і мертвих"), ясно показываетъ, что украинскій поэтъ вовсе не ограничивалъ, и при томъ умышленно, круга своихъ читателей какой-нибудь опредѣленной, въ

данномъ случаѣ исключительно простонародной, средой. Правильнѣе было бы сказать, что огненное слово его въ одинаковой степени направлялось и къ сердцу темнаго забитаго крестьянина, и въ высококультурную среду лучшихъ представителей интеллигентнаго общества, находя къ каждому одинаковый доступъ и возбуждая соотвѣтственныя чувства. Принявъ первое изъ взаимно другъ друга исключающихъ положеній г. Иванова, мы рѣшительно не были бы въ состояніи объяснить какъ огромное, до сихъ поръ не прекращающееся вліяніе Шевченка именно на интеллигентные слои украинскаго народа, такъ и многіе моменты чисто личной жизни поэта.

21 апрѣля въ народномъ домѣ м. Смѣлы была прочитана лекція предсѣдателемъ кіевскаго общества грамотности В. П. Науменкомъ на тему: „И. П. Котляревскій, какъ литературный дѣятель". Лекторъ изложилъ въ общихъ чертахъ біографію Ивана Петровича и затѣмъ содержаніе его болѣе цѣнныхъ сочиненій, сопровождая свою бесѣду туманными картинами и выдержками изъ «Энеиды», «Наталки Полтавки» и «Москаля Чаривныка» («Кіевскіе Отклики», № 114).

Вечеръ въ память Шевченка. Въ Екатеринославѣ 4-го апрѣля въ зданіи коммерческаго училища происходило торжественное засѣданіе екатеринославской ученой архивной коммиссіи, посвященное памяти Т. Г. Шевченка.

Открывая засѣданіе, А. С. Синявскій въ краткой рѣчи охарактеризовалъ значеніе этого національнаго праздника, сообщивъ при этомъ, что по независящимъ обстоятельствамъ архивная коммиссія не могла пріурочить это чествованіе ко дню 44 годовщины со дня смерти незабвеннаго Т. Г., 26-го февраля.

Затѣмъ по поводу литературной дѣятельности Шевченка, его взглядовъ и условій его личной жизни были прочитаны интересные доклады: В. И. Пичеты – «Шевченко и крѣпостной строй русской жизни», Н. В. Быкова – «Доля и воля въ твореніяхъ Шевченка», В. И. Харціева—«Южнорусская могила въ поэзіи Шевченка», и В. А. Бѣднова—«Шевченко въ памяти украинскаго народа».

Красной нитью чрезъ всѣ доклады проходила слѣдующая мысль, выраженная въ заключительной части доклада В. И. Пичеты: «Теперь настало время, чтобы духъ Шевченка возсталъ изъ гроба и своимъ идейнымъ вліяніемъ вдохновилъ тѣхъ, кто любитъ народъ и стремится

работать на его пользу. Теперь настало время, чтобы его пѣсни стали настольной книгой въ хатѣ каждаго крестьянина, чтобы школьники заучивали его стихотворенія и научились любить свою родину и свободу... Я твердо вѣрю, что близокъ часъ, когда у насъ будетъ свободное слово и свободная мысль, когда лучшіе сыны нашей родины будутъ отдавать свои силы, свой талантъ обществу, а не мучиться подобно Шевченку... Я твердо вѣрю, что повтореніе судьбы Шевченка будетъ немыслимо. Проснутся духовныя силы въ малорусскомъ народѣ, до сихъ поръ задержанныя, малорусскій народъ запоетъ славу своему великому пѣвцу, новыя пѣсни пронесутся по всей Малороссіи. Эти новые звуки будутъ торжественнымъ гимномъ въ честь «свободы» свободнаго народа... День 26-го февраля сдѣлается національнымъ праздникомъ. Развитіе свободы духа въ свободномъ народѣ—вотъ наша программа, и эта дѣятельность будетъ «нерукотворнымъ» памятникомъ незабвенному поэту нашей свободы».

Закончился вечеръ музыкальнымъ отдѣленіемъ, въ которомъ были исполнены многія произведенія на слова Шевченка. Закрывая засѣданіе, А. С. Синявскій сообщилъ, что въ Екатеринославѣ открывается отдѣленіе петербургскаго благотворительнаго общества по изданію книгъ для народа на украинскомъ языкѣ („Приднѣпровскій Край“, № 2470).

---

2 апрѣля въ помѣщеніи русскаго женскаго благотворительнаго общества въ Петербургѣ состоялся „украинскій вечеръ“, посвященный исполненію украинскихъ вокальныхъ и литературныхъ произведеній. Было исполнено нѣсколько народныхъ пѣсенъ, „Хусточка“ Едлички, арія Левка изъ „Майской ночи“ и др. („Биржевыя Вѣдомости“, № 8756).

Подъ тѣмъ же названіемъ „украинскій вечеръ“ состоялся концертъ 6 апрѣля въ залѣ Общественной библіотеки въ Харьковѣ. Участіе М. Л. Кропивницкаго, бандуриста г. Галайды, оперныхъ артистокъ и артистовъ сообщили концерту выдающійся интересъ („Южный Край“, № 8418).

Къ годовщинѣ смерти Костомарова. По поводу 20-лѣтней годовщины со дня смерти Костомарова (7 апрѣля) появились замѣтки, посвященныя памяти покойнаго историка, въ № 97 „Кіевскихъ Откликовъ“ („Костомаровская годовщина“ г. Могилянскаго) и въ № 93

„Полтавщины“ („Къ двадцатилѣтію смерти Н. И. Костомарова“ г. Рублевскаго). Въ обѣихъ замѣткахъ представлена характеристика Костомарова, какъ крупнаго историка-художника, во главу своихъ историческихъ изысканій положившаго интересы народа и съ этой точки зрѣнія разрабатывавшаго историческіе сюжеты.

Годовщина смерти М. П. Старицкаго. Въ день первой годовщины смерти Старицкаго г. О. П. посвящаетъ въ „Полтавщинѣ“ (№ 99) почившему писателю прочувственную замѣтку, тепло изображая его заслуги для украинской литературы. Авторъ замѣтки въ особенности подчеркиваетъ характеръ дѣятельности Старицкаго, вытекавшій изъ положенія, какъ одного изъ піонеровъ новѣйшаго періода нашей литературы.

Рецензіи на украинскія изданія. Въ № 94 „Кіевскихъ Откликовъ“ помѣщена рецензія С. Е. на украинскія статьи проф. Грушевскаго, являющіяся отдѣльными оттисками изъ „Сборника статей по славяновѣдѣнію“: 1) Спірні питання староруськоі етнографіі, 2) Етнографичні категоріі и культурно-археологічні типи в сучасних студіях східньоі Европы и 3) Звичайна схема „русской“ історіі і справа раціонального укладу історіі східнього славянства.—Г. Дорошенко въ № 95 „Полтавщины“ отмѣчаетъ возмутительное надругательство. продѣланное небезызвѣстнымъ г. Грабыной надъ Беранже и украинскимъ языкомъ въ новоизданной книжкѣ „Писни Беранже“.

Въ № 2462 „Приднѣпровскаго Края“ находимъ записку профессоровъ Харьковскаго университета по вопросу объ украинской литературѣ.

Въ № 11 „Хуторянина“ помѣщено на украинскомъ языкѣ популярное наставленіе на случай заболѣванія холерой („Про холеру“). Наставленіе перепечатано изъ циркуляровъ Золотоношской уѣздной земской управы.

Екатеринославское губ. земство издало брошюру на украинскомъ языкѣ—„Холера“, составленную г. Эварницкимъ по книжкамъ докторовъ Сычугова и Геллерта, („Полтавщина“, № 97).

Въ № 100 „Полтавщины“ напечатана замѣтка г. Лукьяненка „По поводу статьи г. Кругового“, представляющая возраженіе на извѣстные нашимъ читателямъ нападки корреспондента „Новаго Времени“ на украинскую литературу и школу.

Подъ заглавіемъ „Старинная Велыкодная вирша“ г-жей Оленою Пчилкою напечатанъ въ № 104 „Полтавщины“ текстъ весьма распространеннаго въ старину на Украинѣ пасхальнаго привѣтствія. Текстъ нѣсколько ретушированъ г-жей О. Пчилкой и снабженъ ею же предисловіемъ, подробно выясняющимъ происхожденіе „вирши“.

Въ № 2796 „Южнаго Обозрѣнія“ г. Злинченкомъ напечатана записанная въ Любашевкѣ Херсонской губ. народная пѣсня „Ой на горі сніжок шумить“, которую записавшее лицо пріурочиваетъ къ настоящей войнѣ, хотя она представляетъ лишь варіантъ весьма распространенной пѣсни безъ всякаго намека на современныя событія.

Точно также варіантъ давно извѣстной чумацкой пѣсни о нападеніи на чумацкій таборъ разбойниковъ напечатанъ въ № 96 „Полтавщины“ г. Гр. К—скимъ подъ заглавіемъ „Чумацкая дума“.

Въ № 23 „Волыни“ помѣщенъ этнографическій очеркъ „Праздникъ Пасхи у крестьянъ“, описывающій обряды и игры въ украинскомъ селѣ, соединенные съ празднованіемъ „Великодня“.

Отъ художника Филянскаго изъ Москвы Полтавскимъ земскимъ музеемъ получены фотографическіе снимки старинныхъ украинскихъ церквей, утвари и ковровъ („Полтавщина“, № 97).

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Панславистское празднословіе. 3 апрѣля состоялось годичное собраніе Петербургскаго галицко-русскаго общества. Какъ сообщаютъ «Биржевыя Вѣдомости» (№ 8758), прочитанный секретаремъ общества г. Драгомирецкимъ отчетъ за 1904 г. рисуетъ дѣятельность о-ва въ слѣдующемъ видѣ: свою задачу общество полагало „въ распространеніи русской книги въ Галиціи, Буковинѣ и Угорской Руси, а также въ оказаніи матеріальной и нравственной помощи галичанамъ, обучающимся въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Членовъ всего—315, изъ нихъ 11 почетныхъ; израсходовано за отчетный годъ—1905 руб., наличнаго капитала, къ началу 1905 года было 2,409 руб. Обществомъ было издано нѣсколько брошюръ и распространено около 9000 книгъ, преимуществено для народа. Кромѣ того, въ гор. Львовѣ основанъ складъ съ русскими книгами и картинами, который очень бойко торгуетъ“. Къ сожалѣнію, отчетъ не даетъ свѣдѣній о томъ, какія именно книги галицко-русское общество распространяетъ въ Галичинѣ, и потому мы лишены возможности точно оцѣнить ту „нравственную помощь“, какую оно оказываетъ нашимъ галицкимъ землякамъ. Судя однако по составу общества, можно не боясь впасть въ ошибку, заключить, что эта помощь не многимъ отличается отъ той духовной пищи, какую въ Россіи стряпаетъ для народа извѣстный генералъ Богдановичъ.

Въ томъ же собраніи проф. Будиловичемъ былъ прочитанъ докладъ о Галичинѣ. Какъ сообщаетъ та же газета, „по мнѣнію проф. Будиловича, единственный нашъ вѣрный союзникъ на Западѣ—это наши закарпатскіе (?) братья. Между Русью зарубежной и Русью державной существуетъ крѣпкая духовная связь. И даже несчастная война не подорвала братскихъ чувствъ галичанъ къ Россіи, въ могущество которой они глубоко вѣрятъ. Доказательствомъ этого служатъ пожертвованія галицкихъ крестьянъ на нашихъ раненыхъ воиновъ“.

Не знаемъ, служатъ ли пожертвованія галицкихъ крестьянъ (если такія пожертвованія дѣйствительно были) доказательствомъ глубокой вѣры ихъ въ могущество Россіи, —это проф. Будиловичу, должно быть, лучше извѣстно. Но на счетъ сочувствія нашихъ „закарпатскихъ“ (?) братьевъ къ оффиціальной, бюрократической Россіи, защитникомъ и пропагаторомъ которой является какъ галицко-русское общество въ

его цѣломъ, такъ въ частности и проф. Будиловичъ—послѣдній глубоко заблуждается. Даже среди любезнаго его сердцу направленія въ Галичинѣ въ отношеніяхъ къ бюрократической Руси намѣчается знаменательный поворотъ. Извѣстны ли, напр., проф. Будиловичу укоры по адресу русской бюрократіи и виды на либеральныхъ русскихъ земцевъ, обнаруженные недавно однимъ изъ столповъ галицкаго москвофильства г. Вергуномъ (см. предыдущую книжку «Кіевской Старины»)? Извѣстенъ ли далѣе проф. Будиловичу инцидентъ на собраніи львовскаго московофильскаго общества „Другъ", состоявшемся 30 января н. г., когда присутствовавшій въ собраніи оффиціальный представитель оффиціальной Россіи, львовскій консулъ, вынужденъ былъ демонстративно оставить собраніе (см. статью г. Копача въ № 16 „Діла")? Знаетъ ли, наконецъ, проф. Будиловичъ что-нибудь о томъ новомъ направленіи среди галицкихъ москвофиловъ, которое если и не выдаетъ имъ свидѣтельства политической и культурной зрѣлости, то во всякомъ случаѣ о сочувствіи къ русской бюрократіи вовсе не говоритъ?. Если эти и подобные факты проф. Будиловичу извѣстны, то напрасно онъ скрылъ ихъ отъ своихъ слушателей, распространившись только о глубокой вѣрѣ „нашихъ братьевъ" въ могущество Россіи. А если не извѣстны, то... намъ немного неловко за г. Будиловича, являющагося въ нѣкоторомъ родѣ спеціалистомъ, хотя и довольно своеобразнымъ, по „закарпатовѣдѣнію". Очевидно, почтенный профессоръ поотсталъ немного и рискуетъ вмѣстѣ съ Петербургскимъ галицко-русскимъ обществомъ остаться единственнымъ выразителемъ крѣпкой духовной связи между „закарпатскими братьями" и оффиціальной Россіей. Тѣ „братья", на которыхъ проф. Будиловичъ разсчитываетъ, народъ не надежный: возможно, что они отстранятъ его братскія объятія именно въ самый нужный ему моментъ; лучшихъ же представителей галицкаго народа давно уже отстранили отъ себя наши панслависты и бюрократія, политика которыхъ прекрасно всѣмъ извѣстна и, разумѣется, никого ввести въ заблужденіе не можетъ...

Новый директоръ украинскаго театра въ Галичинѣ и выходка „Діла". Директоромъ украинскаго театра въ Галичинѣ приглашенъ, какъ сообщаетъ «Діло» (№ 82), извѣстный украинскій артистъ Н. К. Садовскій. Свою новую дѣятельность въ качествѣ руководителя галицко-украинскаго театра уважаемый артистъ начинаетъ

съ 1 мая. Безъ сомнѣнія, руководство такого опытнаго и заслуженнаго артиста, какимъ является г. Садовскій, будетъ въ высшей степени полезнымъ для украинскаго театра въ Галичинѣ и, можетъ быть, выведетъ его на настоящую дорогу, устранивъ тѣ многочисленные изъяны, какіе замѣчались въ этомъ дѣлѣ до сихъ поръ. Все это безспорно, но къ сожалѣнію, сообщая о согласіи г. Садовскаго принять на себя завѣдываніе театральнымъ дѣломъ въ Галичинѣ, «Діло» опять не удержалось отъ грубой полемической выходки по адресу лицъ, высказавшихся противъ форсированія театральнаго дѣла цѣною забвенія болѣе насущныхъ нуждъ народа. Въ настоящей замѣткѣ снова находимъ прикровенный намекъ на «де-яких пугачів (!?), що не вміють особистих анімозий підпорядкувати загальній справі». Неужели редакція «Діла» не понимаетъ (а понять это, казалось бы, такъ не трудно), что такимъ отношеніемъ къ несогласно мыслящимъ она вовсе не опровергаетъ выставляемыхъ ими возраженій и сомнѣній, а лишь роняетъ то дѣло, которое берется защищать?.. Мы не говоримъ уже о томъ, что своею безтактной выходкой «Діло» ставитъ въ трудное и неловкое положеніе г. Садовскаго, пристегивая его имя къ тѣмъ личнымъ и партійнымъ счетамъ, которыя сводятся въ послѣднее время на столбцахъ львовской газеты съ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія. Не думаемъ, чтобы такое пристегиваніе способствовало какимъ-либо образомъ успѣху принятыхъ на себя г. Садовскимъ обязанностей,—даже скорѣе наоборотъ, такъ какъ оно сразу же бросаетъ свѣжаго человѣка въ круговоротъ мелочныхъ счетовъ и отношеній и открываетъ такія перспективы, которыя вовсе не могутъ окрылять надеждами на возможность плодотворной дѣятельности...

Интересная анкета. Редакціей «Ruthenische Revue издана въ Вѣнѣ брошюра подъ заглавіемъ «Das Urteil der europäischen Kulturwelt über den Ukas von Jahre 1876. Eine Enquete». Содержаніемъ ея являются отзывы европейскихъ писателей, ученыхъ, политиковъ и общественныхъ дѣятелей о знаменитомъ постановленіи 1876 г., воспрещающемъ украинскую литературу въ предѣлахъ Россіи. Намѣреваясь въ будущемъ дать подробный отчетъ объ этой въ высшей степени интересной брошюрѣ, отмѣтимъ пока, что въ ней помѣщены мнѣнія по данному вопросу 21 лица, среди которыхъ встрѣчаемъ имена Бьернстьерне-Бьерисона, Оскара Браунинга, Леруа Болье, Ива

Гюйо, Джузепе Серджи и др. „Мнѣніе культурнаго міра Европы,—говоритъ въ „Полтавщинѣ“ (№ 103) по поводу этой анкеты г. Гулькевичъ,—достойно, конечно, того, чтобъ на немъ серьезно остановилась интеллигенція и люди съ политическимъ вліяніемъ“ („Мнѣніе культурнаго міра Европы объ ограниченіи украинской печати указомъ 1876 г.“).

Въ № 90 «Полтавщины» г. Аскело сообщаетъ свѣдѣнія о «Ruthenische Revue» на основаніи отчета, помѣщеннаго въ «Ділі» г. Яворскимъ; статья г. Аскело озаглавлена: «Украинская газета по-нѣмецки». Аналогичная же статья, подъ заглавіемъ: «Къ украинскому вопросу», помѣщена въ № 102 «Кіевскихъ Откликовъ» г. Федорченкомъ.

Въ № 97 «Полтавщины» г. Л. Ж. въ весьма интересномъ фельетонѣ дополняетъ представленныя предыдущими авторами свѣдѣнія историческими справками о возникновеніи «Ruthenische Revue» и о томъ всеобщемъ интересѣ, который вызванъ этимъ изданіемъ въ Западной Европѣ. Попутно приводятся отзывы европейскихъ дѣятелей и ученыхъ (историкъ Чемберлэнъ, Бьернстьерне-Бьернсонъ, Момзенъ, Брандесъ и др.) какъ о журналѣ, такъ и вообще объ украинскомъ движеніи.

„Загальні збори Наукового товариства ім. Шевченка“. $^{6}/_{19}$ апрѣля состоялось общее годичное собраніе («загальні збори») Львовскаго Наукового Товариства ім. Шевченка. Собраніемъ утверждены всѣ отчеты и постановленія правленія («Виділу») и, послѣ обсужденія текущихъ дѣлъ, приступлено къ избранію должностныхъ лицъ «Товариства» на текущій годъ. «Головою товариства» попрежнему оказался избраннымъ проф. Грушевскій, а въ «виділ» вошли слѣдующія лица: К. Бандрівський, В. Гнатюк, Д. Лукіянович, М. Мочульський, К. Паньківський, проф. К. Студинський и І. Ясеницький. Профессоръ львовской гимназіи І. Верхратський, авторъ многихъ работъ по филологіи и естествознанію, избранъ почетнымъ членомъ «Товариства» («Діло», № 82).

Отзывы прессы о первой выставкѣ украинскихъ художниковъ. Закончившаяся мѣсяцъ тому назадъ выставка украинскихъ художниковъ, устроенная во Львовѣ «товариством прихильників літератури, науки і штуки», имѣла крупный успѣхъ не только среди своей публики, но также и среди присяжныхъ цѣнителей искусства. Отзывы, появившіеся какъ въ украинскихъ изданіяхъ («Л.-Н. Вістник», кн. III, статья г. Братковскаго; «Діло», № 72, ст. г. Панькевича), такъ и въ польскихъ, («Gazeta Lwowska», Kurjer Lwowski и Słowo Polskie) въ одинъ голосъ говорятъ о большомъ художественномъ интересѣ выставки, останавливаясь преимущественно на произведеніяхъ г.г. Труша, Красицкаго, Сосенка, Жука, Макушенка и Панькевича.

Драматическій конкурсъ. Львовское просвѣтительное общество «Просьвіта» объявляетъ конкурсъ на драматическія произведенія, сюжетъ которыхъ долженъ быть взятъ изъ украинской исторіи. Лучшее произведеніе будетъ награждено такъ называемой «Михайловою преміею». Условія конкурса слѣдующія:

1) Премія 1100 корон [1]) зложена на руки товариства «Просьвіта» у Львові, призначена за оригінальну драму або трагедію з історичного життя Украіни.

2) Конкурсом править товариство «Просьвіта» у Львові.

3) Речінець конкурсу однорічний — від дня його оголошення. Коли б у часі одного року не прислано відповідних творів, тоді оголоситься новий конкурс на дальший один рік і т. д., доки не наспіють твори, достойні преміі.

4) Задля суду над присланими на конкурс творами і для присуду преміі товариство «Просьвіта» зложить раду, до якоі покличе голову товариства «Просьвіта» або його заступника, фундатора преміі, двох професорів украінськоі мови й письменства і професора всесвітньоі історіі на львівському університеті, професора украінськоі мови й письменства на черновецькому університеті та двох членів т-ва «Просьвіта». В разі, коли б хто-небудь з членів, запрошених до суду, не приняв або зрікся вибору, товариству «Просвіта» належить право покликати на його місце кого иншого. Суд обовязаний оголосити вислід конкурсу найпізнійше в пів року по речінці, призначеному для присилання творів.

---

[1]) Около 450 рублей.

5) До конкурсу належить приймати оригінальні, недруковані ще й не давані на сцені твори Українців із цілого обширу українських земель.

6) Автор не підписує на творові свого імени й призвища, лише подає девізу. Своє імя й призвище присилає автор у замкненій коверті, яку конкурсовий суд отворить лише тоді, якъ творові буде присуджена премія.

7) Зміст драми чи трагедіі повинен бути історичний, взятий з епохи дружинно-вічевоі, русько-литовськоі або козацькоі; подія мусить бути дійсно історичною. Характер і колорит драми чи трагедіі повинен відповідати історичним і етнографичним умовам свого часу. Тенденція мае переходити через увесь твір виразно, мусить бути патриотичною, але не образливою для сусідніх народів.

8) Мова діячів драми чи трагедіі повинна бути чисто українською; вона мусить відповідати часові, змістові, обставинам діі і вдачі діячів. У творі не вільно вживати жадного тривіялізму. Треба вважати, щоб мова відповідала формам народного сінтаксісу. За взірці мови треба взяти: а) історичні пісні, видані в Киіві Антоновичем и Драгомановим, б) українські приказки, видані Номисом, в) судові й инші історичні документи і д) Шевченкові твори

9) Письмо творів, присланих на конкурс, мусить бути виразне і читне, писане по змозі не власною рукою автора. Зміст і оцінка творів можуть бути оголошені друком доперва по рішенню конкурсу.

10) Твори членів конкурсового суду не будуть премійовані.

11) Премійована драма чи трагедія хоч і буде авторовою власністю, одначе автор не матиме права заборонити давати іі на сцені українського театру.

12) Автор обовязаний премійовану драму чи трагедію видрукувати в протязі року після присудження преміі. В противному разі право першого видання належить товариству «Просьвіта». В друку не вільно авторові робити ніякихъ змін що до змісту чи то тенденціі.

Усі твори належить присилати під адресою: Товариство «Просьвіта» у Львові, Ринок, ч. 10

За головний Виділ Товариства «Просьвіта»:

Др. Кость Левицький — Заст. голови.

Іван Яримович — писар.

У Львові дня 22. III. 1905.

Замѣтки на текущія темы.

Объ одномъ недоразумѣніи.—Его причины и слѣдствія.—Скачкообразное развитіе и забвеніе родства.—Таинственный незнакомецъ.—Соединеніе несоединимаго.—Что такое «украинофильство»?—Филологическое и просто логическое недоразумѣніе.—Кое что объ украинскихъ партіяхъ.—Пункты сходства и различія.—О г. Войниловичѣ и его упрощенномъ методѣ—„по щучьему велѣнью" Иллюзія—„неіснуючого питання", разрушаемая здравымъ смысломъ.—Г. Стешенко объ украинскихъ нуждахъ.—Печать, школа и другія учрежденія.—«Нужды украинской школы».—«Черкасы» XVIII вѣка и современные.—Дальнѣйшая постройка зданія.—Г. Южаковъ о культурномъ и политическомъ самоопредѣленіи.—Резолюціи перваго съѣзда россійскихъ журналистовъ и Московской земской группы.

Прежде чѣмъ перейти къ обзору появившагося за послѣднее время матеріала, трактующаго о потребностяхъ и требованіяхъ украинцевъ въ интересахъ обезпеченія ихъ національныхъ правъ—я долженъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ недоразумѣніи, которое чревато многими нежелательными послѣдствіями. Несмотря на свой формальный характеръ, сказанное недоразумѣніе мѣшаетъ выработкѣ правильнаго взгляда на украинскій вопросъ, устраняетъ до извѣстной степени возможность вѣрной оцѣнки и расцѣнки украинскихъ требованій со стороны постороннихъ этому движенію лицъ и плодитъ кучу дальнѣйшихъ недоразумѣній въ отношеніяхъ къ украинскому вопросу различныхъ теченій и направленій русской общественной мысли.

Благодаря крайне стѣсненному положенію украинской литературы въ широкомъ смыслѣ этого слова, она лишена была всякой возможности заявлять о нуждахъ украинскаго народа, опредѣлять свои отношенія къ различнаго рода вопросамъ общественной жизни и начертать болѣе или менѣе ясную и опредѣленную программу пожеланій и дѣйствій украинской интеллигенціи. Правда, этотъ пробѣлъ до извѣстной степени восполнялся заграничной украинской публицистикой, начиная съ чрезвычайно интересныхъ статей покойнаго Драгоманова, изъ которыхъ многія до сихъ поръ не утратили своей свѣжести и злободневнаго характера. Но всѣ подобныя работы, благодаря трудности доступа за своего рода «черту осѣдлости» украинской литературы и проистекающей отсюда ихъ ограниченной распространяемости, оставались почти неизвѣстными даже многимъ сознательнымъ украинцамъ, не говоря уже о массѣ, о широкихъ кругахъ украинскаго и русскаго общества, для которыхъ онѣ въ полномъ смыслѣ слова не существуютъ. Это обстоятельство отразилось самымъ неблагопріятнымъ образомъ въ двухъ направленіяхъ. Для украинскаго общества, очевидно, была вполнѣ исключена въ силу указанныхъ условій возможность правильной національной эволюціи и планомѣрнаго развитія среди него зрѣлой общественной и политической мысли; развитіе поэтому шло не правильнымъ, планомѣрнымъ движеніемъ, а скачками, колеблясь между категорическимъ исповѣданіемъ «безполітичноі культури» съ одной стороны и столь же категорическимъ отрицаніемъ всякой культурной работы—съ другой; переходя отъ заявленій явно шовинистическаго характера до полной индефферентности къ національному вопросу и вытекающимъ изъ него требованіямъ. Стараясь найти выходъ изъ безвыходнаго положенія, люди попадали въ своего рода заколдованный кругъ, гдѣ одно условіе, опредѣляясь другимъ, въ свою очередь оказывало вліяніе на это послѣднее; задыхаясь въ этомъ кругѣ, они бросались отъ одной крайности къ другой, не соразмѣряя результатовъ даннаго практическаго мѣропріятія ни съ требованіями общаго положенія вещей, ни съ какимъ нибудь теоретическимъ его обоснованіемъ. Неудивительно, что при этомъ

неоднократно производились открытія давно извѣстныхъ Америкъ, замѣчалось иногда возвращеніе къ давно пройденнымъ ступенямъ развитія общественной мысли и, наконецъ, то явленіе, которое всегда наблюдается при подобныхъ условіяхъ—забвеніе своего ближайшаго родства и кровной связи съ предыдущими теченіями. Предоставленный въ вопросахъ выработки національнаго міросозерцанія почти исключительно собственнымъ силамъ, украинецъ естественно привыкалъ чуть ли не всю исторію украинскаго движенія начинать съ себя же, или того кружка, къ которому онъ принадлежалъ. Какъ въ туманѣ, правда, мелькали предъ нимъ такія названія и имена, какъ Кирилло-Меѳодіевское братство и Шевченко, «Основа», Кулишъ и Костомаровъ, Драгомановъ и радикальная партія, и т. д. и т. д., но въ большинствѣ случаевъ это были именно только имена, обнаженныя отъ внутренняго своего смысла и значенія, ничего не говорящія ни уму, ни сердцу даннаго лица, а потому и не оказывающія никакого, или почти никакого вліянія, на выработку его украинскаго сознанія. Чтобъ избѣжать упрека въ голословности, напомню лишь, что болѣе или менѣе полной и правдивой исторіи даже Кирилло-Меѳодіевскаго братства, этой первой украинской организаціи съ опредѣленной общественно-политической программой, и даже на русскомъ языкѣ мы не имѣемъ,—что же говорить о болѣе близкихъ къ намъ временахъ и лицахъ? И дѣйствительно имена, напр., Драгоманова, Франка и др. до самаго послѣдняго времени были подъ запрещеніемъ и потому не произносились во всеуслышаніе; даже чисто научныя работы того же Драгоманова, прикрытыя псевдонимомъ, доставляли редакторамъ, имѣвшимъ смѣлость помѣщать ихъ въ своихъ изданіяхъ, много весьма непріятныхъ минутъ; даже краткіе некрологи покойнаго профессора, представлявшіе въ сущности весьма неполный обзоръ его дѣятельности, вырѣзались изъ журналовъ и по необходимости замѣнялись уже совершенно безцвѣтными «послужными списками» [1]). О томъ, что значитъ за-

[1]) Подобной участи подвергся, напр., весьма содержательный некрологъ, написанный проф. Крымскимъ для «Этнографическаго Обозрѣнія» и замѣненный вслѣдствіи другимъ, значительно измѣненнымъ и сокращеннымъ.

трагивать эти близкія времена и лица, въ достаточной мѣрѣ испыталъ на собственномъ опытѣ и пишущій эти строки, печатая, хотя и съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей, свои работы о такихъ живыхъ современныхъ дѣятеляхъ, какъ Франко или покойный Грабовскій: цѣлыя страницы, прерываясь на полусловѣ, безслѣдно исчезали изъ набора, замѣняясь плохо связанными, неудобовразумительными обрывками. О современности же безпрепятственно можетъ разсуждать, пожалуй, лишь князь Мещерскій съ ех-исправниками и прочими болѣе или менѣе свѣдущими доносителями... Неудивительно, что при такомъ положеніи вещей, когда цѣлыя полосы общественной жизни объявляются на положеніи табу́, будучи изъяты изъ легальнаго обращенія, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь планомѣрномъ развитіи. Огражденная со всѣхъ сторонъ, умышленно заброшенная и невоздѣлываемая почва не въ состояніи, конечно, давать нормальныхъ плодовъ, и взамѣнъ этого какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ появленію и распространенію того особаго типа, который въ русской литературѣ, отчасти по сходнымъ же причинамъ, получилъ имя Ивана Непомнящаго. И, разумѣется, не Иванъ Непомнящій виноватъ въ томъ, что ему еще при появленіи его на свѣтъ отшибли память и заставили начинать исторію съ самого себя, безъ всякой связи съ предшественниками, производя при томъ свою работу не при благодѣтельномъ свѣтѣ яснаго дня критики, а въ темномъ подпольѣ всеобщаго молчанія...

Таковы были послѣдствія «черты осѣдлости» для внутреннихъ, такъ сказать, отношеній. Что касается внѣшнихъ, то здѣсь дѣло обстояло еще хуже. Благодаря указаннымъ обстоятельствамъ, украинецъ никогда еще не могъ вполнѣ снять съ лица своего густой вуали, наброшенной на него постороннею рукою, и нынѣ вездѣ является въ видѣ какого-то таинственнаго незнакомца, на котораго съ сомнѣніемъ и плохо скрываемой подозрительностью поглядываютъ окружающіе и сосѣди. Что это, молъ, за неизвѣстная фигура такая, каковы ея тайныя мысли, намѣренія и планы, къ какимъ дѣйствіямъ она прибѣгнетъ при осуществленіи своихъ плановъ, да и подлинно ли имѣются въ наличности какія-либо

планы, а не одно лишь голое желаніе забавляться какими-то несбыточными мечтаніями, только служа другимъ помѣхой?—таковы вопросы, съ которыми каждому изъ насъ несомнѣнно приходилось и приходится сталкиваться на каждомъ шагу. И сколько усилій требуется, чтобы устранить сомнѣнія и разсѣять недовѣрчивую подозрительность, да и не всегда это удается въ полномъ объемѣ, такъ какъ предубѣжденія обыкновенно крѣпко въѣдаются въ природу человѣка. А между тѣмъ, при отсутствіи надлежащихъ способовъ къ выясненію подобныхъ вопросовъ, возникаетъ цѣлая куча всяческихъ недоразумѣній, когда нѣтъ возможности разобраться, кто другъ тебѣ и кто врагъ, съ кѣмъ ты можешь идти рядомъ въ честномъ бою и съ какой стороны долженъ ожидать удара. Спросите средняго русскаго интеллигента объ украинствѣ, и хорошо еще, если въ отвѣтъ получите неопредѣленное упоминовеніе имени того или иного дѣятеля, чаще всего г. Мордовцева, съ которымъ какъ-то соединяется обыкновенно представленіе, какъ о представителѣ и вождѣ украинскаго движенія. Бываетъ и хуже, когда это движеніе, благодаря чисто случайнымъ обстоятельствамъ и совпаденіямъ, а то и прямому невѣжеству вашего собесѣдника въ данной области, упорно отождествляется съ реакціонными стремленіями. каковыя огуломъ приписываются всему движенію, извѣстному въ широкой публикѣ подъ страннымъ названіемъ «украинофильства». Подъ это понятіе подводятъ самыя разнохарактерныя явленія, сваливаютъ въ одну кучу совсѣмъ непохожіе, часто противоположнаго смысла и значенія факты, и неудивительно, если въ результатѣ получается нѣчто крайне смутное, неясное, лишенное опредѣленныхъ очертаній и ярко выраженной физіономіи. Эта же спутанность въ представленіяхъ объ украинскомъ движеніи отражается и въ русской печати, въ которой подъ общимъ именемъ «украинофильства» трактуется часто о совершенно различныхъ вещахъ, и хорошо еще, если авторъ воздержится при этомъ отъ тѣхъ пошлыхъ плодовъ обывательскаго острословія, образцы которыхъ я какъ то приводилъ уже. Чтобъ не ходить далеко, возвратимся на минутку къ тѣмъ почтеннымъ господамъ, о которыхъ шла у насъ рѣчь въ прошлый

разъ. И свѣдущій доноситель изъ «Гражданина», констатирующій «рѣдкую послѣдовательность и необыкновенное упорство» произведеній украинской литературы и характеризующій «украинофильство», какъ «прекрасно организованную политическую партію», и его благородный коллега—Малань Иванна изъ «Новаго Времени», считающій ту же «партію» явленіемъ «въ сущности весьма проблемматическимъ», не смотря на свое трогательное единство въ одинаково отрицательномъ отношеніи къ украинскому вопросу, говорятъ по сути дѣла подъ однимъ и тѣмъ же именемъ о совершенно различныхъ вещахъ. Въ то время, какъ перепуганный, или напускающій на себя испугъ, свѣдущій человѣкъ кн. Мещерскаго отождествляетъ «украинофильство» съ прекрасно организованной и сплоченной соціалъ-демократіей, его болѣе хладнокровный и уравновѣшенный коллега старается представить украинцевъ поголовно въ видѣ какихъ-то безпочвенныхъ Маниловыхъ или даже спеціалистовъ-плагіаторовъ, свое внутреннее убожество и безсиліе прикрывающихъ для виду неисполнимыми претензіями и пустячными благоглупостями. Изображенія, какъ видитъ читатель, не только ничего общаго между собой не имѣющія, но прямо противоположныя, два крайнихъ полюса, объединенныхъ тѣмъ не менѣе однимъ названіемъ. На этомъ наглядномъ примѣрѣ мы, такимъ образомъ, вплотную подошли къ тому сплошному недоразумѣнію, имя которому и есть «украинофильство».

Да, это одно недоразумѣніе, и прежде всего—съ чисто внѣшней точки зрѣнія, со стороны филологическаго состава даннаго термина. Что такое украинофильство? Буквально это понятіе охватываетъ людей, любящихъ *Украину*. Если такое названіе прилагается къ украинцу же родомъ, то оно, очевидно, должно означать человѣка, любящаго родину. Но какой же, скажите пожалуйста, смыслъ—ставить въ качествѣ отличительнаго признака для даннаго человѣка его любовь къ родинѣ? Какъ общее правило, вѣдь всякій любитъ свою родину, и никто, конечно, и не подумаетъ выставлять такого рода любовь въ качествѣ отличительной особенности, характеризующей внутреннюю

настроенность даннаго субъекта. Съ этой точки зрѣнія названіе руссофилъ вмѣсто — русскій, французофилъ — вмѣсто французъ и т. д. не будетъ ли просто нелѣпостью, не имѣющей ни логическаго смысла, ни опредѣленнаго реальнаго содержанія? Болѣе опредѣленное содержаніе во всякое *фильство* вкладывается лишь въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о лицѣ, чуждомъ для данной народности, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ понятіе вкладывается уже нѣчто, въ самомъ дѣлѣ характеризующее даннаго субъекта съ извѣстной, для него не обязательной, такъ сказать, стороны дружественныхъ отношеній къ чужой народности. Называя руссофиломъ, скажемъ, француза, мы уже тѣмъ самымъ опредѣляемъ его отношеніе къ русской народности и такимъ образомъ съ этой стороны подразумѣваемъ извѣстный вполнѣ опредѣленный признакъ, обрисовывающій физіономію даннаго лица. Такимъ образомъ, съ внѣшней стороны «украинофилъ» въ значеніи «украинецъ» есть не болѣе какъ нелѣпость; это названіе можетъ прилагаться только къ человѣку, не причисляющему себя къ украинской народности, но относящемуся съ сочувствіемъ и симпатіей къ ея положенію и стремленіямъ ея представителей. Украинофиломъ можно назвать Момзена, Бьенстерне-Бьернсона и другихъ участниковъ извѣстной анкеты «Ruthenische Revue», по скольку они проявили свое отношеніе къ украинскому вопросу, но ни въ какомъ случаѣ—Драгоманова, Грабовскаго, Старицкаго и т. д.

Не больше смысла въ этомъ словѣ въ его обычномъ употребленіи и со стороны внутренняго содержанія. Какъ мы видѣли, это названіе указываетъ на то, что данный субъектъ *любитъ* свою родину; но допустимъ, что человѣкъ, любящій свою родину, есть въ самомъ дѣлѣ раритетъ—явленіе въ нѣкоторомъ родѣ рѣдкостное, въ родѣ бѣлаго ворона, и что поэтому данное его настроеніе можно взять въ качествѣ характернаго признака,—какое же внутреннее содержаніе заключается въ этомъ понятіи? Прежде всего прекрасно всякому вѣдь извѣстно, что любовь бываетъ разная: и г. Грингмутъ клянется въ своей любви къ отечеству, присовокупляя къ ней, впрочемъ, еще и «народную гордость», и покой-

ный Михайловскій любилъ отечество, уже безъ народной «гордости»— и однако одно сопоставленіе этихъ двухъ именъ съ цѣлью найти какую-нибудь внутреннюю близость между ними было бы чѣмъ-то кощунственнымъ и глубоко оскорбительнымъ для памяти славнаго борца за свободу личности. Сказать, что и Михайловскій, и Грингмутъ (да простится мнѣ это сопоставленіе) любятъ родину— значитъ представить матеріала для характеристики ихъ обоихъ чуть-чуть, можетъ быть, больше, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы назвать того и другого просто человѣкомъ: при всей непререкаемой несомнѣнности послѣдней характеристики немного же матеріала она въ себѣ заключаетъ. Дѣло, слѣдовательно, вовсе не въ любви того или иного лица къ отечеству, а въ томъ реальномъ содержаніи, какое въ эту любовь имъ вкладывается; дѣло въ томъ, какъ эта любовь понимается и въ чемъ она выражается. Помните, читатель, прекрасную антитезу различныхъ видовъ любви къ родинѣ, сдѣланную въ извѣстномъ стихотвореніи г. Франка:

Ти, брате, любиш Русь,
Як дім, воли, корови—
Я ж *не люблю її*
З надмірної любови?

И въ самомъ дѣлѣ, для иного любовь къ родинѣ, говоря словами г. Франка же, является лишь «празничною одежиною»—парадным одѣяніемъ и средствомъ для достиженія личныхъ выгодъ; для другого—это «крівава в серці рана», это лишенія, преслѣдованія и тяжкій трудъ на пользу родного края; это та страстная, дѣятельная любовь-ненависть, которая заставляетъ человѣка болѣть и мучиться недостатками своей родины и безпощадно бичевать ея отрицательныя, тѣневыя стороны. Попробуйте же объединить однимъ понятіемъ эти различные виды любви, такъ же далекіе другъ отъ друга, какъ свѣтлый Ормуздъ далекъ отъ своей противоположности—мрачнаго Аримана...

Такимъ образомъ, названіе «украинофилъ», употребляемое для обозначенія извѣстнаго направленія среди людей украин-

скаго происхожденія, является лишеннымъ всякаго опредѣленнаго содержанія и, представляя не болѣе какъ филологическое и логическое недоразумѣніе, плодитъ и въ дальнѣйшемъ недоразумѣнія же. Поэтому употребленіе его должно быть строго ограничено лишь приложеніемъ къ тѣмъ людямъ, которые не принадлежатъ къ украинской народности, замѣнившись для причисляющихъ себя къ ней другимъ названіемъ—украинецъ. Сознательные украинцы давно уже оставили этотъ путанный и путающій терминъ и на ихъ языкѣ слово «украинофилъ» пріобрѣло даже спеціальный оттѣнокъ для обозначенія человѣка, который лишь парадируетъ въ извѣстныхъ случаяхъ своею принадлежностью къ украинской народности, но дальше этого не идетъ и болѣе глубокаго смысла этой своей принадлежности не придаетъ. Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду имѣть дѣло исключительно съ названіемъ «украинецъ», но оперируя понятіемъ, выражаемымъ этимъ названіемъ, опять таки прошу имѣть въ виду, что я вовсе не думаю приписывать ему какое то исчерпывающее, всеобъемлющее значеніе, какъ никто такого же значенія не придаетъ понятіямъ—русскій, нѣмецъ, французъ и т. п. Дѣло въ томъ, что и русскіе, и французы, и нѣмцы и т. д.—разные бываютъ и, являясь объединенными въ смыслѣ принадлежности къ одной націи, они расходятся въ массѣ весьма существенныхъ признаковъ, которые заставляютъ относить представителей одной націи къ совершенно противоположнымъ лагерямъ. И Бебель, и Бюловъ—вѣдь нѣмцы, но опять таки и въ этомъ случаѣ попробуйте соединить несоединимое. Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ употреблять и названіе «украинецъ», т. е., для обозначенія принадлежности къ украинской націи; правда, въ виду слабости національнаго самосознанія среди украинцевъ, этому понятію придается обыкновенно оттѣнокъ большей или меньшей сознательности упомянутой принадлежности.

Если мы условимся принимать названіе «украинецъ» только въ указанномъ смыслѣ, то этимъ самымъ отчасти отвѣтимъ и на вопросъ—представляютъ ли украинцы исключеніе изъ общаго правила, сосредоточиваясь въ одномъ лагерѣ, объединяясь въ одну партію; иными словами—существуетъ ли то трогательное единеніе, кото-

раго такъ не одобряетъ «свѣдущій человѣкъ» кн. Мещерскаго, зачисляющій поголовно всѣхъ украинцевъ въ ряды соціалъ-демократіи, или же и у насъ, какъ вообще у всѣхъ людей, есть различныя партіи, весьма отличающіяся другъ отъ друга своими знаменами? Какъ бы мы ни смотрѣли на объявленное въ «Гражданинѣ» единодушіе, отнесемся ли къ формѣ этого единодушія сочувственно или отрицательно, но въ интересахъ истины мы должны, конечно, сказать, что оно существуетъ лишь въ фантазіи свѣдущаго невѣжды изъ «Гражданина»; въ дѣйствительности же ничего подобнаго нѣтъ, да и едва ли мыслимо гдѣ-нибудь. Единственнымъ моментомъ, объединяющимъ всѣхъ украинцевъ, является національный вопросъ или, говоря точнѣе, тѣ ограниченія національныхъ правъ, которыя характеризуютъ положеніе украинскаго вопроса въ Россіи. На этой почвѣ, на отрицательномъ отношеніи къ ограниченіямъ украинскаго слова во всѣхъ отношеніяхъ, дѣйствительно, надо полагать, сходятся всѣ, кому дорого будущее родного народа, безъ различія партійныхъ и личныхъ взглядовъ, такъ что съ этой стороны политика ограниченій имѣла, пожалуй, нежелательныя съ точки зрѣнія ея творцовъ послѣдствія, объединивъ хотя на одномъ пунктѣ всѣ неудовлетворенные современнымъ положеніемъ элементы. Этимъ же постороннимъ, такъ сказать, обстоятельствомъ объясняется также исключительный интересъ украинцевъ къ національному вопросу и характеръ разработки послѣдняго. То или иное разрѣшеніе національнаго вопроса является для украинца прежде всего дѣломъ жизни или смерти—сохраненія національнаго существованія или же уничтоженія его. Вотъ почему этимъ вопросомъ интересуются, можно сказать, всѣ украинцы; даже тѣ изъ нихъ, которые теоретически отрицаютъ его настоятельность и необходимость, на практикѣ не могутъ сойти съ національной почвы, не утративъ вмѣстѣ съ тѣмъ и своей физіономіи, какъ украинскихъ дѣятелей. Чтобы пояснить это, я позволю себѣ небольшое отступленіе, которое имѣетъ однако тѣсное отношеніе къ занимающему насъ предмету. Недавно, попалась мнѣ въ одной заграничной газетѣ статья, озаглавленная «Неіснуюче питанне», авторъ которой, нѣкто г. Вой-

ниловичъ, съ большимъ задоромъ, но совершенно по дѣтски, наивно сожалѣя при этомъ, «що се треба соціяль-демократам доводити», раздѣлался съ національнымъ вопросомъ. По мнѣнію г Войниловича, всякіе вопросы могутъ возбуждаться якобы лишь хорошо извѣстными, точно опредѣленными и изученными фактами, но знаемъ ли мы, что такое нація? Задавъ этотъ вопросъ, г. Войниловичъ отвѣчаетъ на него отрицательно по слѣдующимъ мотивамъ. Онъ слыхалъ, что г. Милюковъ опредѣляетъ будто бы «націю яко мову», и не провѣривъ этого вздорнаго слуха, говоритъ положительно за г. Милюкова: «мова є нація» [1]). Но въ свою очередь—знаемъ ли мы, что такое языкъ? Такъ какъ филологи спорятъ о томъ, какими признаками отличается языкъ отъ нарѣчія и даже говора, а г. Войниловичъ въ пророческомъ наитіи предвидитъ, что имъ никогда этого вопроса и не рѣшить, то, слѣдовательно, языкъ не принадлежитъ къ области точно установленныхъ фактовъ, а потому—«яке уже може бути обговорение національного питання, коли ми не знаємо точно, що таке нація?.. І яке місце може уділити національному питанню пролетарська література, коли пролетар знається на сьому «питанні» о стільки, щоб з певністю сказати, що се питанне виду-

---

[1]) На самомъ дѣлѣ г. Милюковъ вовсе не представляетъ вопроса въ столь упрощенномъ—до плоскости, можно сказать—видѣ. Вѣроятно, производя свою операцію упрощенія, г. Войниловичъ имѣлъ въ виду слѣдующее мѣсто изъ «Очерковъ по исторіи русской культуры»: «Національность есть соціальная группа, располагающая такимъ единственнымъ и необходимымъ средствомъ для непрерывнаго психическаго взаимодѣйствія, какъ языкъ, и выработавшая себѣ постоянный запасъ однообразныхъ психическихъ навыковъ, регулирующихъ правильность и повторяемость явленій этого взаимодѣйствія. Изъ этого опредѣленія сама собой вытекаетъ важность языка для національности. Можно даже сказать, что языкъ и національность—это понятія если не тождественныя, то вполнѣ покрывающія одно другое. Предѣлы одного—тождественны съ предѣлами другого» и т. д. См. «Очерки по исторіи русской культуры», ч. III, вып. I, Спб. 1903, стр. 7 и слѣд. Какъ видитъ читатель, это не совсѣмъ то, что утверждаетъ г. Войниловичъ.

мала буржуазія» и т. д. А изъ всего вышесказаннаго торжественный выводъ, что для г. Войниловича національный вопросъ—несуществуюцій вопросъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же стремительный авторъ свою статью заканчиваетъ положительнымъ утвержденіемъ, что объ этотъ «несуществуюцій» вопросъ «скрізь соціальна демократія такъ чи инакше спотикається».

Говорятъ, что у каждаго барона есть своя фантазія,—почему бы не имѣть своей фантазіи и г. Войниловичу? Но только онъ совершенно напрасно искажаетъ чужія мнѣнія, наивничаетъ и ссылается при этомъ на филологовъ, которые навѣрное очень хорошо знаютъ,надъ чѣмъ имъ приходится оперировать. Но дѣло пока не въ этомъ, а въ исходномъ пунктѣ г. Войниловича: вопросы возбуждаются лишь точно опредѣленными, изучеными и, такъ сказать, порѣшенными и припечатанными явленіями. Не знаю, какіе собственно вопросы подобныя явленія могутъ возбуждать у г. Войниловича, но, по моему скромному разумѣнію—разъ явленіе изучено, точно опредѣлено и установлено во всѣхъ деталяхъ, то тѣмъ самымъ оно уже перестаетъ давать матеріалъ для какихъ бы то ни было самостоятельныхъ вопросовъ; оно тогда сдается, если такъ можно выразиться, въ архивъ человѣческихъ знаній, изъ котораго извлекается лишь для дальнѣйшихъ выводовъ, для аргументовъ, иллюстрацій и т. д., но само по себѣ, повторяю, вопросовъ возбуждать не можетъ. Очевидно, весь этотъ упрощенный методъ разсужденія, все это наивничанье въ руку г. Флоринскаго—является ли украинскій языкъ настоящимъ языкомъ, или только нарѣчіемъ—понадобились нашему автору только для того, чтобы заявить о своемъ незнаніи, что́ такое языкъ, но послѣдній отъ этого, конечно не перестаетъ быть фактомъ, съ которымъ и самъ г. Войниловичъ, старающійся писать по украински, очевидно считается. И если г. Войниловичъ «знається на сьому питанні о стільки», чтобы съ увѣренностью заявить, что національный вопросъ выдуманъ буржуазіею, то изъ этого съ несомнѣнностью слѣдуетъ лишь одинъ выводъ, а именно, что авторъ самолично произнесъ весьма недвусмысленный судъ надъ самимъ собою и своими категорическими разсужденіями. Если бы

г. Войниловичъ, вмѣсто того величественнаго презрѣнія, какимъ онъ ограничивается по отношенію къ наукѣ, именуемой имъ свысока «буржуазной», нѣсколько тверже зналъ ея положенія, то несомнѣнно онъ былъ бы осторожнѣе и въ своихъ выводахъ. Да что уже говорить о «буржуазной» наукѣ, когда г. Войниловичъ не знакомъ даже со своей партійной литературой, одинъ изъ столповъ которой, К. Каутскій, вполнѣ опредѣленно доказываетъ, напр., совершенно обратное—что «національная идея *не есть нѣчто искусственно вызванное* газетчиками и политиками» [1]; а другой, Зомбартъ, констатируетъ, что «патріотизмъ, любовь къ отечеству—это чувство крѣпко внѣдряется помимо нашего сознанія и воли; оно столь же законно, какъ тоска по родинѣ или любовь къ матери»; что «это сумма впечатлѣній, воспоминаній, надъ которыми мы не властны», и онъ, Зомбартъ, не видитъ, «почему это чувство должно быть удѣломъ лишь отдѣльныхъ классовъ» [2]). Рекомендуя вниманію г. Войниловича эти взгляды людей для него несомнѣнно авторитетныхъ, отъ которыхъ онъ узнаетъ, что національный вопросъ интересенъ не исключительно съ точки зрѣнія «буржуазійного світогляду», отъ себя прибавлю только, что его личное признаніе національнаго вопроса несуществующимъ есть не рѣшеніе, а просто боязнь предъ «націоналістичною (sic) ересью», говоря его собственными словами. Однако изъ того, что правовѣрный г. Войниловичъ боится возникновенія ереси и отмахивается отъ нея, совсѣмъ не геройски разрубая запутанный узелъ, вовсе еще не слѣдуетъ, конечно, что несомнѣнно существующій фактъ, «по щучьему велѣнью», окончитъ съ позоромъ свое существованіе и національный вопросъ перестанетъ интересовать товарищей г. Войниловича. Хотя онъ и берется говорить отъ лица «пролетарів» вообще, но думаю, что весьма многіе изъ его товарищей испытывали большую неловкость, читая полную проти-

---

[1]) Карлъ Каутскій—Очерки и этюды. Спб. 1901, стр. 105.

[2]) Вернеръ Зомбартъ—Соціализмъ и соціальное движеніе въ XIX столѣтіи. Спб. 1905, стр. 151.

ворѣчій, незнанія и комичной развязности статью «Неістнуюче питанне», очевидно при томъ смѣшивающую національный вопросъ съ шовинизмомъ...

Я потому то на дѣтскихъ разсужденіяхъ г. Войниловича и остановился, чтобы показать, какъ «несуществующій» и упорно въ теоріи отрицаемый вопросъ на практикѣ вламывается въ міросозерцаніе самихъ же отрицателей и заставляетъ ихъ реагировать все-таки на боли и нужды національнаго организма. Уже это упорное отрицаніе является въ этомъ смыслѣ чрезвычайно характернымъ и подозрительнымъ: покончивъ, казалось бы, съ національнымъ вопросомъ окончательно и навсегда, приходится все-таки къ нему возвращаться, снова и снова доказывая необходимость его отрицанія,—это ли не лучшее опроверженіе всѣхъ разсужденій о національномъ вопросѣ, какъ «несуществующемъ». И можно съ увѣренностью сказать, что всѣ попытки отдѣлаться отъ національнаго вопроса, отмахнуться отъ него, въ нашемъ положеніи впередъ обречены на полную неудачу. Признаки національнаго существа принадлежатъ вѣдь къ общечеловѣческимъ признакамъ, лишь варьирующимся въ зависимости отъ условій времени, мѣста и среды; вытравить эти признаки нѣтъ возможности, не исказивъ вмѣстѣ съ тѣмъ до извѣстной степени и человѣческаго образа и подобія. Тамъ, гдѣ этимъ признакамъ не грозитъ вытравленіе, гдѣ удовлетвореніе національныхъ потребностей не встрѣчается съ ограниченіями—національный вопросъ дѣйствительно не существуетъ, или правильнѣе говоря—не чувствуется, какъ не чувствуется воздухъ, которымъ мы дышемъ, или здоровье, пока мы имъ пользуемся. Но попробуйте заключить человѣка въ безвоздушное пространство, попробуйте отнять у него здоровье—и какимъ насущнымъ благомъ, настоятельно необходимымъ, безъ котораго сама жизнь становится невозможной, сдѣлаются эти незамѣтныя въ нормальномъ положеніи условія счастливаго существованія. Національный вопросъ, существуя въ связанномъ, потенціальномъ состояніи во всякомъ человѣческомъ обществѣ, достигшемъ извѣстнаго уровня культурнаго развитія, острое значеніе пріобрѣтаетъ лишь при наличности національнаго угнетенія и, можно сказать, имъ и по-

рождается, вызывается къ жизни. Для угнетенныхъ націй вопросъ національный есть вопросъ въ нѣкоторомъ родѣ чистаго воздуха, крѣпкаго здоровья и теряетъ такое значеніе только при справедливомъ разрѣшеніи, т. е. полномъ удовлетвореніи національныхъ потребностей. До тѣхъ поръ всѣ усилія объявить національный вопросъ несуществующимъ—останутся голымъ пожеланіемъ того или иного лица, доктринерской попыткой посредствомъ соотвѣтственнаго декрета упразднить жизнь съ ея непреложными требованіями. А извѣстно, какую цѣну имѣютъ всѣ такія попытки: не разрѣшая въ сущности вопроса, а лишь отодвигая его рѣшеніе, онѣ создаютъ только фикцію рѣшенія, а вопросъ остается все въ прежнемъ положеніи, а господамъ доктринерамъ, приносящимъ человѣка въ жертву субботѣ, приходится все повторять свои попытки безъ всякихъ практическихъ результатовъ. И пока, повторяю, національныя потребности украинскаго народа остаются въ области pia desideria, національный вопросъ у насъ, разумѣется, будетъ существовать, и всѣ усилія объявить его несуществующимъ, выдумкой буржуазіи для оглушенія классового сознанія и отвлеченія рабочихъ слоевъ отъ болѣе существенныхъ вопросовъ и т. д.—напрасно потраченный трудъ: жизнь сильнѣе доктринерскихъ разсужденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ и теоретическіе противники національнаго вопроса, его отрицатели, на практикѣ должны стоять на немъ, если не хотятъ перестать быть самими собой. Слѣдовательно, на этомъ пунктѣ всегда возможно единеніе между самыми различными теченіями среди украинскаго общества вплоть до того момента, когда украинскій національный вопросъ въ самомъ дѣлѣ не будетъ упраздненъ единственно правильнымъ методомъ—путемъ полнаго удовлетворенія всѣхъ настоятельныхъ и неотложныхъ нуждъ украинскаго народа и его національныхъ требованій.

Въ зависимости отъ опредѣленныхъ условій времени и среды, самая разработка національнаго вопроса въ украинской литературѣ отличается особымъ характеромъ. Національный вопросъ занимаетъ и интересуетъ украинцевъ не какъ философско-соціологическая проблемма, не какъ чисто разсудочное теоретизированіе—результатъ «ума холодныхъ наблюденій», а какъ рядъ

практическихъ требованій, въ полномъ смыслѣ слова—«сердца горестныхъ замѣтъ«. Въ ежедневной мелкой борьбѣ за національное существованіе некогда думать о холодныхъ разсужденіяхъ, некогда создавать отвлеченныя категоріи; нужно откликаться на запросы текущаго дня, создавать аргументы чисто практической цѣнности и потому-то, при малочисленности и случайности теоретическихъ сочиненій на тему національнаго вопроса, украинская публицистика всегда обращала преимущественное вниманіе на эту практическую сторону дѣла, выставляя рядъ требованій именно послѣдняго характера и обосновывая ихъ по большей части также съ точки зрѣнія практической желательности, необходимости и осуществимости.

Я не имѣлъ намѣренія говорить здѣсь объ украинскихъ партіяхъ; мало того, при настоящихъ условіяхъ не считаю этого даже и возможнымъ по указаннымъ уже причинамъ, иначе пришлось бы на каждомъ шагу обуздывать самого себя въ ущербъ истинѣ. На сколько мнѣ приходилось касаться разныхъ украинскихъ партій, я постоянно имѣлъ въ виду извѣстный анекдотъ о нѣкоторомъ сынѣ строгаго отца, просившемъ фотографа сдѣлать его изображеніе «немножко непохожимъ, чтобы тятенька не узналъ». Извиняясь предъ читателемъ за не совсѣмъ, быть можетъ, ясную форму своихъ замѣтокъ, особенно въ той части ихъ, которая касается украинскихъ партій, я прошу его объ одномъ одолженіи—также всегда имѣть въ виду указанный анекдотъ и не быть слишкомъ требовательнымъ къ пишущему эти строки, который и самъ видитъ многія прорѣхи въ своемъ изложеніи, но заштопать ихъ при всемъ своемъ желаніи, пока не можетъ.,.Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ мнѣ и не нужна была детальная характеристика различныхъ украинскихъ направленій, я хотѣлъ только, во-первыхъ, подчеркнуть то обстоятельство, что нѣтъ никакихъ основаній сваливать всѣхъ украинцевъ въ одну кучу и выдумывать несуществующую единую «украинофильскую» партію, и во-вторыхъ, указать на то, что́ дѣйствительно является до извѣстной степени общимъ для всѣхъ партій. Разница между ними, и при томъ существенная, по большей части выходитъ уже изъ границъ собственно національнаго вопроса и коренится въ основахъ общаго міросозерца-

ній, а этимъ послѣднимъ украинскія партіи болѣе или менѣе аналогичны съ соотвѣтственными партіями у другихъ народовъ. Правда, и относительно требованій чисто національнаго характера существуетъ—болѣе, впрочемъ, количественная—разница; если всѣ украинцы сходятся, напр., на первомъ, можно сказать, пунктѣ—относительно предоставленія свободы украинскому слову, то весьма возможно, что съ продолженіемъ ряда требованій, число раздѣляющихъ ихъ будетъ уменьшаться, такъ какъ болѣе умѣренные элементы несомнѣнно всегда склонны помириться на меньшемъ, останавливаясь часто на полдорогѣ и не доводя своихъ требованій до ихъ логическаго конца...

Каковы же собственно требованія украинцевъ? Обоснованный отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ статьѣ г. Стешенка «Украинофилы», напечатанной въ «Южныхъ Запискахъ». Украинская интеллигенція, по словамъ г. Стешенка,

> стремится къ національизаціи всѣхъ учрежденій, находящихся на территоріи Украйны и для украинскаго народа. Сразу, по первому впечатлѣнію, это кажется чѣмъ то чрезмѣрнымъ, фантастическимъ, напоминающимъ нелѣпые толки объ отдѣленіи Украины отъ Россіи. Но послѣ маленькаго размышленія, дѣло кажется слишкомъ яснымъ. *Школа* для украинскаго народа неужели можетъ быть иной, чѣмъ только украинской? *Судъ* для украинскаго народа неужели можетъ вестись на иномъ языкѣ, чѣмъ украинскій? *Проповѣди* для украинскаго народа неужели могутъ быть иныя, чѣмъ украинскія? *Театръ* для украинскаго народа неужели можетъ быть инымъ, чѣмъ украинскимъ? И такъ далѣе до безконечности. Все, съ чѣмъ мы идемъ къ украинскому народу, какъ и всякому другому, можетъ быть съ внѣшней стороны только національнымъ. И потому національизація учрежденій на Украйнѣ есть стремленіе, несомнѣнно присущее украинской интеллигенціи и несомнѣнно глубоко правильное и естественное, ибо глубоко педагогическое [1]).

[1]) И. Стешенко. — Украинофилы. «Южныя Записки», № 13, стр. 3—4.

Оставивъ въ сторонѣ нѣсколько путающій терминъ «націонализація», употребляемый обыкновенно въ иномъ значеніи, и дополнивъ указанныя требованія новыми, въ приведенной выдержкѣ скрывающимися подъ словами: «и такъ далѣе до безконечности»,—можно бы вполнѣ подписаться подъ заявленіемъ г. Стешенка. Но при этомъ необходимо отмѣтить, что если нѣкоторыя изъ указанныхъ и неуказаныхъ г. Стешенкомъ требованій въ настоящее время являются настолько безспорными, что не вызываютъ уже рѣшительно никакихъ возраженій и развѣ только кликуши изъ «Гражданина» могутъ еще продолжать свои истерическія завыванія по поводу, напр., отмѣны ограниченій для украинской печати, то другія требованія являются не столь общепризнанными. Есть основанія надѣяться, что вообще всѣ ограниченія, которыми стѣсняется дѣятельность, выходящая изъ частной иниціативы, какъ печатное слово, театръ и проч., должны пасть въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени. Украинская печать раньше всего воспользуется отмѣной ограниченій и, не смотря на предсказанія возможныхъ Маланій, она, при правильной постановкѣ дѣла, скоро переживетъ первый критическій періодъ формированія и быстро завоюетъ вниманіе читателей, главнымъ образомъ изъ народа, которымъ особенно необходимо близкое и понятное слово. Но далѣе слѣдуютъ учрежденія, болѣе или менѣе выходящія изъ предѣловъ частной иниціативы, въ первой линіи—школа. Будетъ ли дана возможность украинцу учиться на родномъ языкѣ—этотъ вопросъ вызываетъ пока нѣкоторыя сомнѣнія. Уже въ извѣстномъ запросѣ комитета министровъ, адресованномъ академіи наукъ и университетамъ мы находимъ этотъ «крупный недочетъ—принципіальное устраненіе вопроса о допущеніи малорусскаго языка въ школу» [2]),—недочетъ, имѣющій повидимому, симптоматическое значеніе, какъ отраженіе взглядовъ, господствующихъ на данный вопросъ въ правящихъ сферахъ. Но оставляя въ сторонѣ даже эти послѣднія, можно думать, что

---

[3]) Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ—Малорусская цензура. „Русскія Вѣдомости“, № 73.

требованія украинцевъ по школьному вопросу и среди общества не встрѣтятъ столь единодушнаго сочувствія—просто уже въ силу нѣкоторой долговременной традиціи, всосавшейся въ мозгъ средняго обывателя. Между тѣмъ вопросъ этотъ уже теперь выдвигается на очередь; подъ заглавіемъ «Нужды украинской школы» въ газетахъ находимъ слѣдующее заявленіе:

Мы, нижеподписавшіеся, собравшись 26-го февраля 1905 года почтить память поэта Т. Г. Шевченко, соединяясь въ чувствѣ величайшей боли, которую вызываетъ въ насъ тяжелое положеніе народа, давшаго намъ великаго нашего поэта, и находя, что одной изъ главныхъ причинъ такого положенія являются царящіе среди народныхъ массъ мракъ и невѣжество, пришли, послѣ обсужденія, къ слѣдующимъ выводамъ.

Существующая для украинскаго народа начальная школа совершенно не отвѣчаетъ требованіямъ просвѣщенія ни по языку, ни по содержанію преподаваемаго. Родной языкъ народа изгнанъ изъ школы, нашихъ дѣтей учатъ презирать его, какъ грубый и недостойный употребленія жаргонъ; преподаваніе ведется на языкѣ чужомъ, мало понятномъ, вслѣдствіе чего дѣти не могутъ усвоить хорошо даже простой грамотности. Почти все учебное время въ школѣ уходитъ на заучиваніе непонятныхъ словъ, что дѣйствуетъ угнетающе на дѣтскій умъ, притупляетъ его пытливость и часто порождаетъ даже отвращеніе къ книгѣ. Поэтому нѣтъ возможности пріобрѣтать какія-либо полезныя знанія, тѣмъ болѣе, что само учебное начальство умышленно ограничиваетъ кругъ этихъ знаній. О нашемъ родномъ краѣ въ школѣ или совсѣмъ умалчиваютъ, или даютъ извращенныя свѣдѣнія. Вслѣдствіе всего этого у насъ въ дѣйствительности нѣтъ народнаго образованія.

Что касается средней и высшей школы, то, не входя въ разсмотрѣніе содержанія преподаваемаго въ ней, мы видимъ, что и здѣсь также совершенно изгнаны нашъ языкъ, наша литература, а исторія предлагается ученикамъ въ извращенномъ видѣ съ цѣлью заставить насъ забыть свое прошлое. И здѣсь мы систематически и постоянно оскорбляемы въ дорогихъ для насъ чувствахъ любви къ родинѣ и родному языку,—любви, составляющей неотъемлемое право каждаго человѣка.

Понятно, что вся эта система является лишь частью общей внутренней политики государства, замѣна которой инымъ правопорядкомъ, основаннымъ на участіи въ осуществленіи законодательной власти свободно избранныхъ всѣмъ населеніемъ путемъ равнаго, прямого и тайнаго голосованія представителей, является въ настоящее время неизбѣжной. Въ политикѣ этой есть одна черта, которая играетъ въ занимающемъ насъ вопросѣ особенно важную роль, а именно—совершенно отрицательное отношеніе къ населяющимъ Россію негосударственнымъ народностямъ, какъ къ таковымъ; отношеніе, возведенное въ систему, цѣль которой—поглощеніе государственной народностью всѣхъ остальныхъ. Благодаря этому принципу, каждая негосударственная національность Россіи поставлена въ положеніе осужденной на медленную смерть, такъ какъ дальнѣйшее ея существованіе предполагается для государства чѣмъ-то вреднымъ, опаснымъ, а потому и подлежащимъ устраненію. Отсюда цѣлый рядъ стѣсненій національной жизни негосударственныхъ народностей Россіи. Вслѣдствіе этого народности, изъ которыхъ слагается государство, не развиваются, а потому не развивается и само государство; кромѣ того онѣ не могутъ не относиться отрицательно къ такому государственному порядку, который отрицаетъ самое ихъ существованіе.

Выходомъ изъ этого положенія можетъ явиться лишь созданіе такого порядка, при которомъ возможно будетъ братское сожительство населяющихъ государство народностей, когда народности государства, съ одной стороны, подчинены необходимымъ требованіямъ общегосударственной жизни, а съ другой—каждая изъ нихъ получаетъ нерушимое право и возможность культивировать свои національныя начала и свой языкъ. Въ такомъ разноплеменномъ государствѣ, какъ Россія, лишь эта, противоположная централистической, система, послѣдовательно проведенная, можетъ обезпечить въ надлежащей мѣрѣ внутреннее спокойствіе государства и интересы его народностей,—конечно, при осуществленіи общихъ требованій: неприкосновенности личности и жилища равноправныхъ гражданъ, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ, а также экономической политики, направленной къ полному удовлетворенію нуждъ рабочаго класса.

При такомъ разрѣшеніи вопроса возможно будетъ и устраненіе тѣхъ ненормальностей въ дѣлѣ народнаго образованія, о которыхъ сказано выше, и замѣна существующей школьной системы совершенно иной, при которой для украинскаго народа школа низшая, средняя и высшая будетъ съ украинскимъ языкомъ преподаванія—съ тѣмъ, чтобы государственный языкъ былъ изучаемъ въ ней, какъ одинъ изъ обязательныхъ учебныхъ предметовъ.

Относясь отрицательно ко всему, что содѣйствуетъ отграниченію народныхъ массъ отъ образованныхъ слоевъ общества, мы находимъ необходимымъ не только всеобщее обязательное и безплатное обученіе въ народной школѣ, безъ вѣроисповѣдныхъ, національныхъ и сословныхъ ограниченій, но также созданіе такой организаціи народнаго образованія, которая, начинаясь низшей народной школой, заканчивалась бы университетомъ—такъ, чтобы каждая школа высшаго типа служила непосредственнымъ продолженіемъ предшествовавшей.

Успѣшно дѣйствующая народная школа возможна лишь на родномъ языкѣ народа, и разъ эта школа является только первой ступенью длинной лѣстницы, ведущей на высоты знанія, частью, органически связанной со своимъ цѣлымъ, то и школа средняя и высшая должна основываться на томъ же принципѣ—народнаго языка преподаванія, въ нашемъ случаѣ—украинскаго; только при исполненіи этого условія возможно устраненіе того глубоко-ненормальнаго положенія вещей, при которомъ у насъ многомилліонныя народныя массы относятся къ одной народности, а живущая среди нихъ интеллигенція—къ другой, благодаря чему между первыми и второй лежитъ глубокая пропасть, исключающая возможность плодотворнаго единенія народа и его интеллигенціи въ работѣ. При этомъ мы полагаемъ, что замѣна существующихъ для украинскаго населенія народныхъ школъ школами съ украинскимъ языкомъ преподаванія должна наступить немедленно, между тѣмъ какъ введеніе въ жизнь украинскихъ школъ средней и высшей можетъ быть произведено постепенно, при чемъ первой ступенью для этого должно быть немедленное введеніе въ нихъ, какъ учебныхъ предметовъ, украинскаго языка, украинской литературы и исторіи Украины.

Въ частности относительно народныхъ школъ мы полагаемъ необходимымъ: а) устраненіе созданной бюрократіей мертвящей тенденціозности, нынѣ господствующей въ народной школѣ; расширеніе школьной программы и измѣненіе ея въ такомъ направленіи, чтобы она отвѣчала реальнымъ потребностямъ народа и выводамъ современной науки; б) полная передача всѣхъ народныхъ школъ въ вѣдѣніе обществъ и органовъ мѣстнаго самоуправленія.

Относительно среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній на территоріи украинскаго народа мы, кромѣ вышесказанцаго находимъ необходимымъ присоединиться всецѣло къ выраженнымъ въ запискѣ «Нужды просвѣщенія» («Наши Дни», 1905 г., № 22) требованіямъ академической свободы.

Наконецъ, высказываясь вообще за свободу частной инициативы въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, мы находимымъ необходимъ устраненіе всѣхъ запретительныхъ и стѣснительныхъ мѣръ въ дѣлѣ организаціи библіотекъ, читаленъ, публичныхъ чтеній и иныхъ просвѣтительныхъ начинаній и свободное пользованіе для ихъ цѣлей всѣми произведеніями печати, обращающимися на книжномъ рынкѣ.

Настоящее наше заявленіе поручаемъ избраннымъ нами лицамъ обнародовать въ печати и, кромѣ того, представить будущему всероссійскому собранію народныхъ представителей [1]).

Приведенное заявленіе въ краткой и потому нѣсколько догматической формѣ приводитъ главнѣйшія основанія, въ силу которыхъ должна быть произведена требуемая реформа школъ, предназначенныхъ для украинскаго народа. Я не буду подробно излагать и развивать эти основанія, такъ какъ для этого потребовались бы не спѣшныя замѣтки на текущія темы, а спеціальная детальная работа, которая отчасти уже сдѣлана въ многочисленныхъ статьяхъ

---

[1]) „Сынъ Отечества", № 65; „Полтавщина", № 92. Подлинный текстъ записки подписанъ въ Кіевѣ пятьюстами лицами, при чемъ изъ различныхъ мѣстъ продолжаютъ поступать заявленія многихъ лицъ о желаніи присоединить и свои подписи къ запискѣ.

и несомнѣнно еще будетъ дополнена новыми, посвященными выясненію и разработкѣ того же вопроса [1]). Я хотѣлъ только обратить вниманіе читателей на положеніе школьнаго дѣла у насъ и отмѣтить, что введеніе преподаванія въ украинскихъ школахъ на народномъ языкѣ мнѣ представляется неизбѣжнымъ дѣломъ, которое рано или поздно будетъ осуществлено, такъ какъ къ этому неудержимо ведетъ естественный ходъ вещей. Единственнымъ возраженіемъ противъ украинизаціи школьного обученія является то, что русская школа якобы открываетъ своему питомцу доступъ къ богатой русской литературѣ, съ которой не можетъ соперничать украинская,—но, во-первыхъ, практика ясно показала, что такого пріобщенія къ русской литературѣ вовсе не существуетъ въ дѣйствительности, а во-вторыхъ, то же возраженіе можно бы выставить противъ всякой школы—польской, литовской, грузинской, армянской и т. д., а между тѣмъ по отношенію къ перечисленнымъ народностямъ этотъ аргументъ раздается все рѣже и рѣже. Опубликованный на дняхъ указъ сенату отъ

---

[1]) Отмѣтимъ, кстати, появившійся за послѣднее время въ газетахъ матеріалъ по данному вопросу: «Украинская народная школа» Л. Ж. «Полтавщина», № 77; «Объ одномъ изъ приказовъ» г. Петрищева, «Волынь», № 73; «Малороссійскій языкъ и народная школа» Народной учительницы, «Приднѣпровскій Край», № 2439; «Малорусская цензура» проф. Сумцова, «Русскія Вѣдомости», № 73 (конецъ посвященъ именно школьному вопросу); «Странное мѣсто» Б. Гринченка, «Южныя Записки», № 12. «Нѣсколько словъ по поводу народнаго просвѣщенія» Звенигородца, «Кіевскія Отклики», № 121. Кромѣ того, вопросъ о допущеніи украинскаго языка въ школу былъ возбужденъ Харьковскимъ Обществомъ взаимопомощи трудящихся женщинъ („Кіевскіе Отклики“, № 89) О чтеніяхъ и популярныхъ брошюрахъ на украинскомъ языкѣ высказались въ виду ожидаемой холеры: нѣжинское уѣздное земское собраніе («К. О.», № 74), санитарный совѣтъ золотоношской земской управы («К. О », № 83) и общество врачей г. Ровно («К. О.», № 86); а бывшій въ Москвѣ послѣдній Пироговскій съѣздъ постановилъ общую резолюцію объ освобожденіи отъ цензуры «всѣхъ сообщеній, листковъ, организованныхъ совѣщаній и частныхъ бесѣдъ на русскомъ и національныхъ языкахъ» («К. О.», № 75).

3 мая, вводящій—правда, въ скромномъ размѣрѣ—преподаваніе народнаго языка въ школахъ польскихъ и литовскихъ, несомнѣнно представляетъ весьма характерное явленіе въ смыслѣ поворота отъ политики насильственнаго обрусенія къ предстоящему въ будущемъ рѣшенію школьнаго вопроса и, конечно, реформа въ свое время будетъ распространена на все населеніе, не владѣющее русскимъ языкомъ,—въ томъ числѣ и на украинское. Правда, украинское населеніе всегда считалось на особомъ положеніи, но нужно надѣяться, что желанный поворотъ произойдетъ и въ этой области. Теперешній методъ просвѣщенія на Украинѣ посредствомъ чужого языка осужденъ вѣдь уже достаточно выразительно, а въ обратномъ своемъ примѣненіи онъ вызывалъ когда то бурю негодованія и среди самихъ великороссовъ. Весьма интересной въ этомъ отношеніи можетъ быть справка, что въ исторіи былъ однажды моментъ, когда теперешніе «просвѣтители» и «просвѣщаемые» перемѣнились, было, ролями, и великороссамъ тогда весьма не по нутру были педагоги изъ украинцевъ, выражавшіе стремленіе къ украинизаціи великорусской школы. Одинъ изъ изслѣдователей русской духовной школы XVIII вѣка отмѣчаетъ что,

„черкасы", сосредоточившіе на себѣ столько ненависти со стороны своихъ великорусскихъ учениковъ и выучениковъ, ставшихъ ихъ соперниками, *были для великорусской школы „люди въ собственномъ смыслѣ чужіе, наѣзжіе изъ какой то чужой стороны, какой тогда представлялась Малороссія, съ своеобразными привычками, понятіями и самой наукой, съ своей малопонятною, странною для великаго русскаго ума рѣчью"*. Они „не только *не хотѣли приноровиться къ просвѣщаемому ими юношеству и къ призвавшей ихъ странѣ, но даже явно презирали великоруссовъ, какъ дикарей, надъ всѣмъ смѣялись и все порицали, что было не похоже на ихъ малороссійское, а все свое выставляли и навязывали какъ единстввенно хорошее*. Сдѣлавшись преподавателями въ великорусскихъ школахъ, *они не оставили даже своего провинціальнаго (sic!) нарѣчія, вслѣдствіе чего*, по замѣчанію одного изъ изслѣдователей по исторіи нашихъ семинарій,

ни учителя учениковъ, ни ученики учителей не понимали. Преданность ихъ своему нарѣчію доходила до такой степени, что *они даже въ классѣ осмѣивали формы великорусскаго нарѣчія и принуждали учениковъ объясняться такъ, какъ они сами говорили,* напр., запрещали говорить: „въ Кіевѣ“ и требовали, чтобъ говорили: „у Киеві“... „Самая наука, которую принесли съ собой учителя-малороссы, *стоила многихъ мученій великорусскому юношеству и долго возбуждала въ немъ непреодолимое отвращеніе,* пока кое-какъ не привилась на новой, непривычной къ ней почвѣ“.

Противодѣйствіе этой наукѣ, очень медленно ослабѣвая, наблюдается во всѣ первыя 6 десятилѣтій XVIII вѣка. За исключеніемъ одного Ѳеодосія Яновскаго, сдѣлавшаго въ свое время попытку приспособить новое латинское образованіе къ мѣстнымъ великорусскимъ преданіямъ, другіе архіереи-черкасы дѣйствовали прямо въ подрывъ этимъ преданіямъ. Семинарскіе курсы повсюду являлись точною копіей курса Кіевской академіи, сложившагося подъ западнымъ вліяніемъ по латинско-католическимъ образцамъ [1]).

Я съ предвзятымъ намѣреніемъ привелъ эту длинную выдержку, какъ свидѣтельство потерпѣвшей стороны, въ настоящее время уже возстановленной въ своихъ правахъ на собственный языкъ въ школѣ. И однако, обратите вниманіе, какое возмущеніе, какая горечь слышится въ этомъ разсказѣ о давно прошедшихъ временахъ!.. Трудно болѣе отрицательно и рѣзко отнестись къ дѣйствію «черкасъ» XVIII вѣка, старавшихся украинизовать великорусскую школу, но мы, потомки этихъ «черкасъ», обѣими руками подпишемся подъ всѣми высказываемыми по ихъ адресу упреками. Одно сопоставленіе однако напрашивается само собою—не то ли самое дѣлаютъ теперь съ нами? Вѣдь переставить слова—велико-

---

[1]) ~~Петръ~~ Струве—~~Лю~~бопытный обывательскій протестъ противъ школьного классицизма XVIII вѣка, „Міръ Божій“, 1901, іюль, 189—190. Приведенная мной характеристика „черкасъ“ сдѣлана г. Струве по сочиненію проф. Знаменскаго „Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года“.

россы» и «малороссы»—одно на мѣсто другого и выбросивъ упоминаніе о XVIII вѣкѣ, получимъ... точную, безпристрастную картину современнаго состоянія школьного дѣла на Украинѣ. Припомните изъ приводимой выше записки «О нуждахъ украинской школы», что «родной языкъ народа *изгнанъ изъ школы*, нашихъ дѣтей *учатъ презирать его, какъ грубый и недостойный употребленія жаргонъ*... Почти все учебное время въ школѣ уходитъ на *заучиваніе непонятныхъ словъ*, что дѣйствуетъ угнетающе на дѣтскій умъ, притупляетъ его и часто *порождаетъ даже отвращеніе къ книгѣ*» и т. д.,—аналогія полная, доходящая до тождества въ выраженіяхъ! Какъ въ XVIII в. въ Великороссіи, такъ теперь у насъ ни ученики учителей, ни обрусители-учителя учениковъ не понимаютъ; въ классѣ открыто осмѣиваютъ формы украинскаго языка и принуждаютъ учениковъ даже дома объясняться на чужомъ языкѣ; самая наука, которая преподается въ нашихъ школахъ, если и уступаетъ въ схоластичности старой латинской наукѣ, то во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ еще достаточно элементовъ для того, чтобы стóить многихъ мученій нашему школьнику, возбуждая въ немъ отвращеніе къ просвѣщенію; а затѣмъ—эта чуждая атмосфера, насыщенная презрѣніемъ ко всему родному, эти неприспособленные къ пониманію нашего ребенка учебники, пестрѣющіе непонятными описаніями чего то далекаго, чужого, холоднаго—все это создаетъ ту обстановку нашей школы, которая мѣтко охарактеризована Ушинскимъ, какъ «странное мѣсто» [1]). «Бойкій мальчикъ,—разсказываетъ о вліяніи этого «страннаго мѣста» народная учительница,—котораго вы только что слышали на улицѣ, какъ живо и остроумно разсказывалъ онъ что то внимательно слушавшимъ его товарищамъ, теперь вдругъ становится робкимъ, неувѣреннымъ, напряженно подыскивающимъ слова и коверкающимъ и русскую рѣчь, и малорусскую. Куда дѣвалась живость мысли, образность выраженій—весь тотъ богатый лексическій матеріалъ, который такъ дорогъ для преподавателя?» [2]). Разница между временами

---

[1]) См. Б. Гринченка—«Странное мѣсто», „Южныя Записки», № 12.

[2]) «Малороссійскій языкъ и народная школа» въ № 2439 «Приднѣпровскаго Края».

давнопрошедшими и настоящимъ только одна, да и та не въ пользу современности: не забудемъ, что темные, невѣжественные «черкасы» производили свои эксперименты обезличенія великорусскаго юношества въ XVIII вѣкѣ, а у насъ нынѣ, слава Богу, XX!.. Что было до извѣстной степени извинительно для XVIII вѣка, то слѣдуетъ считать непростительнымъ въ наше «просвѣщенное» время...

Такимъ образомъ, реформа нашей школы въ смыслѣ приспособленія ея какъ языкомъ, такъ и содержаніемъ преподаваемаго къ населенію и устраненія всевозможнаго балласта, лишь неудобоваримымъ бременемъ падающаго на учениковъ, должна быть поставлена на первую же очередь. Вмѣстѣ съ этимъ должны быть приближены къ населенію и всѣ учрежденія, назначеніе которыхъ—такъ или иначе обслуживать это населеніе, несущее на нихъ свои кровныя средства. Только тогда и школа, и всѣ остальныя учрежденія—«правительственныя мѣста», какъ ихъ называютъ—перестанутъ быть для народа тѣмъ, чѣмъ они являются въ дѣйствительности—т. е. «странными» мѣстами, да и не только странными, а во многихъ отношеніяхъ и глубоко-вредными мѣстами... Тогда будетъ заложенъ первый камень къ разрѣшенію нашего національнаго вопроса въ его нынѣшней специфической формѣ.

Но это въ полномъ смыслѣ лишь первый камень, на которомъ остановиться уже будетъ нельзя, но которой повлечетъ за собой дальнѣйшую постройку новаго зданія. Wer A sagt, muss auch B sagen—и это B должно быть произнесено. На осуществленіи указанныхъ требованій уже нельзя будетъ поставить точку, такъ какъ кромѣ чисто культурныхъ требованій выдвигаются еще политическія и экономическія, не стоящія уединенно и изолированно, а тѣсно связанныя съ первыми. Въ прошлый разъ я приводилъ резолюцію предварительнаго совѣщанія журналистовъ, признающую за каждой національностью, наравнѣ съ культурными правами, также право и на «политическое самоопредѣленіе». Обсуждая эту резолюцію, г. Южаковъ дѣлитъ всѣ національные вопросы въ Россіи на двѣ категоріи въ зависимости отъ того, живутъ ли данныя національности смѣшанно

съ другими, или же на собственныхъ территоріяхъ сплошнымъ или, по крайней мѣрѣ, преобладающимъ населеніемъ. Для первыхъ національный вопросъ, по мнѣнію г. Южакова, весь исчерпывается политической, равноправностью обезпеченной, кромѣ того, правомъ на культурное самоопредѣленіе.

Совсѣмъ иначе,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—стоитъ вопросъ, когда рѣчь идетъ о національностяхъ, занимающихъ особыя національныя территоріи. Здѣсь далеко не ясно, слѣдуетъ ли ихъ представителей включать въ русскій сеймъ или предпочтительнѣе съ созваніемъ русскаго сейма созвать сеймы польскій, грузинскій, армянскій и т. д. Мнѣ кажется, что второй методъ, не затрудняя нашихъ собственныхъ русскихъ проблемъ, *лучше и справедливѣе обосновалъ бы и рѣшеніе проблемъ нашихъ соотечественниковъ другихъ національностей*. Затѣмъ оставалось бы согласовать выработанныя программы либо переговорами, либо на общемъ сеймѣ всѣхъ автономныхъ областей [1]).

Эта мысль почтеннаго публициста развита и дополнена постановленіями перваго съѣзда россійскихъ журналистовъ, состоявшагося при участіи представителя, между прочимъ, и украинской печати 5—8 апрѣля въ Петербургѣ. Принятая по національному вопросу съѣздомъ резолюція выражена, какъ передаютъ газеты, въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ:

I. Признавая полную гражданскую и политическую равноправность всѣхъ народностей, входящихъ въ составъ россійскаго государства, и право каждой изъ нихъ на самостоятельное національно-культурное самоопредѣленіе, съѣздъ находитъ необходимымъ, чтобы эта равноправность и это право были гарантированы основнымъ закономъ государства и чтобы отдѣльнымъ народностямъ была предоставлена возможность созданія учрежденій, осуществляющихъ ихъ право на свободное національно-культурное развитіе.

---

1) С. Южаковъ — Политика, „Русское Богатство», мартъ, стр. 163.

II. Исходя изъ основного положенія о политическомъ единствѣ россійскаго государства и вмѣстѣ съ тѣмъ признавая необходимость децентрализаціи государственнаго управленія, съѣздъ находитъ, что за отдѣльными народностями, заселяющими опредѣленныя части государственной территоріи, должно быть признано право на автономію на основаніяхъ, устанавливаемыхъ особымъ для каждой области органическимъ статутомъ. Такіе статуты должны быть вырабатываемы областными собраніями, созываемыми на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, и утверждаемы всероссійскимъ законодательнымъ собраніемъ [1]).

Кромѣ того, по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ частныхъ источниковъ, эта общая резолюція была дополнена спеціальной прибавкой, относящейся уже непосредственно къ занимающему насъ вопросу,—

въ виду того,—гласитъ эта прибавка,—что 25-милліонная украинская народность въ Россіи совершенно лишена по существующимъ законамъ своей прессы и вслѣдствіе того—своего выраженія, съѣздъ признаетъ необходимымъ немедленно предоставить ей это общечеловѣческое право.

Тотъ же вопросъ объ автономіи отдѣльныхъ народностей Россіи въ положительномъ смыслѣ разрѣшенъ и недавнимъ съѣздомъ Московской земской группы. Въ опубликованной «Программѣ союза освобожденія» находимъ слѣдующее положеніе:

самое широкое областное самоуправленіе должно быть, во всякомъ случаѣ, предоставлено областямъ Имперіи, рѣзко обособленнымъ по своимъ бытовымъ и историческимъ условіямъ, напр., Польшѣ, Литвѣ, Малороссіи или Закавказью. Въ отношеніи народностей, входящихъ въ составъ Россіи, мы безусловно признаемъ ихъ право на культурное самоопредѣленіе. Употребленіе

[1]) „Кіевскіе Отклики“, № 117. Отъ бюро союза россійскихъ писателей.

въ начальныхъ школахъ и во всѣхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ народнаго языка должно быть принципіально признано необходимымъ для всѣхъ народностей Россійскаго государства[1]).

Приведенными резолюціями и постановленіями уже опредѣленно намѣчается тотъ путь политической реформы, какой можетъ удовлетворить всѣ народности, входящія въ составъ Россіи. Полная автономія, олицетворяемая мѣстнымъ народнымъ представительствомъ, въ вопросахъ внутренняго значенія, затрагивающихъ интересы только данной народности, и одновременно полная равноправность всѣхъ народностей, осуществляемая въ общеимперскомъ представительствѣ, относительно общихъ вопросовъ государственной жизни—таковы основныя требованія, которыя должны быть осуществлены предстоящей реформой. Удачное разграниченіе компетенціи мѣстныхъ и общеимперскаго представительныхъ собраній, общность при разумно проведенной децентрализаціи посредствомъ осуществленія мѣстныхъ нуждъ мѣстными же силами—дадутъ устойчивость и силу государству, но вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечатъ и возможность развитія каждой народности. Нужно твердо помнить при этомъ, что иныхъ путей къ тѣмъ же для всѣхъ желаннымъ результатамъ нѣтъ, что всякое иное рѣшеніе предложеннаго вопроса грозитъ въ будущемъ такими осложненіями, которыя должны быть предупреждены и избѣгнуты заблаговременно принятыми разумными мѣрами...

Сергій Ефремовъ.

---

1) „Полтавщина", № 102. Ср. едва ли не первое постановленіе въ этомъ направленіи, принятое парижскимъ съѣздомъ представителей различныхъ партій и опубликованное еще 1 декабря 1904 г. Какъ передаетъ оффиціозная «Финляндская Газета», это постановленіе выразилось въ слѣдующихъ пунктахъ: «право національнаго самоопредѣленія; законами гарантированное право національнаго развитія для всѣхъ народностей; устраненіе всякаго насилія со стороны русскаго правительства по отношенію къ различнымъ народностямъ» (Цитирую по «Русскимъ Вѣдомостямъ», № 116).

Кромѣ того, двухнедѣльная «Научная хроника» *(И. Брусиловскій)* и Библіографія.

Условія подписки: На годъ—6 руб., полгода—3 руб., на три мѣсяца—1 руб. 50 коп. Въ розничной продажѣ цѣна номера 15 коп.

Въ виду того, что разошлись всѣ номера за январь мѣсяцъ, подписка принимается только съ февраля (съ № 6).

Адресъ редакціи и конторы „Южныхъ Записокъ": *Одесса, Троицкая ул. № 26.*

Розничная продажа и пріемъ подписки производятся во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Юга Россіи, въ Петербургѣ въ книж. маг. Пташникова, въ Москвѣ въ книж. маг. Анисимова, «Трудъ», а также на станціяхъ Юго-Зап. ж. д.

Вышли и поступили въ продажу; новая книжка **„Приключенія Уличнаго Адвоката"** *Ал. Яблоновскаго.* Цѣна 20 коп. и **ДЕШЕВАЯ КАРТА** военныхъ дѣйствій въ 5 краскахъ на основаніи нбвыхъ данныхъ. Цѣна 15 коп., съ пересылкой 20 коп. Издаіе «Юж Зап.».

Радакторъ-издатель *К. М. Панкѣевъ.*

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

КНИГА 4-я,—АПРѢЛЬ, 1905.

I.—Мой дневникъ на войнѣ 1877—78 г.г.—1877-ой годъ.—I: 18 апрѣля – 9 іюля.—*М. А. Газенкампфа.*—II.—По совѣсти.—Романъ изъ помѣщичьей жизни нашего времени.—XII-XVIII.—*А. Новикова.*—III,—Александръ I и Наполеонъ I.—Послѣдніе годы ихъ дружбы и союза.—VII-XII.—Окончаніе.—*Ѳ. Ѳ. Мартенса.*—IV.— Графиня А. А. Толстая.—Личныя впечатлѣнія и воспоминанія.—*Ив. Захарьина (Якунина).*—V.—Женщина съ вѣеромъ.—Романъ.—Rob. Hitchens. The Woman with the fan.—VII-XI.—Съ англ. *З. В.*—VI·—Этюды о байронизмѣ.—Часть вторая: Польская литература.—*Алексѣя Весселовскаго.*—VII.—Два эрота.—Эскизъ.—W. Weigand, Der zwiefache Eros, Novelle.—I-V.—Съ нѣм. *О. Ч.*—VIII.—Изъ моихъ воспоминаній.—1843—1860 гг.—XI-XIV.—*Ек. Юнге.*—IX.—Хроника.—Внутреннее

обозрѣніе.—Главный вопросъ дня.—Составъ и задача совѣщанія, образованнаго на основаніи Высочайшаго рескрипта 18-го февраля.—Различные взгляды на способъ организаціи перваго представительнаго собранія: проекты барона П. Л. Корфа, г. Н. З. и В. Д. Кузьмина-Караваева.—Переходный порядокъ или сразу всеобщая, равная и прямая подача голосовъ?—Будущая судьба фааричной инспекціи.—Законопроекты по рабочему вопросу.—X.—Первый шагъ рабочаго законодательства въ Болгаріи.—*Н Кулябко-Корецкаго.*—XI.—Иностранное обозрѣніе.—Мукденская катастрофа и ея значеніе.—Дѣятельность генерала Куропаткина и его штаба.—Вопросъ о продолженіи войны.—Особенности газетнаго патріотизма.—Сообщенія относительно предпріятій на р. Ялу.—Недоумѣнія и вопросы.—Наши финансы и заграничные кредиторы.—Предложеніе издателю «Times».XII.—Литературное обозрѣніе.—I. Н. П. Загоскинъ. Исторія Имп. Казанскаго университета, въ 3 том. 1804—1904 г.г. Его же, за сто лѣтъ. Біограф. словарь профессоровъ Казан. университета. 1804—1904 г.г.—II. Д. Нагуевскій, профессоръ Францъ Броннеръ.—III. Въ защиту слова. Сборникъ.—IV. Сборникъ товарищества „Знаніе“, кн. III—V. Сенатскій Архивъ, т. XI.—VI. Александра Ефименко, Южная Русь, т. I.—VII. Статьи по славяновѣдѣнію, вып. I.—*Евг. Л.*—VIII. Война и наши финансы, П. П. Мигулина.—*В. В.*—Новыя книги и брошюры.—XIII.—Новости иностранной литературы.—I. R. Beer-Hofmann, Der Graf v. Charolais.—*З. В.*—II. La Pologne et la crise russe: 1. Lettre d'un Polonais à un Ministre russe. 2. Observations politiques à propos dela lettre d'un Polonais à un Ministre russe.—*Л. С.*—XIV.—Изъ общественной хроники.—Правительственное сообщеніе 18-го марта.—Имѣется ли на лицо periculum in mora?—Необходимость образованія политическихъ партій.—«Правый флангъ монархической партіи», поддѣльный и настоящій.—Дальнѣйшіе оттѣнки мнѣній.—Резолюція съѣзда журналистовъ.—Уличные безпорядки въ Псковѣ.—Совѣщаніе о печати.—Царство Польское и Финляндія.—XV.—Библіографическій листокъ.—Н. Н. Ге, его жизнь, произведенія и переписка, В. В. Стасова.—Корея—«запретная» страна, В. Алова.—Система русскаго гражданскаго права, К. Анненкова.—Вопросы начальной школы, В. Е. Чебышевой-Дмитріевой.—Курсъ двойной бухгалтеріи, С. М. Бараца.—Справочная книга для путешественниковъ, Ю. Шокальскаго, проф. К. Богдаиовича и др.—XVI.—Объявленія.—I-IV; XII.

Як. Бѣлаго. XVII. Художникъ-другъ.—*А. Чеботаревской.* XVIII. Изъ воспоминаній и переписки.—*В. А. Гольцева.* XIX. Жур. обозр. XX. Внут. обозр. XXI. Иностр. обозр.—*В. А. Г.* XXII. Соврем. искусство.—*Ю. А.* XXIII. Библіогр. отд. XXIV. Объявленія.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ и А. А. Кизеветтеръ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подп. цѣна съ дост. и	12 м.	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
перес. во всѣ мѣста Рос.	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апр. 1 іюля, 1 окт. по 3 руб. при непосред. обращеніи въ к-ру или ея отд. Цѣна отд. нумера съ переу. 1 р. 30 к. книгопрод. дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго экземпляра. Подписка принимается въ Москвѣ въ к-рѣ журнала: Ваганьк. пер. д. Куманина. Въ СПБ. въ Варшавѣ, Вильнѣ въ кн. магаз. Карбасникова, въ Кіевѣ въ кн. магаз. Оглоблина.

Изданіе редакціи, новая книга: *Олстонъ.* Краткій очеркъ современныхъ конституцій. Пер. проф. *К. А. Тимирязева.* ц. 4 р. Складъ въ к-рѣ „Русской Мысли“.

Редакторъ *В. М. Лавровъ.* Издатель *В. А. Гольцевъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древностй и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

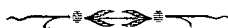
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ LXXXIX.

1905 г.

ІЮНЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I. УЧАСТІЕ И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО ВЪ ФОРМИРОВАНІИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАЧЬИХЪ ПОЛКОВЪ ВЪ 1812 г. *И. Фр. Павловскаго* . . . . 309—320

II. В. Н. КАРАЗИНЪ. Его жизнь и общественная дѣятельность. (Продолженіе). *Н. Тихаго* . . . . 321—360

III. НІОБА. (Новеля). *Гл. I—VII О. Кобылянськои* . . . 361—410

IV. МАЛОРОССЫ ПО ПЕРЕПИСИ 1897 г. *А. Ярошевича* . 411—423

V. КЪ ИСТОРІИ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ ВЪ 1831 году. *П. Клебановскаго*. 424—467

Отдѣлъ II.

I. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Украинскіе лубочные пѣсенники. *Владиміра Данилова;* б) 300 найкращыхъ украинськыхъ писенъ. *В. К.*; в) Н. Кобрынська. Выборець. *В. К.*; г) Д. Марковычъ. У наймы. На вовчому хутори. *В. К.*; д) Марко Вовчокъ. Кармелюкъ, Невильнычка, Сестра, Чумакъ, Сонъ, Два сыны, Не до пары. *В. К.* . . . 213—231

II. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Четыре документа къ исторіи украинскаго козачества. Сообщ. *В. Перетцъ*; б) Письмо Т. Г. Шевченка къ брату Никитѣ. в) Къ біографіи И. П. Котляревскаго. Сообщ. *В. Срезневскій*; г) Проводы. Сообщ. *В. Михалевичъ*; д) Правила о присужденіи преміи имени Н. В. Гоголя. 232—249

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . 249—273

ЗАМѢТКИ НА ТЕКУЩІЯ ТЕМЫ. *Сергія Ефремова*. . 274—304

ОБЪЯВЛЕНІЕ. . . . .